

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Библиотечка

ПО НАУЧНОМУ
СОЦИАЛИЗМУ

Ю9/8
П38

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЦИАЛИЗМ
И
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БОРЬБА

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1937

Г. В. ПЛЕХАНОВ

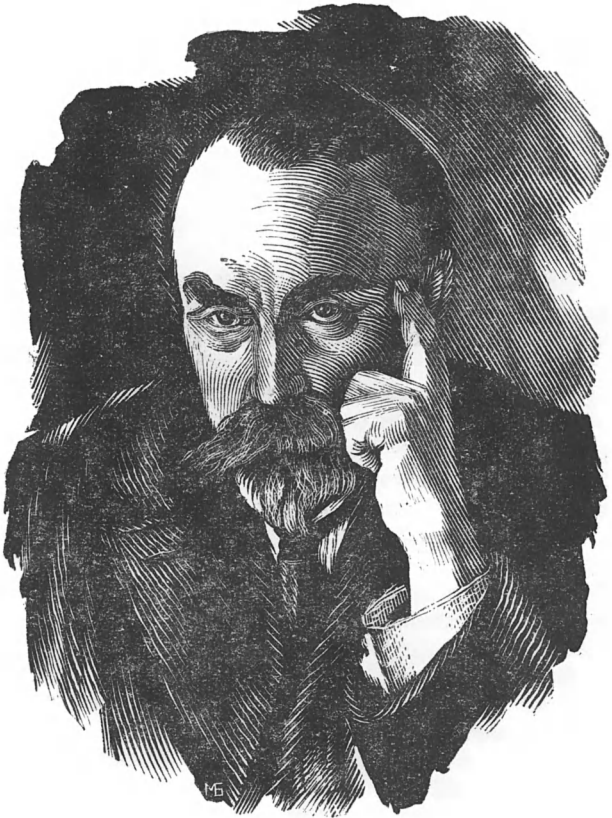
СОЦИАЛИЗМ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

ЕЩЕ РАЗ СОЦИАЛИЗМ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

*Редакционная коллегия
«Библиотечки по научному социализму»:*

**А. В. РОМАНОВ, А. М. РУМЯНЦЕВ,
Н. В. ТРОПКИН, П. П. ФЕДОСЕЕВ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Г. В. Плеханов (1856—1918) был выдающимся теоретиком и пропагандистом марксизма. Уже в юношеские годы он вступил на путь революционного движения и стал профессиональным революционером.

Г. В. Плеханов воспринял лучшие традиции русской и зарубежной материалистической и революционной мысли. В произведениях Чернышевского и Белинского он находил драгоценные зерна передовой материалистической философии и вдохновлявшие его идеи борьбы за освобождение замученного царским самодержавием русского народа.

Плеханов прошел сложный путь поисков истины и колебаний. Вначале народник, затем марксист, он в конце 1903 года становится меньшевиком, проповедуя, по словам В. И. Ленина, замену самостоятельной линии рабочего класса приспособлением к либеральной буржуазии, а в вопросах тактики и организации «колеблется самым смешным образом». Однако это не может умалить значения деятельности Г. В. Плеханова в тот период, когда он выступал как крупный пропагандист и популяризатор марксизма, как революционер, посвятивший себя распространению марксизма в России и обобщению опыта русского и зарубежного рабочего движения. В. И. Ленин говорил, что «его (т. е. Плеханова — *Л. Б.*) личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, пародников» (Соч., 4 изд., т. 20, стр. 333). В настоящий выпуск «Библиотечки по научному социализму»

входят две работы Г. В. Плеханова: «Социализм и политическая борьба» и «Еще раз социализм и политическая борьба», относящиеся именно к этому периоду его деятельности. В них наряду с критикой взглядов народничества и «экономизма» Плеханов анализирует ряд проблем научного социализма: о значении марксистской теории для революционного движения, о необходимости создания в России самостоятельной политической партии рабочего класса, о диктатуре пролетариата и ее роли в преобразовании общества, о связи экономической борьбы с борьбой политической и другие.

В 1883 году Плеханов вместе с несколькими русскими революционерами (Засулич, Аксельрод и другие) создает за границей группу «Освобождение труда». Одной из основных задач этой группы была пропаганда идей научного социализма в России с целью вооружения развивающегося революционного движения боевым оружием — великой теорией марксизма, которая, по словам Плеханова, является своего рода динамитом, взрывающим старые общественные отношения. Эта задача выполнялась путем широкой литературной деятельности всех членов группы. Переводя и издавая на русском языке важнейшие произведения Маркса и Энгельса, они и сами создавали для русских читателей работы, пропагандирующие марксизм. Особенно ценными были книги Г. В. Плеханова, сочетавшего в себе дар теоретика и талантливого публициста, умевшего в яркой форме излагать самые сложные идеи.

Группа «Освобождение труда» выпустила серию книг «Библиотека современного социализма». Первым выпуском этой серии была работа Плеханова «Социализм и политическая борьба». До ее написания Плеханов в течение нескольких лет настойчиво изучал теорию марксизма и опыт западноевропейского рабочего движения. Он был лично знаком с Ф. Энгельсом и многими видными лидерами социал-демократии Западной Европы. Марксистская теория помогла ему понять сущность экономического и политического развития России, разобраться в ошибках первых русских революционеров.

В России в 80-е годы XIX века были распространены взгляды народников, последователей русских революционных демократов. Народники — представители революционно настроенной разночинной интеллигенции, отражав-

шей недовольство крестьянства, были мелкобуржуазными революционерами. Они принципиально отвергали ведущую роль пролетариата в революционном преобразовании общества и не понимали задач предстоящей революции. Главной революционной силой России они считали крестьянство, которое неправильно рассматривали как единое целое, не видя в нем классового расслоения. Среди народников был распространен взгляд о так называемой русской самобытности, об особом общественном пути развития России, непохожем на капиталистический путь Западной Европы, о том, что Россия, будто бы минуя капитализм, через крестьянскую общину, непосредственно придет к социализму.

Народники отрицали политическую борьбу, а те из них, что объединились в организацию «Народная воля» (народовольцы), признавали ее лишь в форме индивидуального террора, в форме заговора узкого круга заговорщиков-интеллигентов с целью низвержения царского самодержавия и захвата власти. Народники были противниками марксизма. Они мешали правильному революционному просвещению масс и потому должны были быть устранены с пути революционного движения в России.

Известно, что окончательный разгром народничества был осуществлен В. И. Лениным. Однако в идейном разгроме народничества Плеханов сыграл выдающуюся роль, выступив первым против вредных и лженаучных утверждений народников, отрицавших передовую, революционную роль рабочего класса в развитии общества и значение правильного познания законов исторического развития, какое дает марксизм.

В своей работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов дал критику народничества. Эпиграфом к ней он взял известные слова К. Маркса: «Всякая классовая борьба есть борьба политическая». Как подчеркивал сам Плеханов, этим он хотел сказать народникам, в том числе и народовольцам, что заниматься политикой вовсе не значит изменять интересам трудящихся, что их борьба против самодержавия будет плодотворной и победоносной политической борьбой только в том случае, если она будет борьбой классовой, а не борьбой интеллигентов-заговорщиков.

Анализируя экономические отношения России того времени, Плеханов показал несостоятельность и нелепость

взглядов, согласно которым общественное развитие России рассматривалось сквозь «призму русской самобытности и «прирожденных коммунистических наклоностей русского народа»». Плеханов утверждал, что, вопреки этим взглядам, Россия уже прочно вступила на путь капиталистического развития, что с каждой новой фабрикой, с каждым новым наемным рабочим эта очевидность капитализма все более подтверждается. И сколько бы ни кричали сторонники русской самобытности: «Стойте производительные силы, не шевелись, капитализм!» — экономический прогресс делает свое дело. Плеханов требовал от русских революционеров понять ход исторического развития страны и встать во главе его, вместо того чтобы «упрашивать старуху-историю потоптаться на одном месте, пока они проложат для нее новые, более прямые и торные пути».

Плеханов разъясняет связь политической борьбы с классовой борьбой. На примерах из истории человеческого общества он показывает, что всюду, где возникали классы, противоречия их интересов, как правило, приводили к борьбе за политическое господство.

Точно так же и в современном обществе пролетариат ведет политическую борьбу с буржуазией потому, что политический строй общества является далеко не безразличным условием для его существования и развития, так же как и для других классов общества. История показывает, что осуществить свои идеалы тот или иной класс может лишь при условии своего политического господства. Поэтому те учения, которые отрицают необходимость политической борьбы для рабочего класса, не могут быть научными, ибо они игнорируют предметные уроки истории.

История учит, что существует определенная связь между экономическим положением того или иного класса и его политической ролью в государстве. Это постепенно осознается рабочим классом в капиталистическом обществе. Задача социалистов, по мнению Плеханова, и состоит в том, чтобы разъяснять рабочим тесную и закономерную связь экономической борьбы с борьбой политической.

Уже сама буржуазия дает пролетариату начальное политическое воспитание, как своему союзнику в борьбе с феодализмом. Сама капиталистическая организация про-

изводства и форма обмена создают как объективную, так и субъективную возможность освобождения трудящихся. Капитализм расширяет миросозерцание рабочего, уничтожает унаследованные им от прошлого предрассудки, увеличивает численный состав пролетариата. Капитализм с его формой организации промышленных предприятий — акционерными компаниями и т. п. постепенно лишает самих капиталистов всякой активной роли в экономической жизни и превращает их в трупней, совершенно ненужных в общественном производстве. Это обстоятельство облегчает рабочему классу задачу уничтожения политической власти капиталистов и устранения последних без вреда для развития производительных сил.

Плеханов подробно освещает важное марксистское положение о том, что только сам пролетариат может разрешить социальный вопрос путем революции и захвата в свои руки политической власти. Диктатура пролетариата призвана не только сломить сопротивление эксплуататорских классов общества, но и устранить анархию производства, существующую при капитализме, а также сознательно организовать все функции общественно-экономической жизни на социалистических началах. Но рабочий класс, говорит Плеханов, еще полностью не поднялся до решения своей великой исторической задачи, еще полностью не осознал своей исторической освободительной миссии. Разъяснить все это пролетариату обязаны социалисты, и Плеханов требует от них вести работу по созданию революционной рабочей партии в России.

Необходимость для пролетариата своей особой политической партии Плеханов признавал и отстаивал всегда. Даже в период его отхода от марксизма, когда в среде русской социал-демократии возникло течение ликвидаторства, Плеханов стоял за необходимость развития и укрепления революционной партии пролетариата. И хотя он представлял себе эту партию такой, какими были в то время партии II Интернационала, а не партией нового типа, которую создал В. И. Ленин, поддержка им идеи необходимости пролетарской партии делает честь Плеханову и относится к его наиболее ценным идеям.

В книге «Социализм и политическая борьба» Плеханов разъяснял марксистское положение о том, что сила рабочего класса зависит от его сплоченности и организованности, от ясности его политического сознания. Он требовал

от русских социалистов, чтобы они стали действительными идеологическими и политическими руководителями рабочего класса в его освободительном движении, чтобы они разъясняли ему, каковы его настоящие экономические и политические интересы, и подготовили бы рабочий класс к самостоятельной и ведущей роли в общественной жизни России. Плеханов призывал марксистов усилить работу в среде российского рабочего класса путем организации устной и печатной пропаганды и создания рабочих социалистических кружков.

Говоря о необходимости подготовки русского пролетариата к будущей революции, Плеханов останавливается и на роли крестьянства в ней. Он критикует взгляд, по которому крестьянин станет революционером будто бы лишь после превращения его в безземельного пролетария.

Плеханов считает, что русское крестьянство в общем отнеслось бы сочувственно к социалистам, если бы они в свою программу включили вопрос о национализации земли и вели агитацию среди крестьян. Однако такая агитация, по мнению Плеханова, не являлась главной задачей русских социалистов того времени, так как они должны были в первую очередь вести агитацию среди более развитого класса русского общества — класса промышленных рабочих. А уже потом сам этот класс, достигнув политической зрелости, создав свою политическую партию, начнет при ее помощи систематическую пропаганду в среде крестьянства. В дальнейшем Плеханов пришел к ошибочному антимарксистскому выводу относительно революционных возможностей крестьянства, скатившись к прямому отрицанию роли этого класса как союзника пролетариата в социалистической революции.

В работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов подчеркивает огромное значение для пролетарского движения научного социализма, как учения, имеющего глубокую революционную сущность, как учения постоянно развивающегося.

Маркс и Энгельс установили только принципиальные положения своей теории, а за этим, по мнению Плеханова, должна последовать детальная разработка многих относящихся к ней вопросов. Идеи марксизма применимы не только к западноевропейским общественным отношениям, в условиях которых они возникли, но и к другим странам, в том числе и к России, как бы ни отрицали это народ-

ники. Но, говоря о всеобщем применении основных положений научного социализма, Плеханов подчеркивает, что марксизм не исключает «из своего поля зрения экономических особенностей той или иной страны». В отношении России, например, об этом писали сами Маркс и Энгельс в предисловии к русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии». Они отмечали особенности русского экономического развития, которое может дать при известных условиях своеобразное решение вопроса о социальной революции. Рядом с развивающейся капиталистической земельной собственностью в России того времени большая половина земли находилась в общинном владении крестьян. По мнению Маркса и Энгельса, община, будучи хотя уже и несколько разложившейся формой первобытного коллективного владения землей, могла бы послужить исходным пунктом коммунистического развития. Только для этого необходимо было, чтобы русская революция вызвала пролетарскую революцию на Западе и слилась с нею.

Плеханов называет марксистскую теорию самой революционной общественной теорией XIX века и говорит, что без революционной теории не может быть подлинно революционного движения, ибо всякий класс или политическая партия революционны лишь постольку, поскольку они являются наиболее прогрессивными общественными течениями и выражают наиболее передовые идеи своего времени. Задачей русских социалистов является распространение революционного марксизма в России и изучение марксистской литературы. Своей книгой «Социализм и политическая борьба» Плеханов стремился познакомить русскую читающую публику с основными идеями марксизма, применяя их к русской действительности, а также доказать необходимость политической борьбы пролетариата и организации его революционной партии, необходимость слияния социализма с рабочим движением.

В. И. Ленин назвал эту книгу символом веры русского социализма. Он говорил, что символ веры всемирного социализма — «Коммунистический манифест» установил «истину, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, что рабочее движение только тогда перерастает стадию зародышевого состояния и детства, только тогда становится *классовым* движением, когда переходит к

политической борьбе»; «... брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба», — пишет Ленин, — вышедшая в 1883 г., подтвердила эту истину в применении к России и показала, как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы» (Соч., 4 изд., т. 4, стр. 264).

Спустя 17 лет после написания работы «Социализм и политическая борьба», в 1901 г., Плеханов выступает с другой своей статьей «Еще раз социализм и политическая борьба», в которой снова ставит вопрос о политических задачах российской социал-демократической партии.

К этому времени русское народничество уже выродилось в реакционное движение, во всем уповающее на царское правительство и проповедующее освобождение русского народа посредством мирных реформ сверху. Большинство русских революционеров того времени окончательно порвало с теоретическими предрассудками народничества. Однако в среде самой социал-демократии возникло оппортунистическое направление — «экономизм», которое воспроизводило в новой редакции старые народнические идеи отрицания политической борьбы, отрицания особой политической партии пролетариата.

В работе «Еще раз социализм и политическая борьба» Плеханов выступил против «экономистов», показав, какой вред могут нанести их устарелые воззрения. Он говорил, что в России самым страшным для правительства является развитие политического сознания пролетариата, а «экономисты», препятствуя этому развитию, действуют как раз на пользу правительства. Социал-демократия просвещает рабочих для борьбы с самодержавием, что является одним из главных условий освобождения пролетариата; «экономисты» же отрицают необходимость социал-демократической партии как особой политической организации революционного пролетариата. Это ведет, по словам Плеханова, к политической эксплуатации русского рабочего класса демократической и либеральной буржуазией. Это приносит пользу лишь буржуазии и вред рабочему классу.

Отстаивая необходимость социал-демократической партии, Плеханов убедительно говорит о ее огромном значе-

пии для революционного движения пролетариата. Партия — это передовой отряд рабочего класса, его сознательный и революционный авангард, самоотверженно ведущий политическую борьбу с правительством за интересы пролетариата. Партия должна провести в качестве своей первой реформы в обществе — реформу политического сознания рабочего класса. И уже этим самым социал-демократия начинает политическую борьбу с правительством, «великую революционную борьбу за влияние на умы рабочих». Эта борьба может проходить разными способами, ее приемы могут быть очень разнообразными, но необходимость такой борьбы очевидна. Социал-демократия должна использовать любое недовольство правительством в интересах борьбы с угнетением и не бояться сближения, при известных условиях, с оппозиционными силами общества. Разоблачения всяких мелких притеснений, испытываемых рабочими, должны обязательно связываться с борьбой против самодержавного деспотизма вообще. Социал-демократическая партия должна взять на себя политическую гегемонию в освободительной борьбе пролетариата с царизмом.

В наше великое время, когда социализм у нас победил полностью и окончательно, когда Советский Союз под руководством могучей ленинской партии вступил в период развернутого строительства коммунизма, а идеи марксизма завоевали себе мировое признание, советский народ с гордостью вспоминает имя Плеханова — первого пропагандиста идей марксизма в России. Плеханов выступил на заре развития революции в России, он первый заронил семена марксизма на русскую почву. Его ранние произведения, высоко оцененные В. И. Лениным, представляют и сейчас большой интерес для советского читателя.

Л. Барулина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая брошюра может подать повод ко многим недоразумениям или даже неудовольствиям. Лица, сочувствующие направлению «Земли и Воли»² и «Черного Передела»³ (органов, в редактировании которых я принимал участие), могут упрекнуть меня в том, что я отступил от теории так называемого народничества. Сторонникам других фракций нашей революционной партии может не понравиться моя критика дорогих им воззрений. Считаю нелишним поэтому небольшое предварительное объяснение.

Стремление работать *в народе* и для народа, уверенность в том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса»,— эта *практическая* тенденция нашего народничества дорога мне по-прежнему. *Теоретические* же его положения, действительно, кажутся мне во многих отношениях ошибочными. Годы пребывания за границей и внимательного изучения социального вопроса убедили меня, что торжество стихийного народного движения, вроде бунта Ст. Разина или крестьянских войн в Германии, не может удовлетворить социально-политических нужд современной России, что старые формы нашей народной жизни носили в самих себе много зародышей своего разложения и что они не могут «развиться в высшую коммунистическую форму» без непосредственного воздействия на них сильной и хорошо организованной *рабочей* социалистической партии. Поэтому я и думаю, что рядом с борьбой против абсолютизма русские

революционеры должны стремиться, по крайней мере, к выработке элементов для создания такой партии в будущем. В этой созидательной деятельности им по необходимости придется перейти на почву современного социализма, так как идеалы «Земли и Воли» не соответствуют положению промышленных рабочих. И это будет очень кстати теперь, когда теория русской самобытности становится синонимом застоя и реакции, а прогрессивные элементы русского общества группируются под знаменем осмысленного «западничества».

Перехожу к другому пункту моего объяснения. Здесь прежде всего скажу в свою защиту, что я касался не лиц, а мнений и что частные разногласия мои с той или другой социалистической группой нисколько не уменьшают моего уважения ко всем искренним борцам за освобождение народа.

Кроме того, так называемое террористическое движение открыло собою новую эпоху в развитии нашей революционной партии — эпоху *сознательной политической борьбы* с правительством. Эта перемена в направлении деятельности наших революционеров делает необходимым пересмотр всех взглядов, унаследованных ими от предыдущего периода. Жизнь требует внимательного пересмотра всего нашего умственного багажа при нашем вступлении на новую почву, и я смотрю на свою брошюру, как на посильный вклад в это дело критики, давно уже начавшееся в нашей революционной литературе. Читатель не забыл еще, вероятно, биографии А. И. Желябова⁴, заключающей в себе строгую и часто весьма верную критическую оценку программы и деятельности кружка «Земли и Воли». Очень может быть, что мои критические попытки окажутся менее удачными, но едва ли было бы справедливо признать их менее своевременными.

Г. П.

Женева,
25 октября 1883 г.

Всякая классовая борьба
есть борьба политическая.
Карл Маркс ⁵.

С тех пор как русское революционное движение окончательно выступило на путь открытой борьбы с абсолютизмом, вопрос о политических задачах социалистов сделался самым насущным, самым жгучим вопросом для нашей партии. Из-за него расходились люди, связанные многими годами совместной практической деятельности, из-за него распадались целые кружки и организации. Можно даже сказать, что все русские социалисты временно разделились на два лагеря, державшиеся диаметрально противоположных взглядов на «политику». Как и всегда бывает в подобных случаях, дело не обошлось без крайностей. Одни считали политическую борьбу чуть ли не изменой народному делу, проявлением в нашей революционной интеллигенции буржуазных инстинктов, осквернением чистоты социалистической программы. Другие не только признавали необходимость этой борьбы, но и готовы были в ее мнимых интересах идти на компромиссы с либерально-оппозиционными элементами нашего общества. Некоторые доходили даже до того, что считали вредным для настоящего времени всякое проявление классового антагонизма в России. Таких взглядов держался, например, Желябов, которому «русская революция представлялась,— по словам его биографа,— не исключительно в виде освобождения крестьянского или даже (?) рабочего сословия, а в виде политического возрождения всего русского народа вообще»*. Другими словами,

* См. брошюру «Андрей Иванович Желябов», стр. 10.

революционное движение против абсолютной монархии сливалось в его представлении с социально-революционным движением рабочего класса во имя своего экономического освобождения; частная, специально русская задача настоящего времени заслоняла собою общую задачу рабочего класса всех цивилизованных стран. Далее этого разногласие идти не могло, и разрыв стал неизбежен.

Время сгладило, однако, крайности и разрешило значительную часть спорных вопросов в удовлетворительном для обеих сторон смысле. Мало-помалу все или почти все признали, что начатая политическая борьба должна продолжаться до тех пор, пока широкое освободительное движение в народе и обществе не разрушит здания абсолютизма, как землетрясение разрушает курятник, если можно употребить здесь энергичное выражение Маркса. Но очень многим из наших социалистов борьба эта до сих пор представляется каким-то вынужденным компромиссом, временным торжеством «практики» над «теорией», насмешкой жизни над бессилием мысли. Сами «политики», оправдываясь от сыпавшихся на них упреков, избегали всякой апелляции к основным положениям социализма, а ссылались лишь на неотразимые требования действительности. В глубине души они и сами, по-видимому, верили, что им не совсем к лицу политические тенденции, но утешали себя тем соображением, что только в свободном государстве они могут предоставить мертвым хоронить своих мертвецов и, покончивши всякие счета с политикой, всецело посвятить себя делу социализма. Это смутное убеждение приводило иногда к не лишним курьезам недоразумениям. Разбирая речь «русского гостя» на Хурском конгрессе⁶ и пытаясь оправдаться от мнимого упрека в политиканстве, «Народная Воля» заметила, между прочим, что ее сторонники не социалисты и не политические радикалы, а просто «народовольцы»⁷. Орган террористов полагал, что «на Западе» внимание радикалов исключительно поглощено политическими вопросами, а социалисты, наоборот, знать не хотят «политики». Всякий знакомый с программами западноевропейских социалистов понимает, конечно, насколько ошибочно такое представление по отношению к огромному их большинству. Известно, что социальная демократия Европы и Америки никогда не придерживалась принципа политического «воздержания». Ее сторонники не отрицают

«политики». Они только не представляют себе задач социалистической революции в виде «возрождения всего народа вообще». Они стараются организовать рабочих в особую партию, чтобы отделить таким образом эксплуатируемых от эксплуататоров и дать политическое выражение экономическому антагонизму. Откуда же взялась у нас уверенность в том, что социализм обуславливает собою политический индифферентизм,— уверенность, стоящая в полном противоречии с действительностью? У Шиллера Валленштейн говорит Максу Пикколомини, что человеческий ум широк, между тем как мир узок, и что поэтому мысли легко уживаются в первом, между тем как вещи резко сталкиваются между собою во втором⁸. Должны ли мы сказать про себя, что в нашем мозгу, наоборот, не могут ужиться рядом понятия о таких вещах, которые не только прекрасно уживаются на практике, но и вообще немислимы вне взаимной связи? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно прежде всего привести в ясность те представления о социализме, которые существовали у наших революционеров в эпоху возникновения в их среде политических тенденций. Убедившись в том, что эти представления были ошибочными или отсталыми, мы посмотрим, какое место отводит политической борьбе то учение, которому даже буржуазные его противники не отказывают в названии *научного социализма*. После этого нам останется только сделать в наших общих выводах поправки, неизбежные ввиду тех или других особенностей современного положения дел в России,— и наша тема будет исчерпана; политическая борьба рабочего класса с врагами, принадлежащими к той или иной исторической формации, окончательно обнаружит перед нами свою связь с общими задачами социализма.

I

Социалистическая пропаганда оказала огромное влияние на весь ход умственного развития в цивилизованных странах. Нет почти ни одной отрасли общественной науки, на которую эта пропаганда не повлияла бы в том или ином смысле. Она частью разрушила старые научные предрассудки, частью превратила их из наивного заблуждения в софизм. Понятно, что еще сильнее должно было отозваться влияние социалистической пропаганды

на самих сторонниках нового учения. Все традиции прежних «политических» революционеров подверглись беспощадной критике, все приемы общественной деятельности были анализированы с точки зрения «нового Евангелия». Но так как дело научного обоснования социализма было закончено лишь с появлением «Капитала»⁹, то понятно, что результаты этой критики далеко не всегда были удовлетворительны. А так как, с другой стороны, в утопическом социализме существовало несколько школ, почти равносильных по своему влиянию, то мало-помалу выработался род какого-то среднего социализма, которого и придерживались люди, не претендовавшие на основание новой школы и не принадлежавшие к числу особенно рьяных сторонников школ, прежде существовавших. «Этот эклектический социализм представляет собою,— как говорит Фр. Энгельс,— различных оттенков смесь из наиболее общепризнанных и наименее глубоких критических замечаний, экономических положений и общественных идеалов различных основателей сект, смесь тем легче получаемую, чем скорее составные части ее утрачивают в потоке дебатов — как камни в ручье — свои острые углы и грани» *¹⁰. Этот средний социализм,— замечает тот же автор,— господствует до сих пор в головах большинства рабочих-социалистов в Англии и Франции **. Мы, русские, могли бы прибавить, что такая же точно смесь господствовала в половине семидесятых годов в умах наших социалистов и представляла тот общий фон, на котором выделялись два крайних направления: так называемых «впередовцев» и «бакунистов»¹¹. Первые склонялись к немецкой социал-демократии, вторые представляли собою русское издание анархической фракции Интернационала¹². Расходясь между собою в очень многом, почти во всем, оба направления сходились — как это ни странно сказать — в отрицательном отношении к «политике». И нужно сознаться, что анархисты были в этом отношении последовательнее русских социал-демократов того времени.

* См. «Entwicklung des Sozialismus», S. 18. [«Развитие социализма», стр. 18.] Здесь и далее текст, заключенный в квадратные скобки, принадлежит редакции.

** [Примечание к изданию 1905 г.] *Теперь во Франции окончательно восторжествовал марксизм, основные положения которого признаются, в более или менее искаженном виде, даже «оппортунистами» из лагеря Жореса.*

С анархической точки зрения политический вопрос является пробным камнем всякой рабочей программы. Анархисты не только отрицают всякие сделки с современным государством, но исключают из своих представлений о «будущем обществе» все, что напоминает так или иначе государственную идею. «Автономная личность в автономной общине» — таков был и есть девиз всех последовательных сторонников этого направления. Известно, что родоначальник его, Прудон, поставил себе, в своем органе «*La voix du peuple*»¹³, не совсем скромную задачу «сделать по отношению к идее правительства (которую он смешивал с государственной идеей) то же, что сделал Кант по отношению к идее религиозной»*, и дошел в своем антигосударственном рвении до того, что объявил самого Аристотеля «скептиком в вопросе о государстве»**. Решение поставленной им себе задачи было очень просто и вытекало, если угодно, совершенно логически из экономических учений французского Канта. Прудон никогда не мог представить себе экономического строя будущего иначе, как в форме товарного производства, исправленного и дополненного новой, «справедливой» формой обмена на началах «конституированной стоимости». При всей «справедливости» этой новой формы обмена она не исключает, разумеется, ни купли, ни продажи, ни долговых обязательств, сопровождающих товарное производство и обращение. Все эти сделки предполагают, конечно, различные договоры, которыми и определяются взаимные отношения обменивающихся сторон. Но в современном обществе «договоры» основываются на общих правовых нормах, обязательных для всех граждан

---

* См. «*Confession d'un révolutionnaire*», Préface, p. 4. [«Исповедь революционера», предисловие, стр. 4.]¹⁴

** До какой степени Аристотель был «скептиком в вопросе о государстве», видно из первой главы первой книги его «*Политики*», где он говорит, что «государство есть самая законченная форма общественности», что цель его есть «высшее благо» и что поэтому оно оказывается явлением «естественным в самом высоком смысле этого слова, а человек есть животное, самой природой предназначенное к государственной форме общественности» (В. I, С. I, §§ I—XI немецкого издания Юземиля 1879 года). Автор «*Политики*» так же «скептически» относится к государству, как Прудон к товарному производству; первый не мог представить себе иной, высшей формы общественности, второй не подозревал, что продукты могут распределяться между членами общества, не являясь в виде товаров.

и охраняемых государством. В «будущем обществе» дело должно было происходить несколько иначе. Революция должна была, по мнению Прудона, уничтожить «законы», оставляя одни «договоры». «Не нужно законов, вотированных большинством или единогласно,— говорит он в своей «*Idée générale de la Révolution au XIX siècle*» *,— каждый гражданин, каждая коммуна и корпорация установят свои особые законы» (р. 259). При таком взгляде на дело политическая программа пролетариата упрощалась до последней возможности. Государство, признающее лишь общие и обязательные для всех граждан законы, не могло служить даже средством для достижения социалистических идеалов. Пользуясь им для своих целей, социалисты лишь укрепляют то зло, с искоренением которого должна начаться «социальная ликвидация». Государство должно «разложиться», открывая, таким образом, «каждому гражданину, каждой коммуне и корпорации» полную свободу издавать «свои собственные законы» и заключать необходимые для них «договоры». Если же анархисты не будут терять времени в период, предшествующий «ликвидации», то «договоры» эти будут заключены в духе «Системы экономических противоречий»¹⁵, и торжество «Революции» будет обеспечено.

Задача русских анархистов упрощалась еще более. «Разрушение государства» (занявшее мало-помалу в анархической программе место рекомендованного Прудонем его «разложения») должно было расчистить путь для развития «идеалов» русского народа. А так как в этих «идеалах» общинное землевладение и артельная организация промыслов занимают очень видное место, то предполагалось, что «автономные» россияне демократического происхождения будут заключать свои «договоры» уже не в духе прудоновской взаимности, а скорее в духе аграрного коммунизма. Как «прирожденный социалист», русский народ не замедлит понять, что одно общинное владение землею и орудиями производства не гарантирует еще желанного «равенства», и вынужден будет взяться за организацию «автономных общин» на совершенно коммунистических основаниях.

Впрочем, русские анархисты — по крайней мере, анархисты так называемого «бунтарского» оттенка — мало

---

* [«Общая идея революции в XIX веке».]

задумывались об экономических последствиях проповедуемой ими народной революции. Они считали своею обязанностью устранить те общественные условия, которые мешали, по их мнению, нормальному развитию народной жизни; но они не спрашивали себя о том, по какому пути пойдет это развитие, освободившись от внешних препятствий. Что эта своеобразная переделка на революционный фасон знаменитого девиза манчестерской школы: *laissez faire, laissez passer**, исключала всякую возможность серьезной оценки современного состояния нашей общественно-экономической жизни и уничтожала всякий критерий для определения самого понятия о «нормальном» ходе ее развития — этого также не подозревали ни «бунтари», ни появившиеся впоследствии «народники». Притом же подобная оценка была бы совершенно безнадежной попыткой до тех пор, пока исходной точкой рассуждений наших революционеров оставались учения Прудона. Слабейшею частью этих учений, пунктом их логического грехопадения, является понятие о товаре и меновой стоимости, т. е. именно те посылки, на основании которых только и можно сделать правильное заключение о взаимных отношениях производителей в экономической организации будущего. С точки зрения прудоновских теорий не имеет никакой особенной важности то обстоятельство, что современное русское общинное землевладение отнюдь не исключает товарного производства. Прудонист понятия не имеет о «внутренней, неизбежной диалектике», превращающей товарное производство на известной стадии его развития в — капиталистическое**. Его русскому кузену и в голову не приходило поэтому спросить себя, достаточно ли разъединенных усилий «автономных» лиц, коммун и корпораций для борьбы с этой тенденцией товарного производства, грозящей снабдить в один прекрасный день некоторую часть «прирожденных» коммунистов «благоприобретенными» капиталами и превратить их в эксплуататоров остальной массы населения. Анархист отрицает созидательную роль государства в социалистической революции именно потому, что не понимает задач и условий этой революции.

---

* [предоставьте событиям идти своим чередом.]

** См. «Das Kapital», 2. Auflage, S. 607—608. [См. «Капитал», 2 издание, стр. 607—608.]¹⁶

Мы не можем вступать здесь в подробный разбор ни анархизма вообще, ни «бакунизма» в частности*. Мы хотим лишь обратить внимание наших читателей на то обстоятельство, что как Прудон, так и русские анархисты были с своей точки зрения вполне правы, возводя «политическое невмешательство» в основной догмат своей практической программы. Социально-политический склад русской жизни, казалось, в особенности оправдывал обязательное для всех анархистов отрицание «политики». Прежде чем выступить на поприще политической агитации, русский «*обыватель*» должен превратиться в *гражданина*, т. е. завоевать себе хоть какие-нибудь политические права, а прежде всего, разумеется, право думать, что хочет, и говорить, что думает. Такая задача сводится на практике к «политической революции», а опыт западной Европы ясно «показал» всем анархистам, что такие революции никакой пользы народу не принесли, не принесут и принести не могут. Соображение же о необходимости политического воспитания народа путем участия его в общественной жизни своей страны не могло иметь места уже потому, что анархисты считают, как мы видели, такое участие не воспитанием, а развращением народных масс: оно развивает в них «веру в государство», а следовательно, и тенденцию к государственности или, как сказал бы покойный М. А. Бакунин, «заражает его официально-общественным ядом, и, во всяком случае, отвлекает его хоть на малое время от единственно ныне

---

* Напомним только читателю возражение, сделанное Прудону Риттинггаузенем. «Власть, правительство со всеми его формами, — говорил неутомимый пропагандист теории прямого народного законодательства, — представляют собою лишь *виды* того рода, который называется: *вмешательство общества в отношения людей к вещам, а через посредство вещей — и друг к другу*... Я вызываю г. Прудона бросить мне в лицо, как результат его умственной работы, следующее заключение: «Нет, не пужно такого вмешательства общества в отношения людей к вещам и друг к другу!». См. «*Législation directe par le peuple et ses adversaires*», р. 194—195. [«Прямое народное законодательство и его противники», стр. 194—195.] Риттинггаузен думал, что «поставить вопрос таким образом — значит решить его», так как «г. Прудон сам признает *необходимость такого вмешательства*». Но он не предвидел, что ученики пойдут дальше учителя и что теория анархии выродится, наконец, в теорию «социального аморфизма». Современные анархисты не признают никакого вмешательства общества в отношения индивидуумов, как они неоднократно заявляли это на страницах некоторых своих органов.

полезного и спасительного дела — от бунта» *. Притом же по философии истории наших «бунтарей» выходило, что русский народ целым рядом крупных и мелких движений доказал свои антигосударственные наклонности, а потому и может считаться достаточно зрелым в политическом отношении. Поэтому прочь всякое «политиканство»! Поможем народу в его антигосударственной борьбе, сольем в один революционный поток его разрозненные усилия — и тогда неуклюжее здание государства разлетится в прах, открывая своим падением новую эру социальной свободы и экономического равенства! В этих немногих словах выражалась вся программа нашего «бунтарства».

В этом беглом обзоре программ различных фракций русских революционеров мы не должны упускать из вида, что взгляды, с точки зрения которых «всякие конституции» являлись, по выражению старого Ф. Г. Якоби, лишь более или менее невыгодной сделкой с чертом,— такие взгляды, говорим мы, были свойственны не одним народникам и анархистам. Если читателю известна полемика Фр. Энгельса с П. Ткачевым **, то он, вероятно, помнит, что редактор «Набата» ¹⁸, расходясь с бакунистами по вопросу о практической борьбе, совершенно сходил с ними в основных взглядах на социально-политическое положение нашего отечества. Он рассматривал его через ту же призму русской самобытности и «прирожденных коммунистических наклонностей русского народа» ***. Как истинный бланкист ¹⁹, он не отрицал, разумеется, «политики», но понимал ее исключительно в форме заговора с целью захвата государственной власти. Эта цель занимала, по-видимому, все поле зрения наших тогдашних бланкистов и приводила их ко многим противоречиям. Оставаясь последовательными, они должны были признать, что деятельность их может быть полезна делу прогресса лишь в том исключительном случае, когда направляемый ими удар ни на волос не минует своей цели. Если задуманный захват власти не удастся, если заговор будет открыт или революционное правительство будет

---

* См. весьма интересную и характерную брошюру М. А. Бакунина «Наука и насущное революционное дело».

** См. «Offener Brief an Herrn F. Engels» ¹⁷.

*** Чтобы убедиться в этом, стоит лишь сравнить названное «Письмо к Фр. Энгельсу» с цитированной выше брошюрой М. А. Бакунина.

пизвергнуто либеральной партией, то русский народ не только ничего не выиграет, но, напротив, рискует очень много потерять. В особенности гибелен последний из предложенных случаев. Либералы создадут сильное правительство, борьба с которым будет гораздо труднее, чем борьба против современной «абсолютно нелепой» и «нелепо абсолютной» монархии; а «огонь экономического прогресса» разрушит коренные основы народной жизни. Под его влиянием разовьется обмен, упрочится капитализм, уничтожится самый принцип общины — словом, река времен унесет тот камень, с которого рукой подать до коммунистического неба. В случае неудачи русские бланкисты должны были нанести страшный вред делу народного освобождения и попадали, таким образом, в трагическое положение Вильгельма Телля, рисковавшего жизнью собственного сына. Но так как они едва ли отличались ловкостью мифического швейцарского «крамольника», то русский народ не крикнул бы им:

Стреляй! я не боюсь!²⁰

если бы усвоил их взгляд на «коренные основы» своей жизни и был приглашен высказать свое мнение об их программе.

Такая узкая и безнадежная философия русской истории должна была логически вести к тому поразительному выводу, что экономическая отсталость России является надежнейшим союзником революции, а застой должен красоваться в качестве первого и единственного параграфа нашей «программы-минимум». «Каждый день приносит нам новых врагов, создает новые враждебные нам общественные факторы,— читаем мы в первом, ноябрьском номере «Набата» за 1875 год.— Огонь подбирается и к нашим государственным формам. Теперь они мертвы, безжизненны. Экономический прогресс пробудит в них жизнь, вдохнет в них новый дух, даст им силу и крепость, которых пока еще в них нет» и т. д. Но если Иисусу Навину удалось, по библейскому рассказу, остановить солнце «на десять степеней», то время чудес прошло, и нет ни одной партии, которая могла бы крикнуть: «Стойте, производительные силы, не шевелись, капитализм!». История так же мало обращает внимания на опасения революционеров, как и на реакционные иеремиады. «Экономический прогресс» делает свое дело, не дожидаясь

того времени, когда анархисты или бланкисты осуществляют свои намерения. Каждая фабрика, основанная в Петербурге, каждый лишний «рабочничек», принятый ярославским кустарем, усиливает роковое будто бы для революции «пламя прогресса», а следовательно, и уменьшает вероятность народного торжества. Можно ли назвать революционным такой взгляд на взаимное отношение различных общественных сил в России? Мы думаем, что нет. Чтобы сделаться революционерами по существу, а не по названию, русские анархисты, народники и бланкисты должны были прежде всего революционизировать свои собственные головы, а для этого им нужно было научиться понимать ход исторического развития и стать во главе его, а не упрашивать старуху-историю потоптаться на одном месте, пока они проложат для нее новые, более прямые и торные пути.

Кружок «впередовцев» понимал незрелость и ошибочность вышеизложенных воззрений, и было время, когда он мог получить преобладающее умственное влияние в нашей революционной среде. Это было именно то время, когда практический опыт порядком-таки поистрепал основы старого, анархического народничества и все его сторонники чувствовали, что их программа нуждается в тщательном пересмотре. Тогда последовательная критика всех ее теоретических и практических положений могла сделать приближающийся перелом в движении еще более решительным и бесповоротным. За такую критику удобнее всего было взяться именно «впередовцам», которые, стоя почти целиком на точке зрения социал-демократии, были совершенно свободны от всех народнических традиций. Но, чтобы иметь успех, критика их должна была не осуждать, а выяснять и обобщать те насущные потребности русской жизни, которые все более и более толкали наших революционеров на путь политической борьбы. Между тем «впередовцы» отрицали «политику» так же решительно, как и анархисты. Они не думали, правда, что социализм несовместим с вмешательством в политическую жизнь буржуазного государства, и вполне оправдывали программу западноевропейской социал-демократии. Но они полагали, что возможность открытой организации рабочего класса в особую политическую партию куплена в современном «правовом» государстве слишком дорогою ценой: окончательным торжеством буржуазии и соответ-

ствующим эпохе капитализма ухудшением положения рабочих. Они забывали, что при оценке этого положения нужно принимать во внимание не только распределение национального дохода, но и *всю организацию производства и обмена*, не только *среднее количество* потребляемых рабочими продуктов, но и *самый вид*, который принимают эти продукты *, не только *степень* эксплуатации, но и — в особенности — *ее форму*, не только *факт порабощения* рабочих масс, но также и те *идеи и понятия*, которые зарождаются и могут зародиться в голове рабочего под влиянием этого факта **. Они едва ли согласились бы с тем, что фабричный рабочий должен оказаться восприимчивее к социализму, чем временнообязанный крестьянин; тем менее признали бы они, что переход, например, от натурального хозяйства к денежному увеличивает возможность сознательного движения рабочих масс во имя своего экономического освобождения. Философско-историческая часть учения Маркса осталась для них непрочитанною главою любимой книги; они слишком верили во всемогущее влияние своей пропаганды, чтобы искать для нее опоры в объективных условиях общественной жизни. И, подобно социалистам утопического периода, они сводили к этой пропаганде всю дальнейшую историю своей страны вплоть до социального переворота. При такой постановке вопроса они могли вместе с анархистами сказать, пародируя известную фразу Прудона, — *la révolution est au dessus de la politique* ***. Но именно потому они и не могли вывести наше движение из той мертвой точки, в которую оно попало в конце семидесятых годов, благодаря отрицанию всякой политической борьбы, с одной стороны, и невозможности создать при современных политических условиях сколько-нибудь сильную рабочую партию — с другой.

Честь сообщения нового размаха нашему движению бесспорно принадлежит «Народной Воле». У всех еще на памяти те нападения, которые вызвали против себя тенденции народолюбцев. Пишущий эти строки сам

* Т. е. являются ли они в виде товаров или непосредственно потребляются семьею производителя, его господином или, наконец, государством, не являясь вовсе на рынке.

** Просим иметь в виду, что мы говорим не о редакции журнала «Вперед» ²¹, а о действовавших в России сторонниках этого органа.

*** [революция выше политики.]

принадлежал к числу решительных противников этого направления, и хотя совершенно признает теперь, что борьба за политическую свободу стала злобою дня современной России, но до сих пор разделяет далеко не все взгляды, высказывавшиеся в «народовольческих» изданиях²². Это не мешает ему, однако, признать, что в спорах, происшедших в организации «Земли и Воли» около времени ее распада²³, народовольцы были совершенно правы, пока они оставались на почве нашего практического опыта. Этот опыт и тогда уже приводил к поразительным и совершенно неожиданным выводам, хотя мы и не смели сделать их именно вследствие их неожиданности. Попытки практической борьбы «против государства» в сущности и тогда уже должны были навести на ту мысль, что русский «бунтарь» непреодолимою силою обстоятельств вынужден направлять свою агитацию не против государства вообще, а только против *абсолютного* государства, воевать не с государственной, а с бюрократической идеей, не во имя полного экономического освобождения народа, а во имя устранения тех тягостей, которыми обременяет народ самодержавное императорство. Конечно, аграрный вопрос лежал в основании всех или почти всех проявлений народного недовольства. Иначе и быть не могло в среде земледельческого населения, где «власть земли» сказывается решительно во всем складе и нуждах частной и общественной жизни. Этот аграрный вопрос настойчиво требовал своего разрешения, но он не вызывал *политического* недовольства. Крестьяне с спокойною уверенностью ожидали решения этого вопроса сверху: они «бунтовались» не во имя земельного передела, а против притеснения администрации, против непомерных тягостей податной системы, против азиатского способа взыскания недоимок и т. д. и т. д. Формулой, обобщавшей большую часть случаев активного протеста, являлось «правовое государство», а не «Земля и Воля», как нам всем казалось в то время. Но если это было так и если революционеры считали своею обязанностью принимать участие в разрозненной и неосмысленной борьбе отдельных общин против абсолютной монархии, то не пора ли было им понять смысл своих собственных усилий и направить их с большею целесообразностью? Не пора ли им было призвать к этой борьбе все прогрессивные живые силы России и, найдя для нее наиболее общее выражение, атаковать абсолю-

низм в самом центре его организации? Отвечая утвердительно на эти вопросы, «народовольцы» только подвели итог революционному опыту предшествующих лет; поднимая знамя политической борьбы, они только не пугались этих итогов и сознательно продолжали идти по дороге, на которую мы выступили, имея ошибочное понятие об ее направлении. «Терроризм» совершенно логически вырос из нашего «бунтарства».

Но с появлением «Нар. Воли» логическое развитие нашего революционного движения переходило уже в тот фазис, в котором оно не могло более удовлетворяться народническими теориями доброго старого, т. е. чуждого политических интересов, времени. Примеры перерастания теории практикой очень нередки в истории человеческой мысли вообще и революционной мысли в частности. Внося то или другое изменение в свою тактику, подвергая тем или другим переделкам свою программу, революционеры часто и не подозревают, какому серьезному испытанию подвергаются они общепризнанные в их среде учения. Многие из них так и умирают в тюрьмах или на виселицах, вполне уверенные в том, что они действовали в духе именно тех учений, между тем как в сущности они были представителями новых тенденций, возникших на почве старых теорий, но уже переросших их и готовых найти новое теоретическое выражение. Так было и у нас с тем пор, как окрепло «народовольческое» направление. С точки зрения старых народнических теорий направление это не выдерживало критики. Народничество стояло в резком отрицательном отношении ко всякой государственной идее; народовольцы рассчитывали осуществить свои социально-реформаторские планы с помощью государственной машины. Народничество откещивалось от всякой «политики»; народовольцы видели в «демократическом политическом перевороте» самое надежное «средство социальной реформы». Народничество основывало свою программу на так называемых «идеалах» и требованиях крестьянского населения; народовольцы должны обращаться главным образом к городскому и промышленному населению, а следовательно, и отвести интересам этого населения несравненно более широкое место в своей программе. Словом, в действительности «народовольство» было полным и всесторонним отрицанием народничества, и пока спорящие стороны апеллировали к основным

положениям последнего, «новаторы» были совершенно неправы: их практическая деятельность стояла в непримиримом противоречии с их теоретическими взглядами. Нужен был полный пересмотр этих взглядов, чтобы придать программе «Народной Воли» характер цельности и последовательности; практическая революционная деятельность ее сторонников должна была, по крайней мере, *сопровождаться* теоретической революцией в умах наших социалистов; взрывая Зимний дворец, нужно было вместе с тем взорвать и наши старые анархические и народнические традиции²⁴. Но «ход идей» и здесь отстал от «хода вещей», и пока еще трудно предвидеть, когда он, наконец, его нагонит. Не решаясь разорвать с народничеством, новая фракция необходимо должна была прибегать к фикциям, приносящим с собою хоть кажущееся разрешение присущих ее программе противоречий. Идея русской самобытности получила новую переработку, и если прежде она вела к полному отрицанию политики, то теперь оказывалось, что самобытность русского общественного развития именно в том и заключается, что экономические вопросы решались и должны решаться у нас путем государственного вмешательства. Весьма распространенное у нас в России незнание с экономической историей Запада способствовало тому, что подобного рода «теории» никого не приводили в изумление. Период капиталистического накопления в России противопоставлялся периоду капиталистического производства²⁵ на Западе, и неизбежное несходство этих двух фазисов развития экономической жизни приводилось как убедительнейшее доказательство, во-первых, нашей самобытности, а во-вторых, обусловленной этой самобытностью целесообразности «народовольческой программы».

Нужно ли прибавлять, что наши революционные писатели, как и большинство русских писателей вообще, смотрели на «Запад» с точки зрения еврейского мальчика в известном рассказе Вейнберга. Бедному школьнику весь свет казался подразделенным на две равные части: «Россию и за границу», причем достойные внимания черты различия существовали для него лишь между этими «половинами» земного шара, — «за граница» же представлялась ему совершенно однообразным целым. Русские «самобытные» писатели сделали в этой остроумной географической классификации лишь одно нововведение: они

подразделили «заграницу» на Восток и Запад и, недолго думая, принялись сравнивать этот последний с нашей «громкой державой», игравшей при этом роль какой-то «Срединной Империи». Историческое развитие Италии отождествлялось, таким образом, с историческим развитием Франции, в экономической политике Англии не усматривалось никакой разницы с экономической политикой Пруссии, деятельность Кольбера валилась в одну кучу с деятельностью Ричарда Кобдена, своеобразно «патриотическая» физиономия Фридриха Листа терялась в толпе «западноевропейских» политико-экономов, старавшихся, по совету Тюрго, «забыть, что существуют на свете государства, разделенные границами и различно организованные». Как все кошки в темноте кажутся серыми и совершенно походят друг на друга, так и общественные отношения различных государств «Запада» утрачивали всякие несходства при отраженном свете нашей самобытности. Очевидно было одно: «Франки» давно уже «обуржуазились», между тем как «храбрые Россы» сохранили невинность «первых человеков» и в качестве избранного народа идут самобытным путем к своему спасению. Чтобы достигнуть обетованной земли, им пужно лишь неуклонно держаться этой стези самобытности и не удивляться тому, что программы русских социалистов стоят в противоречии с научными положениями западноевропейского социализма, а иногда и со своими собственными послылками!

Типическим образчиком фпкций, наскоро придуманных для соглашения практической программы «Народной Воли» с народническими теориями, было известное пророчество о том, что в будущем русском Учредительном собрании 90% депутатов явятся сторонниками социальной революции, если только мы добьемся всеобщего избирательного права. Здесь теория нашей самобытности дошла уже до геркулесовых столбов, за которыми ей грозила гибель со стороны самого простого здравого смысла. Народники «старой веры», твердо держась догмата «самобытности», допускали все-таки, что эта самобытность нуждается еще в некоторой окончательной отделке. Одни находили, что у русского народа находится еще в слишком зачаточном состоянии бугор... — виноваты! — чувство храбрости и независимости; другие стремились к тому, чтобы реализовать самобытное настроение русского народа в виде

не менее самобытной революционной организации. Но все одинаково признавали необходимость предварительной работы в народе. Народовольцы пошли далее. В передовых статьях первых же №№ своего журнала они стали развивать ту мысль, что такая работа, во-первых, бесплодна («биться в народе, как рыба об лед») ²⁶, а во-вторых, и излишня, потому что 90% депутатов, сочувствующих социальной революции, более чем достаточно для осуществления стремлений русских народников. Программа «Народной Воли» не могла придать себе народнического характера иначе, как доводя до абсурда все характеристические особенности народнического мирозерцания.

В этом заключается отрицательная заслуга народовольческих фикций. Они будили критическую мысль русских революционеров, представляя им в утрированном виде «самобытные» черты их народнической программы. Но едва ли можно даже заводить речь о положительной заслуге этих фикций. Они укрепляли временно энергию бойцов, нуждавшихся в теоретическом обосновании своей практической деятельности, но, сшитые на живую нитку, они не выдерживали ни малейшего прикосновения серьезной критики и своим падением компрометировали дело борьбы, которая велась под их знаменем. Нанеся своею практическою деятельностью смертельный удар всем традициям правоверного народничества и сделавши так много для развития революционного движения в России, «Народная Воля» не может найти себе оправдания, да и не должна искать его, помимо современного научного социализма. Но, чтобы стать на эту новую точку зрения, она должна подвергнуть очень серьезному пересмотру свою программу, так как теоретические промахи и пробелы этой программы не могли не придать ей известной практической односторонности.

Прежде чем говорить, в каком смысле должен быть предпринят этот пересмотр, постараемся — согласно нашему плану — выяснить отношение научного социализма к политическим движениям рабочего класса.

II

Но что такое научный социализм? Под этим именем мы разумеем то коммунистическое учение, которое начало вырабатываться в начале сороковых годов из уто-

пического социализма под сильным влиянием гегелевской философии, с одной стороны, и классической экономии — с другой; то учение, которое впервые дало реальное объяснение всему ходу развития человеческой культуры, безжалостно разрушило софизм теоретиков буржуазии и «во всеоружии знания своего века» выступило на защиту пролетариата. Это учение не только с полной ясностью показало всю научную несостоятельность противников социализма, но, указывая ошибки, оно в то же время давало им историческое объяснение и, таким образом, как сказал некогда Гайм о философии Гегеля, «привязывало к своей триумфальной колеснице каждое побежденное им мнение»²⁷. Как Дарвин обогатил биологию поразительно простой и вместе с тем строго научной теорией происхождения видов, так и основатели научного социализма показали нам в развитии производительных сил и в борьбе этих сил против отсталых «общественных условий производства» великий принцип изменения *видов общественной организации*. Едва ли нужно говорить, кого считаем мы основателями этого социализма. Заслуга эта бесспорно принадлежит Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу, учение которых именно так относится к современному революционному движению в цивилизованном человечестве, как относилась когда-то, по словам одного из них, передовая немецкая философия к освободительному движению в Германии: оно составляет его *голову*, между тем как пролетариат составляет его *сердце*. Но само собою разумеется, что развитие научного социализма еще не закончено и так же мало может остановиться на трудах Энгельса и Маркса, как теория происхождения видов могла считаться окончательно выработанной с выходом в свет главных сочинений английского биолога. За установлением основных положений нового учения должна последовать детальная разработка относящихся к нему вопросов, разработка, дополняющая и завершающая переворот, совершенный в науке авторами «Коммунистического Манифеста»*. Нет ни одной отрасли социологии,

---

* [Примечание к изданию 1905 г.] Впоследствии гг. «критики Маркса» упрекали нас, «ортодоксов», в том, что мы восставали против всякой попытки дальнейшего развития взглядов Маркса. Читатель видит, что я не обнаруживал склонности к подобному восстанию. Но само собою разумеется, что в качестве ученика Маркса, понимавшего великое значение его теории, я должен был

которая не приобретала бы нового и чрезвычайно обширного поля зрения, усваивая их философско-исторические взгляды. Благоприятное влияние этих взглядов и теперь уже начинает сказываться в области истории, права и так называемой первобытной культуры. Но эта философско-историческая сторона современного социализма слишком еще мало известна у нас в России, и потому мы считаем нелишним сделать здесь несколько выписок, знакомящих с нею читателя словами самого Маркса.

Ведя свою родословную, между прочим, «от Канта и Гегеля», научный социализм является тем не менее самым смертельным и решительным противником идеализма. Он изгоняет его из его последнего убежища — социологии, в которой его принимали с таким радушием позитивисты. Научный социализм предполагает «материалистическое понимание истории», т. е. он объясняет духовную историю человечества развитием его общественных отношений (между прочим, под влиянием окружающей природы). С этой точки зрения, как и с точки зрения Вико, «ход идей соответствует ходу вещей», а не наоборот. Главной же причиной того или иного склада общественных отношений, того или иного направления их развития является состояние производительных сил и соответствующая им экономическая структура общества. «В своей общественной жизни люди наталкиваются, — говорит Маркс*, — на известные, необходимые, не зависящие от их воли отношения, именно на отношения производства, соответствующие той или другой ступени развития производительных сил. Вся совокупность этих отношений производства составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют известные формы общественного сознания. Соответствующий материальной жизни способ производства обуславливает собою процессы социальной, политической и духовной жизни вообще. Не понятия определяют общественную жизнь людей, но, наоборот, их обществен-

---

восстать против всякой попытки заменить некоторые положения марксизма старыми, давно отжившими буржуазными «догмами». И эту свою обязанность я исполнил, как мог.

* См. «Zur Kritik der Politischen Oekon.», Vorwort, S. S. IV—VI. [«К критике политической экономии», предисловие, стр. IV—VI.]²⁸

ная жизнь обуславливает собою их понятия... Правовые отношения, равно как и формы государственной жизни, не могут быть объяснены ни сами собою, ни так называемым общим развитием человеческого духа, но коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия, обозначил именем гражданского общества; анатомию же гражданского общества нужно искать в его экономии... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в столкновение с существующими отношениями производства, или — говоря юридическим языком — с имущественными отношениями, внутри которых они до тех пор вращались. Из форм, способствующих развитию производительных сил, эти имущественные отношения делают его тормозами. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономического основания изменяется более или менее быстро вся возвышающаяся на нем огромная надстройка. Ни одна общественная формация не исчезает раньше, чем разовьются все производительные силы, которым она предоставляет достаточно простора; и новые высшие отношения производства никогда не занимают места старых раньше, чем выработаются в недрах старого общества материальные условия их существования. Поэтому можно сказать, что человечество всегда ставит себе лишь исполнимые задачи, ибо, при внимательном рассмотрении, всегда оказывается, что самая задача является лишь там, где материальные условия ее решения уже существуют или находятся в процессе своего возникновения».

Теперь понятно, почему Маркс и Энгельс отзывались с такой презрительной насмешкой об «истинных социалистах» Германии конца сороковых годов²⁹, ставших в отрицательное отношение к борьбе немецкой буржуазии против абсолютизма и «проповедовавших народной массе, что в этом буржуазном движении она ничего не может выиграть, но рискует все потерять»³⁰. Историческое учение Маркса и Энгельса представляет собою настоящую «алгебру революции», как выразился когда-то Герцен о философии Гегеля³¹. Поэтому они сочувствовали «всякому революционному движению против существующих общественных и политических отношений»; потому же они отнеслись с горячим сочувствием и к русскому

движению, сделавшему Россию, по их выражению, передовым отрядом европейской революции ³².

Но, несмотря на всю их ясность и недвусмысленность, взгляды Маркса подали, однако, повод ко многим недоразумениям в области революционной теории и практики. Так, например, у нас часто говорят, что теории научного социализма неприменимы к России, потому что они выросли на почве западноевропейских экономических отношений. Учению Маркса подсказывается тот смешной вывод, что Россия должна пройти совершенно те же фазы историко-экономического развития, которые были пройдены Западом. Под влиянием убеждения в неизбежности этого вывода уже не один русский философ, незнакомый ни с Марксом, ни с историей Западной Европы, ополчался на автора «Капитала», обвиняя его в узости и шаблонности взглядов. Но, разумеется, это была борьба с ветряными мельницами. Наши дон-Кихоты не понимали, что история западноевропейских отношений положена Марксом лишь в основу *истории капиталистического производства*, которое родилось и выросло именно в этой части света. Общие философско-исторические взгляды Маркса имеют ровно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности. Само собою понятно, что ни автор «Капитала», ни его знаменитый друг и сотрудник не исключают из своего поля зрения экономических особенностей той или другой страны; они только ищут в них объяснения всех ее общественно-политических и умственных движений. Что они не игнорируют значения нашей поземельной общины, видно уже из того обстоятельства, что не далее как в январе 1882 года они не считали возможным сделать решительное предсказание относительно ее будущей судьбы. В предисловии к нашему переводу «Манифеста Коммунистической партии» (Женева 1882 г.) ³³ они даже прямо говорят, что русская община может при известных обстоятельствах «непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения». Эти обстоятельства стоят, по их мнению, в тесной связи с ходом революционного движения на западе Европы и в России. «Если русская революция,— говорят они,— послужит сигналом рабочей революции на Западе,

так что обе они пополняют друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития» (Маниф. комм. партии, VIII). Едва ли хоть одному «пароднику» придет в голову отрицать такого рода условность решения вопроса об общине. Едва ли кто-нибудь может утверждать, что гнет современного государства благоприятен для развития или хотя бы для сохранения поземельной общины. Точно так же едва ли хоть один человек, понимающий значение международных отношений в экономической жизни современных цивилизованных обществ, может отрицать, что развитие русской общины «в высшую, коммунистическую форму» тесно связано с судьбою рабочего движения на Западе. Оказывается, таким образом, что во взгляде Маркса на Россию нет ничего противоречащего самой очевидной действительности, и нелепый предрассудок относительно его крайнего «западничества» лишается всякой тени разумного основания.

Но существует другое недоразумение, которое непосредственно касается интересующего нас вопроса о значении политической борьбы в деле переустройства социальных отношений и коренится в ошибочном понимании взгляда Маркса на роль экономического фактора в развитии человеческой культуры. Взгляд этот часто истолковывался многими в том смысле, что автор «Капитала» придает политическому строю общества лишь самое ничтожное значение, считает его не заслуживающею внимания второстепенною частностью, которая не может служить не только целью, но даже и средством плодотворной деятельности. Нередко и до сих пор можно встретить у нас «марксистов», которые именно на этом основании игнорируют политические задачи социализма. Экономические отношения, говорят они, лежат в основании всякой общественной организации. Изменение этих отношений составляет причину всякого политического переустройства. Чтобы освободиться от ига капитала, рабочий класс должен иметь в виду не следствие, а причину, не политическую, а экономическую организацию общества. Политическая организация не приблизит рабочих к их цели, так как их политическое порабощение будет продолжаться до тех пор, пока не будет устранена экономическая зависимость их от имущих классов. Употребляемые рабочими *средства* борьбы должны быть

приведены в соответствие с ее целью. Экономическая революция может быть достигнута только путем борьбы на экономической же почве.

При некоторой последовательности понимаемый таким образом «марксизм» должен был бы изменить самый взгляд социалистов на цели и средства социальной революции и вернуть их к знаменитой формуле Прудона: «политическая революция — цель, экономическая революция — средство». Точно так же он должен был бы значительно сблизить, по крайней мере в теории, социалистов-революционеров с последователями «консервативного социализма», который так решительно противится политической самостоятельности рабочего класса³⁴. Последний честный и умный представитель этого социализма, Родбертус, именно потому и не сошелся с Лассалем, что знаменитый агитатор старался выдвинуть немецких рабочих на путь самостоятельной политической деятельности. Не Маркс, а Родбертус, не революционный, а консервативный, монархический социализм отрицает значение «политических примесей к экономическим целям» рабочего класса. И консерваторы прекрасно понимают, почему они так делают; но те, которые хотят примирить революционное движение рабочего класса с отрицанием «политики», те, которые подсказывают Марксу практические тенденции Прудона или даже Родбертуса, наглядно показывают, что они не понимают автора «Капитала» или сознательно извращают его учение. Мы говорим о сознательном извращении, потому что известная книга московского профессора г. Иванюкова есть не что иное, как именно такое сознательное извращение всех следствий, вытекающих из основных положений научного социализма³⁵. Книга эта показывает, что наши русские полицейско-социалисты не прочь эксплуатировать для своих реакционных целей даже такую теорию, под знаменем которой совершается самое революционное движение нашего века. Одно это обстоятельство могло бы сделать необходимым подробное выяснение политической программы современного социализма. Мы и приступим теперь к этому выяснению, не пускаясь, однако, ни в какую полемику с гг. Иванюковыми, так как достаточно выяснить истинный смысл той или другой теории, чтобы тем самым опровергнуть умышленные ее искажения. При этом же нас гораздо более интересуют здесь те револю-

ционеры, которые при всей искренности своих стремлений слишком еще пропитаны, хотя, быть может, и бессознательно, анархическими учениями и потому готовы видеть в сочинениях Маркса мысли, уместные только в «Общей идее революции в XIX веке»³⁶. Критика выводов, сделанных ими из философско-исторических взглядов Маркса, логически приведет нас к вопросу о так называемом *захвате власти* и покажет нам, насколько правы те, которые усматривают в этом акте какое-то преступление против идеи человеческой свободы, а равно и те, которые, наоборот, видят в нем альфу и омегу всего социально-революционного движения.

Посмотрим прежде всего, какое значение имеют понятия о причине и следствии в применении к общественным отношениям.

Если мы толкнем рукой или кием биллиардный шар, то он придет в движение; если мы ударим сталью о кремль, то появится искра. В каждом из этих случаев очень легко определить, какое явление служит причиной и какое — следствием. Но эта легкость решения задачи обусловливается лишь крайнею ее простотою. Если вместо двух одиноко стоящих явлений мы возьмем процесс, в котором одновременно замечается несколько явлений или даже несколько рядов явлений, то дело значительно усложнится. Так, например, горение свечи есть, относительно говоря, довольно сложный процесс, в результате которого является свет и теплота. Казалось бы поэтому, что мы безо всякого риска ошибиться можем назвать выделяемую пламенем теплоту одним из следствий этого химического процесса. Так оно и есть до известной степени. Но если бы каким-нибудь способом мы ухитрились лишить пламя выделяемой им теплоты, то горение тотчас прекратилось бы, так как интересующий нас процесс не может происходить при обыкновенной температуре. Поэтому оказался бы до известной степени правым и тот, кто сказал бы, что теплота есть *причина* горения. Чтобы не уклоняться от истины ни в ту, ни в другую сторону, мы должны были бы сказать, что теплота, явившаяся в данный момент *следствием* горения, в следующий за тем момент является его *причиной*. Значит, по отношению к процессу горения в продолжение нескольких моментов мы должны сказать, что теплота является *и следствием* его *и причиной*, или, другими словами, *ни следствием, ни*

причиной, а просто одним из явлений, вызываемых этим процессом и, в свою очередь, составляющих необходимое для него условие. Возьмем другой пример. Всякому, «даже не обучавшемуся в семинарии», известно, что так называемые растительные процессы человеческого организма оказывают огромное влияние на психические явления. То или другое настроение духа оказывается *следствием* того или другого физического состояния организма. Но раз существует известное настроение духа, то самые растительные процессы часто испытывают на себе его влияние, и оно делается, таким образом, *причиной* тех или других изменений в физическом состоянии организма. Чтобы и здесь не погрешить ни в ту, ни в другую сторону, мы должны сказать, что психические явления и растительная жизнь организма представляют собою два ряда сосуществующих процессов, причем каждый из этих рядов испытывает влияние другого. И если бы какой-нибудь медик стал игнорировать психические влияния на том основании, что душевное настроение человека есть следствие физического состояния его организма, мы сказали бы, что школьная логика лишила его всякой способности к разумной медицинской практике.

Общественная жизнь отличается еще большею сложностью, чем жизнь индивидуального организма. Поэтому в ней еще более заметна относительность понятий о причине и следствии. По учению классической экономики, высота заработной платы определяется, в среднем выводе, уровнем насущнейших потребностей рабочего. Значит, данная высота заработной платы есть *следствие* данного состояния потребностей рабочего. Но, с своей стороны, потребности эти могут повыситься лишь в случае повышения заработной платы, потому что иначе не было бы достаточной причины для изменения их уровня. Следовательно, данная высота заработной платы есть *причина* данного состояния потребностей рабочего. Из этого логического круга нельзя вырваться с помощью школьных категорий причины и следствия. А мы будем попадать в него на каждом шагу наших социологических рассуждений, если забудем, что «причина и следствие суть понятия, имеющие значение лишь в применении к отдельным случаям; но раз мы рассматриваем этот случай в его общей мировой связи, то причина и следствие совпадают, их противоположность исчезает при созерцании всемирного взаи-

модействия, в котором причина и следствие постоянно меняются местами, и то, что теперь или здесь — следствие, станет там или тогда причиной, и наоборот» (Фр. Энгельс) *37.

Сделавши эту оговорку, постараемся определить теперь, в каком смысле нужно понимать причинную связь между экономическими отношениями и политическим строем данного общества.

Чему учит нас в этом случае история? Она показывает нам, что всегда и везде, где процесс экономического развития вызывал расчленение общества на классы, противоречие интересов этих классов неизбежно приводило их к борьбе за политическое господство. Эта борьба возникла не только между различными слоями господствующих классов, но также между этими классами, с одной стороны, и народом — с другой, если только последний был поставлен в условия, хоть немного благоприятные для его умственного развития. В государствах древнего Востока мы видим борьбу между воинами и жрецами; весь драматизм истории античного мира заключается в борьбе аристократии и демоса, патрициев и плебеев; средние века выдвигают горожан, которые стремятся завоевать политическое господство в пределах своих коммун; наконец, современный рабочий класс ведет политическую борьбу с буржуазией, достигшей полного господства в новейшем государстве. Всегда и везде политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития. Чтобы не заходить далеко, вспомним историю «третьего сословия», этого класса, который с гордостью может смотреть на свое прошлое, полное блестящих завоеваний во всех отраслях жизни и мысли. Едва ли кому-нибудь может прийти в голову упрекнуть буржуазию в отсутствии такта и умения достигать своих целей наиболее подходящими средствами. Никто не станет также отрицать, что ее стремления имели вполне определенный экономический характер. Это не помешало ей, однако, вступить на путь политической борьбы и политических завоеваний. То с оружием в руках, то путем

* См. «Herrn Eugen Dühring's Umwälz. der Wissensch.», S. 6. [«Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», стр. 6.]

мирных договоров, то во имя республиканской независимости своих городов, то во имя усиления королевской власти нарождающаяся буржуазия вела в течение целых столетий непрерывную упорную борьбу с феодализмом и уже задолго до французской революции могла с гордостью указывать врагам на свои успехи. «Различны были шансы и неодинаков успех в великой борьбе горожан против феодалов,— говорит историк*,— и не только сумма вольностей, вырванных силою или полученных путем мирного соглашения, была не повсюду одинакова, но даже и при одних и тех же политических формах города пользовались часто различною степенью свободы и независимости». Тем не менее смысл движения был тождествен повсюду и знаменовал собою начало социальной эмансипации третьего сословия и упадка аристократии, светской и духовной**. В общем это движение принесло горожанам «муниципальную независимость, право выбора всех местных властей, точную определенность в повинностях», обеспечило права личности внутри городских коммун***, дало буржуазии более высокое положение в сословных государствах «старого режима» и рядом постоянных завоеваний привело ее, наконец, к полному господству в современном обществе. Ставя себе совершенно определенные, хотя со временем и изменяющиеся социально-экономические цели, черпая средства для своей дальнейшей борьбы из приобретенных уже выгод своего материального положения, буржуазия не упустила ни одного случая дать правовое выражение достигнутым ею ступеням экономического прогресса и,

* См. «Essai sur l'histoire du Tiers État», par Aug. Thierry, p. 33—34. [«Очерк истории третьего сословия» Ог. Тьерри, стр. 33—34.]

** Сторонники феодализма прекрасно понимали цели горожан и связь их политических и экономических требований. «Коммуна есть слово новое и гнусное,— говорит аббат Гибер,— и вот что оно означает: люди, обязанные нести повинности, платят своему господину должную ими ренту один только раз в год. Когда они совершают какое-нибудь преступление, они платят установленный законом штраф; а что касается денежных обложений, которыми подвергаются обыкновенно крепостные, то они освобождаются от них совершенно». Laurent, La féodalité et l'église, p. 546. [Лоран, Феодализм и церковь, стр. 546.]

*** Лютихский Статут устанавливает принцип неприкосновенности жилища в следующем энергичном выражении: «Бедняк в своем жилище — король». Laurent, ibid., p. 548. [Лоран, там же, стр. 548.]

наоборот, с таким же искусством пользовалась каждым своим политическим приобретением для новых завоеваний в области экономической жизни. Не далее как в половине сороковых годов текущего столетия английская «Лига против хлебных законов» добивалась, по остроумному плану Ричарда Кобдена, усиления своего *политического* влияния в «графствах» ради отмены ненавистой ей «монополии», имевшей, по-видимому, исключительно *экономический* характер³⁸.

История есть величайший диалектик, и если в ходе ее движения разум превращается, по выражению Мефистофеля, в бессмыслицу, а благодеяние становится источником страданий, то не менее часто в историческом процессе следствие становится причиной, а причина оказывается следствием. Вырастая из экономических отношений современного ему общества, политическое могущество буржуазии, в свою очередь, служило и служит незаменимым фактором дальнейшего развития этих отношений.

Теперь, когда буржуазия близится к окончанию своей исторической роли и пролетариат становится единственным представителем прогрессивных стремлений в обществе, мы можем наблюдать явление, аналогичное выше указанному, хотя и совершающееся при изменившихся условиях. Во всех передовых государствах цивилизованного мира, в Европе так же, как и в Америке, рабочий класс выступает на поприще политической борьбы, и, чем сознательнее относится он к своим экономическим задачам, тем решительнее выделяется он в особую политическую партию. «Так как существующие ныне политические партии всегда действовали лишь в интересах имущих для охранения их экономических привилегий,— читаем мы в программе североамериканской социалистической рабочей партии,— то рабочий класс обязан организовать в большую рабочую партию, чтобы *добиться политической силы в государстве* и завоевать с ее помощью экономическую независимость, потому что освобождение рабочего класса может быть совершено лишь самими рабочими»*. В том же духе и вполне согласно с программой немецкой социал-демократии высказывается французская рабочая партия, которая признает, что

* *Von Studnitz, Nordamerikanische Arbeiterverhältnisse, S. 353.*
[Фон Штудниц, Положение рабочих в Северной Америке, стр. 353.]

пролетариат должен стремиться к экономической революции «всеми зависящими от него средствами, не исключая и всеобщего избирательного права, превращаемого таким образом из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в *орудие освобождения*». Испанская рабочая партия также стремится к «завоеванию политической власти» для устранения препятствий, стоящих на пути к освобождению рабочего класса*.

В Англии, где со времени прекращения чартистского движения³⁹ борьба пролетариата сосредоточивалась исключительно на экономической почве, политические стремления рабочих начинают снова оживать в последнее время. Не далее как несколько лет тому назад немецкий экономист Луи Брентано с торжеством констатировал в своей книге «*Das Arbeitsverhältniss etc.*»** полное исчезновение «социал-демократических» тенденций в Англии и с истинно буржуазным самодовольством глубоко-мысленно философствовал на ту тему, что «в настоящее время Англия снова образует *одну* нацию», что «современные английские рабочие снова составляют часть великой либеральной партии», а не стремятся к захвату государственной власти, чтобы с ее помощью «перестроить общество в своих интересах» (стр. 110)⁴⁰. Опубликованный недавно манифест английской «демократической федерации»⁴¹ показывает, что радость буржуазного экономиста была несколько преждевременна. Демократическая федерация стремится вызвать политическое отделение эксплуатируемых от эксплуататоров и приглашает первую из этих «наций» именно к захвату государственной власти с целью переустройства общества в интересах рабочих. «Пришло время,— говорит названный манифест,— когда народная масса необходимо должна взять в свои собственные руки заведование касающимися ее делами; политическая и социальная сила представляет собою в настоящее время монополию людей, живущих трудом своих сограждан. Землевладельцы и капиталисты, завладевшие верхней палатой и наполняющие нижнюю, стремятся лишь к охранению своих собственных интересов. Возьмите свою судьбу в свои собственные руки, устраните этих богатых паразитов обеих групп и расчи-

* Мы цитируем эту программу по книге *Б. Малона*: «*Le nouveau parti*», t. I, p. 15. [«Новая партия», т. I, стр. 15.]

** [«Об условиях труда и т. д.».]

тывайте только на самих себя!» Манифест требует «полного права голосования для всех взрослых мужчин и женщин» Соединенного Королевства и других политических реформ, осуществление которых «показало бы только, что мужчины и женщины этой страны стали господами у себя дома». Далее перечисляется — в качестве ближайших требований английской демократической федерации — целый ряд мер, необходимых для развития «здорового, незаисимого и серьезно образованного поколения, готового организовать труд каждого на пользу всех и овладеть, наконец, всей социально-политической машиной государства, в котором перестанут тогда существовать классовые различия и привилегии».

Таким образом, и английский пролетариат снова выступает на тот путь, на который давно уже вышли работники других цивилизованных государств.

Но, подобно тому как буржуазия не только боролась с аристократией на почве существующих уже политических отношений, а стремилась также перестроить эти отношения в своих интересах, пролетариат не ограничивает свою политическую программу захватом современной государственной машины. В его среде все более и более распространяется убеждение в том, что «каждый порядок вещей, определяющий взаимное положение граждан и их имущественные и трудовые отношения, соответствует особой форме правления, которая служит для него средством осуществления и сохранения в одно и то же время»*. Между тем как представительная (монархическая или республиканская) система была детищем буржуазии, пролетариат требует прямого народного законодательства как единственной политической формы, при которой возможно осуществление его социальных стремлений. Это требование рабочего класса занимает одно из первых мест в программе социальной демократии всех стран и стоит в самой тесной связи со всеми остальными пунктами ее программы**. Вопреки Прудону, пролетариат

* См. «Sozialdemokratische Abhandlungen» von M. Rittinghausen, drittes Heft, «Über die Nothwendigkeit der direkten Gesetzgebung durch das Volk», S. 3. [«Социал-демократические статьи М. Риттинггаузена, третий выпуск, «О необходимости прямого народного законодательства», стр. 3.]

** См. программы немецкой и североамериканской рабочих партий. Манифест английской демократической партии также требует «прямого голосования по всем важным вопросам».

продолжает смотреть на «политическую революцию», как на самое могущественное средство достижения экономического переворота.

Уже одно это свидетельство истории должно было бы предрасположить нас к той мысли, что не ошибочная теория, а верный практический инстинкт лежит в основе политических тенденций различных общественных классов. Если, несмотря на полное несходство в других отношениях, все классы, ведущие сознательную борьбу со своими противниками, начинают на известной стадии своего развития стремиться обеспечить себе политическое влияние, а затем и господство, то ясно, что политический строй общества представляет собою далеко не безразличное условие для их развития. А если мы видим, кроме того, что ни один класс, добившийся политического господства, не имеет причин раскаиваться в своем интересе к «политике»; если, напротив, каждый из них достигал высшей, кульминационной точки своего развития лишь после того, как он приобретал политическое господство, то мы должны признать, что политическая борьба представляет собою такое средство социального переустройства, годность которого доказана историей. Всякое учение, противоречащее этой исторической индукции, лишается значительной доли убедительности, и если бы современный социализм действительно осуждал политические стремления рабочего класса как нецелесообразные, то уже по одному этому он не мог бы называться научным.

Проверим теперь наше наведение дедуктивным путем, принимая философско-исторические взгляды Маркса за посылки для наших выводов.

Представим себе общество, в котором данный класс пользуется полным господством. Он добился этого господства благодаря преимуществам своего экономического положения, которые открывают, согласно нашим посылкам, путь ко всем другим успехам общественной жизни. В качестве *господствующего* класса он, разумеется, приспособляет общественную организацию к наиболее выгодным условиям своего существования и тщательно устраняет из нее все, что может так или иначе ослабить его влияние. «Господствующий класс каждого данного периода,— справедливо говорит Шеффле,— есть также и творец его права и обычаев. Его члены повинуются лишь инстинкту самосохранения, когда они стараются упрочить свое го-

сподство и удержат его на возможно более продолжительное время за своими потомками как необходимое условие их привилегированного положения и средство эксплуатации угнетенных... Почти ни одна часть положительного права не пользуется таким почетом со стороны господствующих сословий данного времени, ни одной не приписывается в такой степени характер «вечных» институтов или даже «священных» основ общества, как той, которая упрочивает сословные права и защищает классовое господство* . И до тех пор, пока господствующий класс будет носителем наиболее прогрессивных общественных идеалов, созданный им строй будет удовлетворять всем требованиям социального развития. Но как только экономическая история данного общества выдвинет новые элементы поступательного движения, как только его «производительные силы придут в столкновение с существующими отношениями производства или — говоря юридическим языком — с имущественными отношениями, внутри которых они до тех пор вращались», прогрессивная роль данного господствующего класса будет окончена. Из представителя прогресса он делается заклятым его врагом и, разумеется, воспользуется государственной машиной с целью самообороны. Политическая власть делается в его руках самым могучим орудием реакции. Чтобы открыть свободный путь развитию производительных сил общества, необходимо устранить тормозящие это развитие имущественные отношения, т. е. произвести, как говорит Маркс, социальную революцию. Но это невозможно до тех пор, пока законодательная власть находится в руках представителей старого порядка, т. е. говоря другими словами, пока она охраняет интересы господствующего класса. Неудивительно поэтому, что новаторы, т. е. представители угнетенного класса или классов, будут стремиться выбить из рук своих противников и обратить против них это страшное оружие. Сама логика вещей выдвинет их на путь политической борьбы и захвата государственной власти, хотя они и задаются целью экономического переворота. Лассаль сказал глубокую истину, когда заметил в предисловии к своей «Системе приобретенных прав», что «там, где юридические отношения,

* См. *Шеффле*, *Bau und Leben des soz. Körpers*, В. III, S. S. 91 und 102. [«Строение и жизнь социального организма», т. III, стр. 91 и 102.]

переходя в область частного права, теряют, по-видимому, всякую связь с политикой, в них *оказывается гораздо более политического, чем в самой политике*, потому что они представляют собою тогда элемент *социальный*» *.

В практической жизни дело происходит, конечно, далеко не так скоро, как это можно было бы предположить, рассуждая а priori. Угнетенный класс лишь постепенно уясняет себе связь между своим *экономическим* положением и своею *политическою* ролью в государстве. Долгое время он не понимает во всей ее полноте даже своей экономической задачи. Составляющие его индивидуумы ведут тяжелую борьбу за свое повседневное существование, не задумываясь даже о том, каким сторонам общественной организации обязаны они своим бедственным положением. Они стараются избегать наносимых им ударов, не спрашивая себя, откуда и кем направляются в последнем счете эти удары. В них нет еще классового сознания, в их борьбе против отдельных угнетателей нет никакой руководящей идеи. Угнетенный класс еще не существует *для себя*; он *будет* со временем передовым классом общества, но он еще не *становится* им. Сознательно организованной силе господствующего класса противостоят лишь разрозненные, единичные стремления отдельных личностей или отдельных групп личностей. Так, например, и теперь еще не редкость встретить рабочего, который ненавидит особенно энергичного эксплуататора, но не подозревает еще необходимости борьбы против целого класса эксплуататоров и устранения самой возможности эксплуатации человека человеком.

Мало-помалу процесс обобщения делает, однако, свое дело, и угнетенные начинают сознавать себя классом. Но они еще слишком односторонне понимают особенности своего классового положения: пружины и двигатели общественного механизма в его целом остаются еще скрытыми от их умственных взоров. Класс эксплуататоров представляется им простою совокупностью отдельных предпринимателей, не связанных нитями политической *организации*. На этой ступени развития в понятиях угнетенных, как и в голове профессора Лоренца фон Штейна, не ясна еще связь между «обществом» и «государством».

* См. «System der erworbenen Rechte», Leipzig 1880, erster Theil, Vorrede, S. VII. [«Система приобретенных прав», Лейпциг 1880, первая часть, предисловие, стр. VII.]

Предполагается, что государственная власть стоит выше антагонизма классов, ее представители кажутся естественными судьями и примирителями враждующих сторон. Угнетенный класс относится к ним с полным доверием и приходит в большое удивление, когда обращенные к ним с его стороны просьбы о помощи остаются без ответа. Не останавливаясь на частных примерах, мы заметим только, что подобная путаница понятий обнаруживалась до последнего времени английскими рабочими, которые вели весьма энергичную борьбу на экономической почве и в то же время находили возможным фигурировать в рядах той или другой буржуазной политической партии.

Только на следующей и последней ступени развития угнетенный класс всесторонне выясняет себе свое положение. Теперь он понимает, какая связь существует между обществом и государством, и не апеллирует на притеснения своих эксплуататоров к тем, кто представляет собою политический орган той же эксплуатации. Он знает, что государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, крепость, которою можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет. Рассчитывая лишь на самих себя, угнетенные начинают понимать, что «*политическая* самопомощь есть, — как говорит Ланге, — важнейший из всех видов *социальной* самопомощи». Они стремятся тогда к политическому господству, чтобы помочь себе путем изменения существующих социальных отношений и приспособления общественного строя к условиям своего собственного развития и благосостояния. Разумеется, они тоже не вдруг достигают господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключаящей в умах противников всякую мысль о сопротивлении. Долгое время добиваются они лишь уступок, требуют лишь таких реформ, которые дали бы им не господство, а только возможность расти и созревать для будущего господства; реформ, которые удовлетворили бы самые насущные, самые ближайшие их требования и хоть немного расширили бы сферу их влияния на общественную жизнь страны. Только пройдя суровую школу борьбы за отдельные клочки неприятельской территории, угнетенный класс приобретает настойчивость, смелость и развитие, необходимые

для решительной битвы. Но, раз приобретя эти качества, он может смотреть на своих противников, как на класс, окончательно осужденный историей; он может уже не сомневаться в своей победе. Так называемая революция есть только последний акт в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбою *политической* *.

Спрашивается теперь, целесообразно ли поступили бы социалисты, если бы они стали удерживать рабочих от «политики» на том основании, что политический строй общества обуславливается экономическими его отношениями? Конечно, нет. Они лишили бы рабочих точки опоры для их борьбы, отняли бы у них возможность сконцентрировать свои усилия и направить свои удары на созданную их эксплуататорами общественную организацию. Вместо этого рабочим пришлось бы вести партизанскую войну с отдельными эксплуататорами или, самое большее, с отдельными группами этих эксплуататоров, на стороне которых всегда стояла бы организованная сила государства. Именно такую ошибку делали русские социалисты из так называемой интеллигенции, когда они порицали (в № 4 «З. и В.») «Северно-Русский Рабочий Союз» за то, что он выставил в своей программе известные политические требования⁴². Ту же ошибку повторило «Зерно»⁴³, которое рекомендовало рабочим вести борьбу на экономической почве, добиваться сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и т. п., даже убивать шпионов и особенно нелюбимых мастеров и предпринимателей, но ни одним словом не обмолвилось о *политических* задачах русских работников. Это отсутствие синтеза в революционных взглядах и программах наших социалистов не могло не оказать самого вредного влияния на результаты их деятельности. Охраняя политический индифферентизм рабочих как важнейший признак радикализма их экономических требований, мы тем самым оказывали косвенную поддержку современному абсолю-

---

* [Примечание к изданию 1905 г.] Эти строки были написаны за 15 лет до выступления г. Бернштейна в роли «критика Маркса». Пусть судит сам читатель, прав ли этот «критик» и его многочисленные единомышленники, упрекающие нас, «ортодоксов», в том, что мы понимаем революцию пролетариата как простую и почти моментальную «катастрофу».

тизму. Кроме того, обрывая наши программы именно на том пункте, где нужно было подвести политический итог социальным требованиям рабочего класса, мы уменьшали практическое значение этих программ в глазах рабочих, лучше нас понимавших, до какой степени бесплодна разрозненная борьба против отдельных эксплуататоров. К счастью, наше рабочее движение очень рано переросло эту первую фазу своего развития. Ответ «Северно-Русского Рабочего Союза» редакции «Земли и Воли» (см. № 5 этого издания) показал, что, по крайней мере, члены этого Союза раньше нашей «интеллигенции» поняли всю неуместность «политического невмешательства» рабочего класса⁴⁴.

Все это прекрасно, скажет иной читатель, но ваша аргументация не попадает в цель. Мы не отрицаем, что рабочему классу было бы *полезно* добиться политического влияния и захватить государственную власть в свои руки; мы утверждаем только, что в настоящее время это *невозможно* для него по многим причинам. Ваша ссылка на историю буржуазии недоказательна, так как положение пролетариата в буржуазном обществе вовсе не сходно с положением третьего сословия в государствах «старого режима». Сам Маркс признает это несходство и формулирует его следующим образом в «Коммунистическом манифесте». «Под гнетом лежавшего на нем ига средневековой крепостной возвысился,— говорит он,— до степени члена коммуны, подобно тому, как горожанин вырос до буржуа, несмотря на гнет феодального абсолютизма. Напротив, современный рабочий, вместо того чтобы с прогрессом промышленности улучшать свое положение, опускается все ниже и ниже. Работник становится нищим, и нищета развивается быстрее, чем население и богатство буржуазных стран»⁴⁵. Если каждый прогрессивный шаг буржуазии в области производства и обмена сопровождался «соответствующими политическими завоеваниями», то в этом нет ничего удивительного: всякому известно, что улучшение материального благосостояния того или другого класса сопровождается возрастанием его политического влияния. Но именно тот факт, что политические завоевания буржуазии предполагали увеличение ее богатства,— именно этот факт и заставляет безнадежно смотреть на политические движения рабочего класса. Все более и более превращаясь в «нищих», рабочие должны, по-видимому, утратить и ту долю влияния, которую они

приобрели в борьбе за интересы буржуазии, «побивая врагов своих врагов, — остатки абсолютной монархии, землевладельцев, непромышленную буржуазию» и г. д. Политическая борьба рабочего класса нецелесообразна, потому что в силу экономического его положения она осуждена на неудачу.

При всей своей внутренней несостоятельности возражение это кажется, однако, на первый взгляд до такой степени решительным, что его невозможно обойти молчанием. Оно является последним основанием аргументации тех сторонников теории политического невмешательства, которые считают себя последователями Маркса *. Поэтому с его устранением теория невмешательства падает окончательно, и политические задачи современного социализма выступают в их истинном свете.

Доля рабочего класса в национальном продукте постоянно уменьшается — это не подлежит ни малейшему сомнению. Он становится беднее не только относительно, но и абсолютно, его доход не только не возрастает в одинаковой прогрессии с доходом других классов общества, но он падает; реальная заработная плата современного пролетария (количество достаемых ему предметов потребления) меньше, чем была плата рабочего 500 лет тому назад ⁴⁶, — это доказано исследованиями Роджерса, Дюшатлэ ⁴⁷ и др. **. Но отсюда вовсе еще не следует, что в настоящее время экономические условия менее благо-

---

* [Примечание к изданию 1905 г.] Это покажется парадоксом, но на самом деле теория политического невмешательства рабочего класса формулирована была Бакуниным как вывод из материалистического объяснения истории. Бакунин, бывший горячим сторонником этого объяснения, рассуждал так: если политический строй всякого данного общества основывается на его экономике, то политическая революция излишня; она сама явится результатом экономической революции. Этот человек, который был когда-то учеником Гегеля и который должен был бы, кажется, изощрить свою логику, никак не мог понять, что результатом экономики является не только всякий данный, готовый политический строй, но и всякое новое политическое движение, которое, возникнув на почве данных экономических отношений, в свою очередь, служит необходимым орудием их переустройства. На этом недоразумении до сих пор строятся все наиболее серьезные возражения анархистов против социал-демократов.

** [Примечание к изданию 1905 г.] Это касается «теории обнищания», наделавшей столько шума во время «Бернштейниады». О ней см. в моей статье «Критика наших критиков», в 2—3-й книжке «Зари» ⁴⁸.

приятны для политического движения рабочего класса, чем были они в четырнадцатом веке. Мы говорили уже выше, что при такого рода оценке экономических условий данной страны нужно принимать во внимание не только распределение национального дохода, но главным образом организацию производства и способ обмена продуктов. Сила зарождавшейся буржуазии заключалась не столько в ее богатстве, сколько в том общественно-экономическом прогрессе, носителем которого она некогда явилась. Не увеличение ее дохода толкнуло ее на путь революционной борьбы и обеспечило возрастание ее политического влияния, а противоречие между вызванными ею к жизни производительными силами и теми условиями, в которых совершались производство и обмен продуктов в феодальном обществе. Сделавшись представительницей прогрессивных требований в этом обществе, она собрала под свое знамя все его недовольные элементы и повела их на борьбу против режима, ненавистного огромному большинству народа. Не деньги, а неразвитое состояние рабочего класса создало ей руководящую роль в этом освободительном движении. Ее богатство, ее и тогда уже относительно довольно высокое общественное положение были, конечно, необходимы для исполнения этой роли. Но чем обуславливалась эта необходимость? Прежде всего невозможностью для нее вести дело разрушения старого порядка без помощи низших слоев населения. Здесь-то и помогло ей ее богатство. Оно принесло ей влияние на ту самую массу, которая должна была сражаться за ее господство. Не будучи богатой, буржуазия не была бы и влиятельной, а без влияния на народ она не победила бы аристократии, потому что она была сильна не собственной силой, а той силой, над которой она уже господствовала и которой она повелевала благодаря своим капиталам. Спрашивается теперь, *возможно ли* для пролетариата такое влияние на какой-нибудь другой класс населения и *нужно ли* оно для его торжества? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы услышать решительное «нет» от всякого, понимающего современное положение рабочего класса. Пролетариату *невозможно* влиять на низшие классы так, как влияла когда-то на него буржуазия, по той простой причине, что нет таких классов, которые стояли бы ниже его; он представляет собою самую последнюю экономическую формацию современного

общества. Да ему и *не нужно* добиваться такого влияния, потому что он в то же время есть *самый многочисленный* слой этого общества, потому что вместе с другими слоями трудящегося населения он всегда был именно тою средою, вмешательство которой решало политические споры. Говорим — самый многочисленный класс, потому что все «прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же именно ею и создается. Средние слои, мелкие купцы и промышленники, ремесленники и крестьяне — все они борются против буржуазии, чтобы отстоять свое существование, как средних слоев. Следовательно, они консервативны. Еще того более, они реакционны, они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они имеют революционное значение, то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не современные, но будущие свои интересы, поскольку они покидают свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата»⁴⁹.

Прежде рабочий класс побеждал, состоя под начальством буржуазии, и только наивно дивился тому странному обстоятельству, что почти все трудности борьбы падают на его долю, между тем как почти все выгоды и почести победы достаются его союзнице. Теперь он не довольствуется этой служебной ролью и обращает против буржуазии ту самую силу, которая некогда принесла ей победу. Но теперь эта сила значительно увеличилась. Она возросла и продолжает возрастать в той же пропорции, в какой совершались и совершаются концентрация капиталов и распространение крупного производства. Она возросла, кроме того, в той самой мере, в какой умножился политический опыт рабочего класса, выведенного самой буржуазией на арену общественной деятельности. Можно ли сомневаться, что пролетариат, оказавшийся некогда достаточно сильным, чтобы разрушить феодальный абсолютизм под руководством буржуазии, будет со временем достаточно силен, чтобы сломить политическое господство буржуазии по своей собственной инициативе? Буржуазия могла победить феодализм лишь благодаря своему богатству, пролетариат победит буржуазию именно потому, что его удел — «нищета» — становится уделом все большей и большей части современного общества.

Но в истории развития буржуазии богатство оказало

ей и другую и притом весьма «производительную услугу», как выразились бы ее экономисты. Оно дало ей знание, сделало ее самым передовым и образованным слоем тогдашнего общества. Может ли пролетариат приобрести это знание, может ли он быть одновременно и самым бедным и самым развитым из всех общественных классов? Политическое господство невозможно для него вне этого условия, потому что без знания — нет силы!

Мы говорили уже, что сама буржуазия начала политическое воспитание пролетариата. Она заботилась об его образовании, поскольку это было нужно ей для борьбы с ее врагами. Она распатала его религиозные верования там, где это было необходимо для ослабления политического значения духовенства; она расширила его правовые воззрения там, где ей нужно было противопоставить «естественное» право писаному праву сословного государства. Теперь стал на очередь экономический вопрос, и политическая экономия играет теперь — по выражению одного очень умного немца * — такую же важную роль, какую играло в XVIII столетии естественное право⁵⁰. Захочет ли буржуазия быть руководительницей рабочего класса при исследовании отношений труда к капиталу, этого вопроса из вопросов всей общественной экономии? Она неохотно берет на себя даже эту выгодную для нее роль, потому что поднимать этот вопрос — значит уже угрожать ее господству. Да и *может ли* она выполнить эту роль хотя бы так, как она выполнила ее когда-то по отношению к религии и праву? Нет! Слепленные интересами своего класса, ее ученые представители давно уже утратили всякую способность к объективному, научному исследованию общественных вопросов. В этом и заключается вся тайна современного упадка буржуазной экономии. Рикардо был последним экономистом, который, оставаясь буржуа до конца ногтей, имел достаточно ума, чтобы понять диаметрально противоположность интересов труда и капитала. Сисмонди был последним экономистом-буржуа, у которого было достаточно чувства, чтобы нелицемерно оплакать этот антагонизм. После них *общие*, теоретические исследования буржуазных экономистов утратили большею частью всякое научное значение. Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить историю

---

* [Примечание к изданию 1905 г.] Т. е. Родбертуса.

политической экономии со времени Рикардо и полюбоваться произведениями Бастиа, Кери, Леруа-Болье или хотя бы современных катедр-социалистов⁵¹. Из мирных и объективных мыслителей буржуазные экономисты превратились в воинственных охранителей и стражей капитала, направляющих все свои усилия на то, чтобы перестроить с военными целями самое здание науки. Но, несмотря на эти воинственные упражнения, они отступают беспрерывно и оставляют в руках неприятелей ту научную территорию, на которой они когда-то властвовали бесконтрольно. В настоящее время люди, совершенно чуждые каких бы то ни было «демагогических» стремлений, уверяют, будто рабочие «лучше какого-нибудь Пр. Смита или Фаухера способны усваивать самые абстрактные понятия» в экономической науке. Так думал, например, человек, имя которого пользуется огромным авторитетом среди немецких экономистов, но который с своей стороны питал к ним самое глубокое презрение. «Мы смотрим на рабочих, как на детей,— прибавлял этот человек,— между тем как они переросли уже нас на целую голову» *.

Но нет ли в его словах преувеличения? Может ли рабочий класс понимать «абстрактные» вопросы общественной экономии и социализма, не говорим уже лучше, но так же, как люди, затратившие целые десятки лет на свое образование?

На чем основываются положения современного научного социализма? Представляют ли они собою измышления какого-нибудь досужего благодетеля человеческого рода или являются обобщением тех самых явлений, с которыми мы все так или иначе сталкиваемся в своей ежедневной жизни, объяснением тех самых законов, которыми определяется наше участие в производстве, обмене или просто в распределении продуктов? Кто решит этот вопрос в последнем смысле, тот согласится, что рабочий класс имеет много шансов для правильного понимания «самых абстрактных» законов общественной экономии, для усвоения самых отвлеченных положений научного социализма. Трудность понимания законов той или другой науки обуславливается неполным знакомством с данными, лежащими в основании этих законов. Там, где речь идет

---

* [Примечание к изданию 1905 г.] Я опять имею в виду Родбергуса.

лишь об явлениях повседневной жизни, где научный закон обобщает лишь каждому известные случаи,— там люди практического дела не только отлично понимают теоретические положения, но и могут иногда научить самих теоретиков. Спросите сельского хозяина о влиянии отдаленности рынка на цену его продуктов или плодородия почвы на высоту поземельной ренты. Спросите фабриканта о влиянии расширения сбыта на удешевление производства. Спросите рабочего, откуда берется прибыль его предпринимателя... Вы убедитесь, что все эти люди знают Рикардо, никогда не выдавши даже обертки его сочинений. А ведь эти вопросы пользуются репутацией весьма сложных и «абстрактных» вопросов; ведь по поводу них пролиты целые моря чернил, написано такое огромное количество томов, что, приступая к изучению экономической науки, можно ужаснуться этих ворохов печатной бумаги. И так во всем, во всех частях общественной экономии! Возьмите хоть теорию меновой стоимости. В двух словах вы можете объяснить рабочему, чем и как она определяется; а вот многие из гг. буржуазных экономистов до сих пор не хотят или не могут понять этой весьма простой теории и впадают в спорах о ней в такие грубые логические ошибки, за которые ни один учитель арифметики не постеснялся бы поставить единицу ученику «младшего возраста». Поэтому мы и думаем, что цитированный нами писатель был прав, что в настоящее время единственною понятливою аудиториею по жгучим социальным вопросам может быть только аудитория, состоящая из пролетариев или людей, ставших на точку зрения пролетариата. А раз усвоены основные положения общественной экономии, понимание научного социализма не представляет уже трудности: рабочий и здесь будет следовать лишь указаниям своего практического опыта. Эта сторона дела прекрасно выяснена самим Марксом: «Если пролетариат провозглашает разложение *всего современного порядка*,— читаем мы в его *«Критике гегелевской философии права»*,— то он высказывает этим лишь тайну своего собственного существования, потому что оно есть фактическое разложение этого порядка. Если пролетариат требует отрицания частной собственности, то этим он только возводит на степень общественного принципа то, что уже возведено в его принцип самим обществом, что воплотилось уже в нем, как отрица-

тельный общественный результат, без всякого содействия с его стороны» * 52.

Мы видим, стало быть, что пролетариат не нуждается в материальном богатстве, чтобы развиться до понимания условий своего освобождения. Его нищета, обусловленная не бедностью и дикостью общества, а недостатками общественной организации,— такая нищета не только не затрудняет, но облегчает понимание этих условий.

Законы распределения продуктов в капиталистическом обществе в высшей степени неблагоприятны для рабочего класса. Но свойственные капитализму организация производства и форма обмена впервые создают и объективную и субъективную возможность эмансипации трудящихся. Капитализм расширяет миросозерцание рабочего, уничтожает все предрассудки, унаследованные им от старого общества; он толкает его на борьбу и в то же время обеспечивает победу, увеличивая его численный состав и предоставляя в его распоряжение экономическую возможность организации царства труда. Развитие техники увеличивает власть человека над природой и поднимает производительность труда до такой степени, что обязательность его не может послужить препятствием, но, наоборот, явится необходимым условием всестороннего развития всех членов социалистического общества. В то же время характеризующая капитализм социализация *производства* прокладывает путь для обращения в общую собственность его *средств и продуктов*. Акционерные компании, эта высшая в настоящее время форма организации промышленных предприятий, устраняют капиталистов от всякой активной роли в экономической жизни общества и превращают их в трупней, исчезновение которых не может произвести ни малейшего замешательства в ходе этой жизни. «Если деятельному роду майордомов удалось некогда без труда свергнуть с престола обленившуюся королевскую династию,— говорит консерватор Родбертус,— то почему бы живая и энергичная организация рабочих (служебный персонал компаний составляют квалифицированные работники), почему бы такая организация не была в состоянии устранить со временем собственников, превратившихся в простых рантьееров?.. А между тем ка-

* См. «Deutsch-Französische Jahrbücher», 1. u. 2. Lieferung, S. S. 81—85. [«Немецко-французский ежегодник», 1 и 2 выпуск, стр. 81—85.]

питал уже не может свернуть с этой дороги! Переживши период расцвета, капитал превращается в своего собственного могильщика!»

Почему бы, спросим мы, в свою очередь, та самая организация рабочих, которая будет в состоянии «устранить собственников, сделавшихся простыми рантьеами», почему бы такая организация не в состоянии была захватить в свои руки государственную власть и добиться, таким образом, политического господства? Ведь первое предполагает второе: «устранить» собственников может только такая организация, которая в состоянии преодолеть их *политическое* сопротивление.

Но и это не все; существуют другие общественные явления, которые также увеличивают вероятность *политической* победы пролетариата.

«По мере развития крупной промышленности, целые слои господствующего класса переходят в ряды пролетариата, или, по крайней мере, подвергаются опасности потерять свое общественное положение. Они также являются воспитательным элементом в среде пролетариата.

Наконец, в те периоды, когда борьба классов близится к развязке, процесс разложения в среде господствующего класса, внутри всего старого общества, достигает такой сильной степени, что некоторая часть господствующего сословия отделяется от него и примыкает к революционному классу, несущему знамя будущего. Как часть дворянства соединилась некогда с буржуазией, так переходит теперь к пролетариату часть буржуазии, именно буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения»⁵³.

У негров северной Гвинеи есть одна в высшей степени замечательная легенда. По словам этой легенды, «бог призвал к себе однажды двух сыновей первой человеческой пары. Один из них был белый, другой — чернокожий. Положивши перед ними кучу золота и книгу, бог приказал черному брату, как старшему, выбирать любой из этих предметов. Тот выбрал золото, и младший брат получил, таким образом, книгу. Неизвестная сила немедленно перенесла его тогда вместе с книгой в отдаленную и холодную страну. Но благодаря своей книге он сделался ученым и стал страшен и силен. Старший же брат остался на родине и прожил достаточно долго, чтобы увидеть, насколько наука выше богатства».

Буржуазия обладала когда-то и знанием и богатством. В противоположность черному брату негритянской легенды она вступила во владение и золотом и книгой, потому что бог человеческих обществ, история, не признает прав несовершеннолетних классов и отдает их в опеку их старших братьев. Но настало время, когда обделенный историей рабочий класс вышел из детского возраста и буржуазии пришлось с ним делиться. У нее осталось золото, между тем как ее младший брат получил «книгу», благодаря которой он, несмотря на мрак и холод своих подвалов, стал и теперь уже «силен и страшен». Мало-помалу научный социализм вытесняет буржуазные теории со страниц этой магической книги, и скоро пролетариат прочтет в ней, как завоевать ему материальное довольство. Тогда он сбросит с себя позорное иго капитализма и покажет буржуазии, «насколько наука выше богатства».

III

В первой главе мы старались исторически объяснить возникновение того убеждения, что социализм несовместим ни с какой «политикой». Мы видели, что в основе этого убеждения лежало прудоновско-бакунинское учение о государстве, с одной стороны, и некоторая непоследовательность наших социал-демократов семидесятых годов — с другой. Кроме того, оно встречало поддержку в общем колорите того фона, на котором выделялись оба вышеназванных направления. Фон этот состоял, как мы сказали словами Энгельса, из смеси различных учений различных основателей социалистических сект. Известно, что социалисты-утописты относились совершенно отрицательно к политическим движениям рабочего класса, в которых они видели «лишь слепое неверие в новое Евангелие». Этот отрицательный взгляд на «политику» был занесен к нам вместе с учениями утопистов. Задолго до начала сколько-нибудь сильного революционного движения в России наши социалисты готовы были — подобно «истинным» социалистам Германии конца сороковых годов (см. «Коммун. Ман.», стр. 32) — «расточать традиционные проклятия либерализму, представительному правлению, буржуазной конкуренции, буржуазной свободе слова, буржуазному праву, буржуазной свободе и равенству», совершенно забывая, что все эти нападки «имеют

в виду современное буржуазное общество с соответствующими ему экономическими отношениями и политической организацией», т. е. именно те условия, о завоевании которых только еще должна была пойти речь в нашем отечестве * 54.

В результате всех этих влияний получилась такая твердая уверенность в неуместности всякой политической борьбы, помимо борьбы революционной в узком и вульгарном значении этого слова, что мы стали с предубеждением смотреть на те социалистические партии Западной Европы, которые видели, например, в избирательной агитации могучее средство воспитания и организации рабочих масс. Все сделанные путем этой агитации политические и экономические приобретения казались нам непростительным оппортунизмом, губительной сделкой с демоном буржуазного государства, равносильной отказу от блаженства в будущей социалистической жизни. Мы и сами не замечали, что наши теории завели нас в заколдованный круг неразрешимых противоречий. Мы считали поземельную общину исходной точкой социально-экономического развития России, и в то же самое время, отказываясь от политической борьбы, мы добровольно лишали себя всякой возможности предохранить эту общину путем государственного вмешательства от разрушительных влияний настоящего времени. Мы должны были, таким образом, оставаться равнодушными зрителями процесса, разрушающего тот самый фундамент, на котором мы хотели строить здание будущего.

Мы видели, однако, что логика событий вывела русское движение на другую дорогу и заставила русских революционеров, в лице партии «Народной Воли», добиваться политического влияния и даже господства как одного из самых могучих факторов экономической революции. Мы видели также, что, выступая на эту дорогу, наше движение выросло настолько, что социально-политические теории различных разновидностей прудонизма оказались для него слишком узкими и неудобными. Свойственный русской общественной жизни ход вещей пришел в столкновение с ходом господствовавших в нашей

---

* Сказанное не относится, впрочем, к группе, издававшей «Народное Дело» в Женеве, группе, неоднократно заявлявшей свое отрицательное отношение к «теории политического невмешательства» 55.

революционной среде идей и тем вызвал новое умственное течение.

Это новое умственное течение, сказали мы далее, до тех пор не отделается от свойственных ему теперь противоречий, пока не сольется с несравненно более глубоким и широким течением современного социализма. Русские революционеры должны стать на точку зрения социальной демократии Запада и разорвать свою связь с «бунтарскими» теориями так же, как они уже несколько лет тому назад отказались от «бунтарской» практики, вводя новый, политический элемент в свою программу. Сделать это им будет нетрудно, если они постараются усвоить себе правильный взгляд на политическую сторону учения Маркса и захотят подвергнуть пересмотру приемы и ближайшие задачи своей борьбы, прилагая к ним этот новый критерий.

Мы видели уже во второй главе, к каким ложным выводам подали повод философско-исторические послышки современного социализма. Сама «Народная Воля» не замечала, по-видимому, ошибочности этих выводов и склонна была «даже к защите социологической точки зрения Дюринга о преобладающем влиянии политико-юридического элемента общественного строя на экономический», как выразился П. Л. Лавров, характеризуя новейшие направления в русском революционном движении*. Только эту склонностью и можно объяснить содержащуюся во внутреннем обозрении № 6 «Народной Воли» полемику против каких-то «непосредственных толкователей исторической теории Маркса», основывающих свой взгляд, по словам автора, «главным образом на известной триаде Гегеля», не имеющих «иного индуктивного материала» для своих выводов и объясняющих «Гегелев закон в том смысле, что дурное, просто в своем крайнем развитии, приведет к хорошему»**. Достаточно познакомиться

---

* См. статью «Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма», «Календарь Народной Воли на 1883 год», стр. 109.

** [Примечание к изданию 1905 г.] Впоследствии этот вздор на разные лады повторяли наши «легальные» критики—Н. Михайловский и братья. Вообще надо заметить, что эти господа в спорах с нами не могли придумать ровно ничего нового сравнительно с тем, что писалось против нас в нелегальной литературе. Кто хочет убедиться в этом, пусть прочтет статью г. Тихомирова во 2-й книжке «Вестника Народной Воли» («Чего нам ждать от револю-

с программой немецких социал-демократов или французских коллективистов, чтобы видеть, как понимают «историческую теорию Маркса» его западноевропейские последователи и, если угодно, «непосредственные толкователи». Со своей стороны, мы можем уверить наших русских товарищей, что эти «толкователи» понимают «Гегелев закон» вовсе не «в том смысле, что дурное, просто в своем крайнем развитии, приведет к хорошему», и к тому же пользуются им как «*индуктивным* материалом» лишь при изучении истории немецкой философии, в которой этот закон занимает весьма видное место и из которой его, *во всяком случае*, не выкинешь, как не выкинешь, по народному выражению, слова из песни. Цитированное нами место есть почти буквальное повторение слов Дюринга, упрекавшего Маркса в том, что в его исторической схеме «гегелевское отрицание отрицания играет, за недостатком лучших и более ясных средств, роль повивальной бабки, при помощи которой будущее выйдет из недр настоящего» *. Но эта выходка понесла уже заслуженную кару со стороны Энгельса, разоблачившего все научное ничтожество произведений бывшего берлинского доцента. Зачем же повторять чужие ошибки и становиться на таком шатком основании в отрицательное отношение к величайшей и самой революционной общественной теории XIX века? Ведь без революционной теории нет революционного движения, в истинном смысле этого слова. Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добывающаяся господства, революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире. И пока наше движение будет происходить под знаменем отсталых или ошибочных теорий, оно будет иметь революционное значение лишь *некоторыми*,

---

ции?)» и сравнит с теми доводами, которые пришлось, долго спустя, опровергать Бельтову в своей книге ⁵⁶. «Незаконная» мысль давно опередила у нас «законную».

* См. «Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Sozialismus», dritte Auflage, S. 498. [«Критическая история политической экономики и социализма», третье издание, стр. 498.]

но далеко не всеми своими сторонами. В то же время оно без ведома своих участников будет носить в себе зародыши реакции, которые лишат его и этой доли значения в более или менее близком будущем, потому что, как сказал еще Гейне, всякому

Новому времени новый костюм
Потребен для нового дела.

А ведь настанет же, наконец, оно, это действительно новое время, и для нашего отечества.

Впрочем, неверное понимание тех или других положений современного социализма не составляет еще главного препятствия для окончательного выхода нашего революционного движения на путь, проложенный рабочим классом Запада. Ближайшее знакомство с литературой «марксизма» покажет нашим социалистам, какого могучего оружия лишали они себя, отказываясь понять и усвоить теорию великого учителя «пролетариев всех стран». Они убедятся тогда, что наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народо-вольцы сделаются, наконец, русскими марксистами и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции, которые правы каждая по-своему, потому что при всей своей односторонности каждая из них выражает известную насущную потребность русской общественной жизни.

Есть другое препятствие для развития нашего движения в только что указанном направлении. Оно заключается в том отсутствии у нас политического глазомера, которое с самого начала движения мешало нашим революционерам привести свои ближайшие задачи в соответствие со своими силами и которое обусловливается не чем другим, как недостатком политического опыта у русских общественных деятелей. Отправлялись ли мы в народ с целью распространения социалистических изданий, селились ли мы в деревнях для организации протестующих элементов нашего крестьянства, вступали ли мы в непосредственную борьбу с представителями абсолютизма, — мы везде повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали в расчет во всей его полноте ожидающего нас сопротивления общественной среды и торопились возвести

временно благоприятствуемый обстоятельствами способ действия в универсальный принцип, исключаящий все другие способы и приемы. Все наши программы находились благодаря этому в совершенно неустойчивом равновесии, из которого их могла вывести самая незначительная перемена в окружающей обстановке. Чуть не каждые два года меняли мы эти программы и не могли остановиться на чем-либо *прочном*, потому что всегда останавливались на чем-нибудь *узком* и *одностороннем*. Подобно тому как, по словам Белинского, русское общество, не имея еще литературы, пережило уже все литературные направления, русское социалистическое движение, не сделавшись еще движением нашего рабочего класса, успело уже перепробовать все возможные оттенки западноевропейского социализма.

Предпринятая «Народной Волей» борьба с абсолютизмом, выдвигая наших революционеров на более широкий путь деятельности, заставляя их стремиться к созданию действительной *партии*, будет, без всякого сомнения, сильно содействовать устранению односторонности *кружков*. Но, чтобы прекратить эту постоянную смену программ, чтобы отделаться от этих привычек политических номадов и приобрести, наконец, умственную оседлость, русские революционеры должны довести до конца дело критики, начавшееся с возникновением в их среде сознательных политических тенденций. Они должны стать в критическое отношение к той самой программе, которая сделала необходимой критику *всех* прежних программ и теорий. «Партия Народной Воли» есть дитя переходного времени. Ее программа есть последняя программа, родившаяся в тех условиях, которые делали нашу односторонность неизбежным и потому законным явлением. Расширяя политический горизонт русских социалистов, программа эта сама не свободна еще от односторонности. В ней также заметно отсутствие политического глазомера, способности сообразовать ближайшие цели партии с ее действительными или возможными силами. Партия Народной Воли напоминает человека, идущего по настоящей дороге, но еще не имеющего понятия о расстояниях и потому уверенного в том, что он тотчас же может «верст сто тысяч отмахать и нигде не отдохнуть». Практика разрушит, разумеется, его иллюзию, но это разрушение может стоить ему очень дорого. Лучше

ему самому спросить себя, не принадлежат ли семимильные шаги к области фантазии.

Под хождением семимильными шагами мы разумеем упомянутый уже фантастический элемент в интересующей нас программе, который во втором номере «Народной Воли» выразился в уверенности относительно социально-революционного (мы не говорим *социалистического*) большинства в будущем русском Учредительном собрании⁵⁷, а в № 8—9 проявил себя в рассуждениях о «захвате власти временным революционным правительством»⁵⁸. Мы глубоко убеждены, что этот фантастический элемент в высшей степени вреден для самой «партии Народной Воли». Как партии социалистической, он вреден ей тем, что отвлекает ее от ее непосредственных задач в среде рабочего класса в России; как партии, взявшей на себя инициативу нашего освободительного движения, он вреден ей тем, что всегда будет отталкивать от нее очень много средств и сил, которые могли бы при других условиях притекать к ней из среды так называемого общества. Объяснимся подробнее.

К кому обращается, к кому *может* и должна обращаться «Народная Воля» в своей борьбе с абсолютизмом? «Привлечение в организацию (Народной Воли) *отдельных лиц из крестьянства, способных к ней примкнуть*, — читаем мы в «Календаре Народной Воли»*, — конечно, всегда признавалось очень желательным⁵⁹... Но что касается организации в настоящее время *в массе* крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы совершенной фантазией, и, если не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов». Быть может, «партия Народной Воли» рассчитывает опереться на более передовой слой нашего трудящегося населения, т. е. на городских рабочих? Она, действительно, придает весьма большое значение делу пропаганды и организации в их среде, она считает, что «городское рабочее население должно обратить на себя серьезное внимание партии». Но уже самая мотивировка необходимости этого дела показывает, что, по ее понятиям, городские рабочие должны быть лишь одним из элементов нашего революционного движения. Они «имеют особенно важное значе-

* «Подготовительная работа партии», стр. 129 в примечании. [Курсив Плеханова.]

ние *для революции* как по своему положению, так и по относительно большей развитости,— поясняет нам тот же документ,— успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска». Значит, предстоящая революция не будет рабочей революцией в полном смысле этого слова, но рабочие должны принять в ней участие, так как они «имеют *для нее* особенно важное значение». Какие же другие элементы войдут в это движение? Мы видели уже, что войдет, между прочим, «войско», а в войске «при настоящих условиях пропаганда между солдатами затруднена в такой степени, что на нее едва ли можно возлагать много надежд. Гораздо удобнее воздействие на *офицерство*: более развитое, более свободное, оно более доступно влиянию!» Это, конечно, совершенно справедливо, но не будем пока останавливаться на этом и пойдем далее. Кроме рабочих и «офицерства», партия Народной Воли имеет в виду также либералов и «Европу», по отношению к которой «политика партии должна стремиться к тому, чтобы обеспечить русской революции сочувствие *народов*, вызвать к этой революции симпатии европейского общественного мнения». Для достижения этой цели «партия должна знакомить Европу со всем пагубным значением русского абсолютизма для самой европейской цивилизации, с истинными целями партии, со значением нашего революционного движения как выражения все-народного протеста». Что же касается «либералов», то в отношении к ним «следует, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что при современной постановке партийных задач интересы наши и их заставляют совместно действовать против правительства».

Мы видим, таким образом, что партия «Народной Воли» рассчитывает не на один только рабочий и крестьянский классы и даже не главным образом на эти классы. Она имеет в виду также и общество и офицерство, которое в сущности есть «плоть от плоти и кость от костей» того же общества. Она хочет убедить либеральную часть этого общества, что «при современной постановке партийных задач» интересы русского либерализма сходятся с интересами русской социально-революционной партии. Что же она делает, чтобы вселить в русских либералах это убеждение? Она издает, во-первых, программу «Исполнительного Комитета»⁶⁰, в которой говорится, что «*народная воля* была бы достаточно хорошо высказана и проведена

Учредительным собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей». В известном «Письме к Александру III» Исполнительный Комитет также требует «созыва представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями»⁶¹. Такая программа, действительно, совпадает с интересами русских либералов, и для ее осуществления они, пожалуй, примирились бы и со всеобщим избирательным правом, которого не может не требовать «Исполнительный Комитет». Во всем этом программа названного «Комитета» обнаруживает гораздо большую зрелость, чем все предшествовавшие ей программы. Но, не говоря уже о таком крупном промахе, как требование свободы сходов, слова, печати и избирательных программ лишь «в виде временной меры»^{*62}, припомним другие заявления партии «Народной Воли». Орган этой партии поспешил предупредить читающую публику, что большинство депутатов Учредительного собрания будет состоять из сторонников радикального экономического переворота. Мы уже говорили выше, что эта уверенность была не более, как фикцией, придуманной для соглашения несогласимых между собою элементов народовольческой программы. Взглянем теперь на печатное выражение такой уверенности с точки зрения тактики. Спрашивается, разве экономический переворот входит в интересы русского либерализма? Разве наше либеральное общество сочувствует аграрной революции, которой, по словам «Народной Воли», будут добиваться крестьянские депутаты? Западноевропейская история говорит нам весьма убедительно, что там, где «красный призрак» принимал хоть сколько-нибудь грозные формы, «либералы» готовы были искать защиты в объятиях самой бесцеремонной военной диктатуры. Думал ли террористический орган, что наши русские либералы составят исключение из этого общего правила? Если так, то на чем основывал он свое убеждение? Думал ли он также, что современное «общественное мнение Европы» до такой степени проникнуто социалистическими идеями, что будет сочувствовать созыву социально-революционного Учредительного

---

* См. «Письмо к Александру III», «Календарь Народной Воли», стр. 14.

собрания? Или он думал, что, трепеща красного призрака у себя дома, европейская буржуазия будет аплодировать появлению его в России? Само собою разумеется, что ничего подобного он не думал и ничего подобного не забывал. Но зачем же в таком случае было делать это рискованное заявление? Или орган партии «Народной Воли» был до такой степени убежден в неминуемом осуществлении своего пророчества, что считал нужным побудить членов организации к принятию мер, соответствующих важности ожидаемого события? Но, ввиду того что в том же органе деятельность в народе объявлялась бесплодной, мы думаем, что заявление это имело скорее успокоительный, чем побудительный характер: социально-революционное большинство в Учредительном собрании ожидалось, *несмотря* на то, что названная деятельность напоминает собою теперь «наполнение бездонных бочек Данаид».

Само по себе заявление это могло бы считаться неважным, тем более что «Народная Воля» сама, по-видимому, рассталась с преувеличенно радужными надеждами на состав будущей русской Конституанты. Мы думаем так потому, что передовая статья № 8—9 говорит об экономическом перевороте, который, в случае отсутствия социально-революционной инициативы в самом народе, должен быть совершен «временным революционным правительством» ранее созыва Учредительного собрания. Автор статьи совершенно справедливо видит лишь в таком перевороте гарантию того, что «на созванный Земский Собор явятся истинные представители народа». Прежняя иллюзия «Народной Воли» рассеялась, таким образом, окончательно. Но, к сожалению, она исчезла лишь затем, чтобы уступить место новой, еще более вредной для дела самой партии «Народной Воли». Фантастический элемент программы не уничтожился, он принял только новый вид и называется теперь тем самым *«захватом власти временным революционным правительством»*, который должен доставить партии возможность совершить упомянутый экономический переворот. Само собою понятно, что эта новая «постановка партийных задач» ни в коем случае не может внушить ни русским либералам, ни буржуазной Европе мысли о солидарности их интересов с интересами русского революционного движения. Как ни забито, как ни задавлено русское общество, но оно вовсе не лишено

инстинкта самосохранения и ни в каком случае не пойдет добровольно навстречу «красному призраку»; указывать ему на такую «постановку» задач партии — значит лишать себя его поддержки и рассчитывать лишь на свои собственные силы. Но настолько ли велики эти силы, чтобы не рискованно было отталкивать от себя такого союзника? Могут ли наши революционеры действительно захватить в свои руки власть и удержать ее хоть на короткое время, или все толки об этом представляют собою не что иное, как выкраивание шкуры зверя, не только еще не убитого, но по обстоятельствам дела и не подлежащего убиению? Вот вопрос, который становится в последнее время злобою дня революционной России...

Спешим оговориться. Предыдущие страницы должны были уже убедить читателя, что мы не принадлежим к числу принципиальных противников такого акта, как захват власти революционной партией. По нашему мнению, он представляет собою последний и притом совершенно неизбежный вывод из той политической борьбы, которую на известной ступени общественного развития должен начать всякий класс, стремящийся к своему освобождению. Достигший политического господства революционный класс только тогда и сохранит за собою это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти. *Den Teufel halte, wer ihn hält!* * — говорит Фауст.

Но диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является в настоящее время не только разрушение политического господства непродуцируемых классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни. Одно *понимание* этой задачи предполагает развитой рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и умеющий самостоятельно обсуждать свое положение. *Решение* же ее предполагает, кроме всего сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата,

---

* [Кто черта держит — тот его держи!]

сознание им своей силы и уверенность в победе. Но *такой* пролетариат и не позволит захватить власть даже самым искренним своим благожелателям. Не позволит по той простой причине, что он проходил школу своего политического воспитания с твердым намерением окончить когда-нибудь эту школу и выступить самостоятельным деятелем на арену исторической жизни, а не переходить вечно от одного опекуна к другому; не позволит потому, что такая опека была бы излишней, так как он и сам мог бы тогда решить задачу социалистической революции; не позволит, наконец, потому, что такая опека была бы вредной, так как сознательного участия производителей в деле организации производства не заменит никакая конспираторская сноровка, никакая отвага и самоотвержение заговорщиков. Одна мысль о том, что социальный вопрос может быть на практике решен кем-либо, помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса, без всякого отношения к тому, держится ли ее «железный канцлер»⁶³ или революционная организация. Понявший условия своего освобождения и созревший для него пролетариат возьмет государственную власть в свои собственные руки, с тем чтобы, покончивши с своими врагами, устроить общественную жизнь на началах не *ан*-архии, конечно, которая принесла бы ему новые бедствия, но *пан*-архии, которая дала бы возможность непосредственного участия в обсуждении и решении общественных дел всем взрослым членам общества. До тех же пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания, а не в придумывании социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более чем сомнителен.

Так понимаем мы вопрос о захвате власти в социалистической революции. Применяя эту точку зрения к русской действительности, мы должны сознаться, что отнюдь не верим в близкую возможность социалистического правительства в России.

«Народная Воля» считает современное «соотношение политических и экономических факторов на русской почве» особенно «выгодным» для социалистов⁶⁴. Мы согласны, что оно более выгодно для них в России, чем в

Индии, Персии или Египте, но его, конечно, невозможно и сравнивать с западноевропейскими общественными отношениями. И если «Народная Воля» пришла к своему убеждению, противопоставляя наши порядки не египетским или персидским, а французским или английским, то она впала в очень крупную ошибку. Современное «соотношение» общественных факторов «на русской почве» обуславливает собою невежество и индифферентизм народной массы; когда же такие свойства были выгодны для дела ее освобождения? «Народная Воля» полагает, по-видимому, что индифферентизм этот начинает уже исчезать, так как в народе все более и более «пробуждается ненависть к привилегированным, правящим условиям и настойчивое стремление к радикальному изменению экономических отношений». Но что же выходит из этого стремления? «Ненависть к привилегированным сословиям» еще ровно ничего не доказывает: она не сопровождается часто ни одним лучом политического сознания. Притом же в настоящее время нам нужно строго различать *сословное* сознание от сознания *классового*, так как старые сословные подразделения не соответствуют более экономическим отношениям России и готовятся уступить свое место формальному равенству граждан в «правовом государстве». Если «Народная Воля» взглянет на современное миросозерцание нашего крестьянства с точки зрения развития в нем *классового* и *политического* сознания, то она едва ли будет настаивать на выгоды соотношения наших общественных факторов для дела социального переворота. Ведь не может же она считать «выгодными» для этого дела хотя бы те толки, которые идут в среде крестьянства по поводу ее собственной борьбы с правительством. Как ни сильно сказывается в этих толках «ненависть к правящим классам»⁶⁵, но ввиду того, что самое революционное движение приписывается крестьянами крепостническим проискам дворян и чиновников, «временное революционное правительство» будет находиться в большой опасности, когда народ начнет «отвоевывать экономическое равенство у своих вековых угнетателей и эксплуататоров». Тогда нынешнее соотношение интересующих нас факторов обнаружит, пожалуй, свойства, весьма *невыгодные* для временно восторжествовавших заговорщиков. Да и что значит «отвоевать экономическое равенство»?

Достаточно ли для этого экспроприировать крупных землевладельцев, капиталистов и предпринимателей? Не нужно ли для этого организовать известным образом и самое производство? А если да, то благоприятны ли ей современные экономические отношения России, иначе говоря, много ли шансов на ее успех обещает нам «экономический фактор»? Мы думаем, что нет, и думаем так по следующей причине. Всякая организация предполагает известные, определяемые ее целью и характером свойства организуемого. Социалистическая организация производства предполагает такой характер экономических отношений, который делал бы эту организацию логическим выводом из всего предыдущего развития страны и, следовательно, отличался бы весьма значительной определенностью. Другими словами, социалистическая, как и всякая другая, организация требует соответствующей ей основы. Этой-то основы и нет в современной России. Старые устои народной жизни слишком узки, разнородны и односторонни и, кроме того, слишком уже расшатаны, а новые только еще вырабатываются. Объективные общественные условия производства не созрели еще для социалистической организации, а потому и в самих производителях нет еще ни стремления, ни способности к такой организации: наше крестьянство не может еще ни понять, ни решить этой задачи. Поэтому «временному правительству» придется не «санкционировать», а *совершать* «экономический переворот», если только его не снесет волной народного движения, если только оно встретит достаточно повинновения со стороны производителей.

Но декретами не создашь условий, чуждых самому характеру современных экономических отношений. «Временному правительству» придется мириться с тем, что есть, брать то, что дает ему современная русская действительность в качестве основы его реформаторской деятельности. И на этой-то узкой и шаткой основе здание социалистической организации будет строиться руками правительства, в которое войдут: во-первых, городские рабочие, пока еще мало подготовленные к такой трудной деятельности; во-вторых, представители нашей революционной молодежи, всегда остававшейся чуждой практической жизни, и, в-третьих, «офицерство», в экономических познаниях которого весьма позволительно усомниться. Мы не хотим делать вполне вероятного предположения

относительно того, что рядом со всеми этими элементами во временное правительство проникнут и либералы, которые будут не сочувствовать, а мешать социально-революционной «постановке партийных задач». Мы предлагаем читателю взвесить лишь выше перечисленные обстоятельства и затем спросить себя: много ли вероятности успеха имеет «экономический переворот», начавшийся при этих обстоятельствах? Точно ли выгодно для дела социалистической революции существующее ныне «соотношение политических и экономических факторов на русской почве»? И не принадлежит ли уверенность в выгодности этого соотношения к числу фикций, заимствованных из старого, анархически-бунтарского мирозерцания и доведенных в программе новой, *политической* партии до совершенно уже невозможной крайности? А ведь этой фикцией определяются ближайшие «непосредственные задачи» партии, на ней основывается стремление к немедленному «захвату власти», стремление, пугающее наше общество и придающее односторонний характер всей деятельности наших революционеров!

Нам возразят, быть может, что «Народная Воля» и не думает приступать к социалистической организации общества тотчас же после захвата ею власти, что проектируемый ею «экономический переворот» имеет целью лишь воспитание народа для будущей социалистической революции. Посмотрим, возможно ли такое предположение, и если — да, то какие следуют из него выводы?

Передовая статья № 8—9 «Народной Воли» говорит об экономическом равенстве, которое будет «отвоевано» самим народом, а в случае недостатка в нем инициативы создано временным правительством. Мы говорили уже, что это так называемое экономическое равенство возможно лишь при социалистической организации производства. Но допустим, что «Народная Воля» считает его возможным и при других условиях, что экономическое равенство будет, по ее мнению, достаточно обеспечено переходом земли и орудий производства в собственность трудящихся. Такое мнение было бы не чем другим, как возвратом к старым народническим идеалам «Земли и Воли», и, с экономической точки зрения, обнаруживало бы те же самые слабые стороны, которые свойственны были этим идеалам. Взаимные отношения отдельных общин друг к другу, превращение продуктов труда общин-

ников в товары и связанное с ним капиталистическое накопление грозили бы сделать это «равенство» весьма неустойчивым! При самостоятельности мира, «как экономической и административной единицы», при «широком областном самоуправлении, обеспеченном выборностью всех должностей», и «принадлежности земли народу», которых требует программа Исполнительного Комитета, центральное правительство не *могло бы* принять никаких мер для упрочения этого равенства, если даже и предположить, что оно придумало бы такие меры, которые упразднили бы не только писанные законы Российской империи, но и законы самого товарного производства. Да оно и не захотело бы принимать таких мер, так как оно состояло бы из представителей того «освобожденного экономически и политически народа», идеалы которого в лучшем случае выражались бы словами «Земля и Воля» и не оставляли бы места для какой-либо организации национального производства (мы не говорим уже об *интернациональном*).

Предположим, что ввиду этой опасности «временное правительство» «Народной Воли» не передаст захваченной им власти народным представителям и превратится в постоянное. Тогда ему будет предстоять такая альтернатива: или оно должно будет оставаться равнодушным зрителем медленного разложения созданного им «экономического равенства», или оно вынуждено будет *организовать* национальное производство. Решить эту трудную задачу оно должно будет или в духе современного социализма, чему помешают как его собственная непрактичность, так и современная степень развития национального труда и привычки самих трудящихся, или же оно должно будет искать спасения в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что вместо перувпанских «сынов солнца» и их чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста. Но русский народ и теперь уже слишком развит, чтобы можно было льстить себя надеждою на счастливый исход таких опытов над ним. Несомненно, кроме того, что при такой опеке народ не только не воспитался бы для социализма, но или окончательно утратил бы всякую способность к дальнейшему прогрессу, или сохранил бы эту способность лишь благодаря возникновению того самого экономического *неравенства*, устранение которого было бы непосред-

ственной целью революционного правительства. Мы не говорим уже о влиянии международных отношений и о невозможности перувианского коммунизма даже на востоке Европы XIX или XX столетия.

Впрочем, зачем так много говорить о *результатах* захвата власти нашими революционерами. Вероятен ли, возможен ли самый захват? По нашему мнению, очень, очень мало вероятен; так мало вероятен, что его можно считать совсем невозможным. Наш «мыслящий пролетариат» сделал уже очень много для освобождения своей родины. Он расшатал абсолютизм, пробудил политический интерес в обществе, занес семя социалистической пропаганды в среду нашего рабочего класса. Он составляет переход от высших классов общества к низшему, обладает образованием первых и демократическими инстинктами второго. Это положение облегчало ему разностороннюю работу агитации и пропаганды. Но то же самое положение дает ему очень мало надежды на успех заговора с целью захвата власти. Для такого заговора недостаточно талантов, энергии и образования: нужны связи, богатство и влиятельное общественное положение заговорщиков. Именно этого-то и недостает нашей революционной интеллигенции. Пополнить этот недостаток она может, лишь вступая в союз с другими недовольными элементами русского общества. Допустим, что ее планы и встретят сочувствие со стороны этих элементов, допустим, что к заговору примкнут богатые землевладельцы, капиталисты, чиновники, штаб- и обер-офицеры. Успех заговора станет тогда вероятнее, хотя вероятность эта будет еще очень невелика: припомним только исход большей части известных в истории заговоров. Но главная опасность будет грозить *социалистическому* заговору не со стороны существующего правительства, а со стороны его собственных участников. Вошедшие в него влиятельные и высокопоставленные лица могут быть искренними социалистами лишь в виде «счастливой случайности». Относительно же большей части этих лиц не может быть никаких гарантий в том, что они не пожелают воспользоваться захваченною ими властью для целей, не имеющих ничего общего с интересами рабочего класса. А раз заговорщики отклонятся от социалистической цели заговора, его можно считать не только бесполезным, но даже вредным для социального развития страны; ведь нельзя же из ненависти

к абсолютизму сочувствовать успехам «новейших Сяэпов» — как выражается Степняк в своей известной книге, — которые захотели бы воспользоваться заговором в своих собственных интересах. Таким образом, результаты заговора социалистической интеллигенции с целью захвата власти в ближайшем будущем станут тем более сомнительными, чем более сочувствия встретит он во влиятельных сферах, т. е. чем вероятнее будет его внешний успех; и наоборот, результаты такого заговора, поскольку речь идет о намерениях его участников, будут тем несомненнее, чем более его сфера ограничится нашей социалистической «интеллигенцией», т. е. чем невероятнее будет его счастливый исход. Все заставляет думать, что в настоящее время русскому социалистическому заговору грозила бы неудача скорее второго, чем первого рода.

Ввиду всего сказанного мы думаем, что единственной нефантастической целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей *рабочей социалистической партии* России — с другой. Они должны выставить требование демократической конституции, которая вместе с «правами человека» обеспечила бы рабочим «права гражданина» и дала бы им путем всеобщего избирательного права возможность активного участия в политической жизни страны. Не пугая никого далеким пока «красным призраком», такая политическая программа вызывала бы к нашей революционной партии сочувствие всех, не принадлежащих к систематическим противникам демократии; вместе с социалистами под ней могли бы подписаться очень многие представители нашего либерализма *. И между тем как захват власти той или другой тайной революционной организацией всегда останется лишь делом этой организации и лиц, посвященных в ее планы, агитация в пользу названной программы была бы делом всего русского обще-

---

* [Примечание к изданию 1905 г.] Сочувствие «общества» для нас очень важно, и мы можем — точнее: у нас было много шансов — приобрести его, ни на йоту не изменяя своей программе. Но, разумеется, для перехода этой возможности в действительность необходим *такт*, которым мы не всегда обладаем. Вот, например, мы иногда пускаемся ругать «капитал» как раз *по тому поводу*, — хотя, конечно, и *не за то*, — что он «бунтует». Маркс никогда не сделал бы такой грубой тактической ошибки. Он нашел бы, что она достойна Карла Грюна и других «истинных социалистов».

ства, в котором она усиливала бы сознательное стремление к политическому освобождению. Тогда интересы либералов действительно «заставили» бы их «вместе с социалистами действовать против правительства», потому что либералы перестали бы встречать в революционных изданиях уверения в том, что ниспровержение абсолютизма будет сигналом социальной революции в России. Вместе с тем другая, менее пугливая и более трезвая, часть либерального общества перестала бы видеть в революционерах непрактичных юношей, задающихся пещбыточными и фантастическими планами. Этот невыгодный для революционеров взгляд уступил бы место уважению общества не только к их геронизму, но и к их политической зрелости. Постепенно это сочувствие перешло бы в активную поддержку или, что вероятнее, в самостоятельное общественное движение, и тогда пробил бы, наконец, час падения абсолютизма. Социалистическая партия играла бы в этом освободительном движении весьма почетную и выгодную роль. Ее славное прошлое, ее самоотвержение и энергия придали бы вес ее требованиям, и она имела бы, по крайней мере, шансы завоевать таким образом *народу* возможность политического развития и воспитания, а *себе* — право открытого обращения к нему со своею проповедью и открытой организации его в особую партию.

Но этого мало. Вернее, это недостижимо без одновременной деятельности другого рода и в другой сфере. Без силы нет и права. Всякая конституция — по прекрасному выражению Лассаля — соответствует или стремится прийти в соответствие с *«реальными, фактическими отношениями силы, существующими в стране»*. Поэтому наша социалистическая интеллигенция должна позаботиться о том, чтобы еще в доконституционный период изменить эти фактические отношения русских общественных сил в пользу рабочего класса. В противном случае падение абсолютизма далеко не оправдает надежд, возлагаемых на него русскими социалистами или даже демократами. Требования народа и в конституционной России могут быть оставлены совсем без внимания или удовлетворены лишь настолько, насколько это необходимо для усиления его податной способности, ныне почти совершенно истощенной хищническим характером государственного хозяйства. Сама социалистическая партия, завоевавши ли-

беральной буржуазии свободу слова и действия, может очутиться в «исключительном» положении, подобном положению современной немецкой социал-демократии. В политике на благодарность вчерашних союзников и нынешних врагов может рассчитывать лишь тот, кому невозможно рассчитывать на что-либо более серьезное.

К счастью, русские социалисты могут строить свои надежды на более прочном основании. Они могут и должны надеяться прежде всего на рабочий класс. Сила рабочего, как и всякого другого, класса зависит, между прочим, от ясности его политического сознания, от его сплоченности и организованности. Именно эти элементы его силы и подлежат воздействию нашей социалистической интеллигенции. Она должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России. Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы в первый же период конституционной жизни России наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой. Подробная выработка этой программы, конечно, должна быть предоставлена самим рабочим, но интеллигенция должна выяснить им главнейшие ее пункты, как, например, радикальный пересмотр современных аграрных отношений, податной системы и фабричного законодательства, государственная помощь производительным ассоциациям и т. п. Все это может быть достигнуто лишь путем усиленной работы в среде, по крайней мере, наиболее передовых слоев нашего рабочего класса, путем устной и печатной пропаганды и организации рабочих социалистических кружков. Эти задачи всегда занимали, правда, более или менее видное место в программах наших социалистов, а «Календарь Народной Воли» может убедить нас в том, что они не были забыты даже в пылу самой ожесточенной борьбы с правительством (смотри «Подготовительную работу партии», рубрику — В, *Городские рабочие*). Но мы предлагаем всякому, знакомому с нашим революционным движением, припомнить и сравнить, сколько сил и средств поглотила разрушительная работа и сколько пошло их на подготовку элементов для будущей *рабочей социалистической партии*. Не

вина никого, мы думаем, однако, что распределение революционных сил было слишком одностороннее. А между тем мы напрасно стали бы объяснять это свойством самих революционных сил или той рабочей среды, на которую им нужно было воздействовать, согласно их собственной программе. Появление и успех таких изданий, как «Зерно» и «Рабочая Газета»⁶⁶, показывают, что наши революционеры не утратили склонности к пропаганде, а наши рабочие не остались к ней равнодушны. Названные издания не избежали, конечно, ошибок, иногда весьма существенных, но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Главная беда в том, что в издании этих листков не видно той энергии, с какой ведется литературная пропаганда в «интеллигентных» слоях общества, что арестованная типография не заменяется новой, что за невозможностью вести дело издания в России оно не переносится за границу и т. д. Из всех заграничных журналов, а их было у нас немало, только «Работник»⁶⁷ и имел в виду читателей из народа, и в этом величайшая заслуга его издателей. Но «Работник» давно уже прекратился, а мы ничего не слыхали о новых попытках в этом роде, хотя бы и с другою программю, более подходящей к изменившимся взглядам русских социалистов. А что издано у нас для рабочих в России, кроме «Зерна» и «Рабочей Газеты»? Ровно ничего. Ни одной книжки, ни одной брошюры*. И это в то время, когда революционное движение обратило на себя всеобщее внимание и народ, с жадностью ловя все слухи и толки, в недоумении спрашивал себя: чего хотят эти люди? Можно ли после этого удивляться тем нелепым ответам на этот вопрос, которыми он довольствуется иногда, за неимением лучших. Повторяем, мы не виним *никого*, но *всем* советуем обратить внимание на

---

* [Примечание к изданию 1905 г.] Отсюда видно, что идея популярного органа совсем не новость в нашей литературе. Но это обстоятельство, разумеется, не помешало ей казаться опасным новшеством многим товарищам *не далее, как накануне нашего второго съезда*, когда я являлся между «искровцами» едва ли не единственным ее сторонником. Теперь эта идея получила уже практическое — более или менее удачное — осуществление. Лучше поздно, чем никогда. Но если бы вы слышали, читатель, какие изумительные выводы приводились против этой идеи в только что указанное, еще недалекое от нас время, вы воскликнули бы, как Фауст: *Wie weh, wie weh, wie weh!* [Как больно, как больно, как больно!]

эту сторону дела, чтобы вовремя наверстать упущенное*.

Таким образом, борьба за политическую свободу, с одной стороны, и подготовка рабочего класса к его будущей самостоятельной и наступательной роли, с другой,— такова, по нашему мнению, «постановка партийных задач», единственно возможная в настоящее время. Связывать в одно два таких существенно различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития *совпадут* в истории нашего отечества,— *значит отдалять наступление и того и другого*. Но от нас зависит *сблизить* эти два момента. Мы должны последовать прекрасному примеру немецких коммунистов, которые шли, по словам *Манифеста*, «рядом с буржуазией, поскольку она являлась революционной в борьбе своей против абсолютной монархии», и в то же время «ни на минуту не переставали вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата». Поступая таким образом, коммунисты хотели, чтобы «немецкая буржуазная революция послужила лишь непосредственным прологом революции рабочей»⁶⁸.

Современное положение буржуазных обществ и влияние международных отношений на социальное развитие каждой цивилизованной страны дают нам право надеяться, что социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма. Если немецкая буржуазия «*пришла слишком поздно*», то русская запоздала еще более, и господство ее не может быть продолжительным. Нужно только, чтобы русские революционеры, в свою очередь, не «слишком поздно» начали дело подготовки рабочего класса, дело, теперь уже ставшее вполне своевременным и насущным.

Во избежание недоразумений оговоримся. Мы не держимся того взгляда — скорее, как мы видели, навязанного школе Маркса, чем существовавшего в действительности,— взгляда, по которому социалистическое движение не может будто бы встретить поддержки в нашей крестьян-

---

* «В истекшем году,— читаем мы в Прибавлении к «Листку Н. В.» № 1 (1883 г., стр. 61), — был целый ряд стачек, которые *благодаря отсутствию организации рабочих* кончались большею частью неудачей!»

янской среде до тех пор, пока крестьянин не превратится в безземельного пролетария, а сельская община не разложится под влиянием капитализма. Мы думаем, что — в общем — русское крестьянство отнеслось бы с большой симпатией ко всякой мере, имеющей в виду так называемую «национализацию земли». При возможности сколько-нибудь свободной агитации в его среде* оно отнеслось бы с сочувствием и к социалистам, которые не замедлили бы, разумеется, внести требование такого рода мер в свою программу. Но мы не преувеличиваем сил наших социалистов и не игнорируем тех препятствий, того сопротивления среды, с которыми им неизбежно придется считаться в своей деятельности. Поэтому, и *только поэтому*, мы думаем, что им следует на первое время сосредоточить главное свое внимание на промышленных центрах. Современное сельское население, живущее при отсталых социальных условиях, не только менее промышленных рабочих способно к сознательной политической *инициативе*, но и менее их *восприимчиво* к движению, начатому нашей революционной интеллигенцией. Ему труднее усвоить социалистические учения, потому что условия его жизни слишком непохожи на условия, породившие эти учения. К тому же крестьянство переживает теперь тяжелый, критический период. Прежние «стародедовские устои» его хозяйства рушатся, «сама несчастная община дискредитируется в его глазах», по признанию даже таких «стародедовски» народнических органов, как «Неделя»⁶⁹ (см. 39 №, статью г. N. Z. «*В родных местах*»); новые же формы труда и жизни еще только складываются, и этот созидательный процесс обнаруживает наибольшую интенсивность именно в промышленных центрах. Как вода, размывая и разрушая одну часть почвы, обрззует в других местах новые осадки и отложения, так процесс русского социального развития образует новые общественные формации, разрушая вековые формы отношения крестьян к земле и друг к другу. Эти новые общественные формации носят в себе зародыши нового общественного движения, которое одно только и может положить конец эксплуатации трудящегося населения России. Промышленные рабочие, обладающие большим развитием, более высокими потребностями и более широ-

---

* [Примечание к изданию 1905 г.] Т. е. при конституции.

ким кругозором, чем крестьянство, примкнут к нашей революционной интеллигенции в ее борьбе с абсолютизмом и затем, добившись политической свободы, организуются в рабочую социалистическую партию, которая и должна будет начать систематическую пропаганду социализма в среде крестьянства. Говорим о *систематической пропаганде* потому, что отдельные случаи пропаганды и агитации в крестьянстве, конечно, не должны быть упускаемы и в настоящее время. Едва ли нужно прибавлять, что наши социалисты должны были бы изменить распределение своих сил в народе, если бы в среде крестьянства обнаружилось сильное самостоятельное движение.

Такова «программа», которая самою жизнью поддается русской революционной социалистической партии. Сумеет ли она выполнить эту программу? Захочет ли она покинуть фантастические планы и замыслы, которые, надо сознаться, очень много говорят чувству и воображению? Пока еще трудно отвечать на это с уверенностью. «Объявление об издании «Вестника Народной Воли»» говорит о политических задачах революционной партии лишь в самых общих выражениях⁷⁰. Редакция «Вестника» называет эти цели «совершенно определенными» и не считает, по-видимому, нужным снова определять их в своем объявлении. Можно опасаться поэтому, что она не сочтет также нужным спросить себя, соответствуют ли «совершенно определенные условия» современной русской действительности «совершенно определенным целям» партии Народной Воли? В таком случае новый орган оставит неудовлетворенной самую насущную потребность нашей революционной литературы — потребность в критическом пересмотре устаревших программ и традиционных способов действия. Но мы надеемся, что будущее рассеет наши опасения. Нам хочется думать, что новый орган трезво взглянет на те задачи нашей революционной партии, от решения которых зависит ее будущее. Общественная жизнь отнесется к ее современным иллюзиям с тою же беспощадностью, с какой отнеслась она к иллюзиям наших «бунтарей» и пропагандистов. *Лучше теперь же последовать ее указаниям, чем оплачивать впоследствии ее суровые уроки новыми расколами и новыми разочарованиями.*

Печатается по тексту книги:
Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, Госполитиздат, 1956, т. 1, стр. 51—112

ЕЩЕ РАЗ СОЦИАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ⁷¹

Осенью 1883 года вышла в Желеве моя брошюра «Социализм и политическая борьба», положившая начало литературной пропаганде группы «Освобождение Труда» и посвященная вопросу о политических задачах русских социалистов. Теперь я берусь за перо, чтобы опять поговорить с читателем о том же вопросе. И я надеюсь, что никто не назовет его устарелым. Нет, к сожалению, он не устарел и до сих пор. Нынешнее положение русской социалистической партии в очень многом и очень сильно отличается от того, в котором она находилась семнадцать лет тому назад. Теперь действительно устарело очень многое из того, что занимало и волновало тогда ее приверженцев, но вопрос об ее политических задачах и теперь принадлежит, — как принадлежал тогда, — к числу наших *Zeit-und Streitfragen* *. Более того, можно без всякого преувеличения сказать, что теперь, как и в начале восьмидесятых годов, он является самым важным, самым насущным и самым жгучим из всех практических вопросов, требующих от нас ответа: от его решения, в ту или другую сторону, зависит все будущее нашей партии. А между тем он до сих пор некоторыми из нас решается ошибочно; до сих пор он представляет собой какое-то «заколдованное место», о которое зашпаются подчас люди, имеющие решительно все данные для того, чтобы легко справиться и не с такими трудно-

---

* — [злободневные и спорные вопросы.]

стями. В чем же тут дело? Как и кем заколдовано «место», относящееся к нашим политическим задачам? Чтобы уяснить себе это, полезно будет припомнить, как развивалась в русской революционной среде идея политической борьбы в течение последней четверти века.

I

Лет 25 тому назад в этой среде почти безраздельно господствовало *народничество*, которое, однако, не надо смешивать с *учением г. В. В.⁷² и компании*. Учение этих господ представляет собой что-то вроде злейшей карикатуры на старое народничество. Правда, в основе старого народничества лежали в общем те же самые *теоретические* посылки, на которые опираются теперь г. В. В. и его единомышленники, но *практика* народничества 70-х годов не похожа на ту практику, которой занимаются теперь г. В. В. с братией. Эта почтенная братия твердо уповает на царское правительство: она помнит тот исторический факт, что это правительство заводило когда-то военные поселения, и делает из этого несомненного факта тот несколько сомнительный вывод, что это же правительство могло бы взяться и за организацию фаланстеров; народники семидесятых годов и слышать не хотели о *царском правительстве*. Г-н В. В.—реакционер; народники семидесятых годов были *революционерами*, от души ненавидевшими всякую реакцию. Поэтому они, наверное, почувствовали бы себя жестоко оскорбленными, если бы кто-нибудь сказал им, что со временем народничество выродится в доктрину, проповедующую экономическое освобождение русской трудящейся массы посредством мирных реформ сверху.

Но народники семидесятых годов были в значительной степени пропитаны духом *анархизма*. Я сказал, что они и слышать не хотели о *царском правительстве*. Мне следовало прибавить: как и о *правительстве вообще*. Они смотрели на государство глазами анархистов, и если этот анархический взгляд на государство предохранял их от всяких ложных шагов по отношению к царизму, то он же мешал им понять характер и значение их *собственной революционной борьбы*.

С точки зрения анархиста, стремящегося к непосредственному разрушению государства, борьба за политическую

свободу, т. е. за известный вид государственного устройства, представляется жалкой непоследовательностью, постыдным компромиссом*.

Уже одного этого было бы достаточно, чтобы вызвать у наших тогдашних народников сильное предубеждение против «политики». Но к этому у них присоединялось другое соображение, подсказанное им их экономическими воззрениями. Они боялись, что конституционный строй, окончательно развязав руки буржуазии, тем самым даст могучий толчок развитию у нас капитализма, а следовательно, и разрушению тех старинных «устоев» нашей экономической жизни, которые представлялись им зародышами будущего социалистического строя. Это, так сказать, самобытное соображение еще более предубеждало их против «политики». Всякая мысль о борьбе с царизмом за политическую свободу встречала с их стороны такое же страстное осуждение, с каким они относились ко всем видам и родам экономической эксплуатации трудящихся.

Но осуждать всякую мысль о борьбе с царизмом за политическую свободу значит косвенно его поддерживать. Отрицая «политику», наши народники повторяли ошибку «истинных» немецких социалистов сороковых годов, так метко и жестоко осмеянных в «Манифесте Коммунистической партии».

По словам Манифеста, эти социалисты не упускали случая «противопоставить политическому движению социалистические требования и расточать традиционные проклятия либерализму, представительному правлению, буржуазной конкуренции, буржуазной свободе и равенству и проповедовать народной массе, что в этом буржуазном движении она ничего не может выиграть, но скорее рискует все потерять»⁷³. Это как раз та самая проповедь, которую вели наши народники, и как раз те самые проклятия, которые расточались ими. И поскольку они вели такую проповедь и расточали такие проклятия, они невольно и незаметно для себя превращались из решительных революционеров в косвенных сторонников *застоя*. Это была большая ошибка. К счастью для самих себя и для всего нашего революционного движения, на-

* Это утверждает теперь гр. Л. Толстой, представляющий собою анархиста на религиозной подкладке. [Примечание ко второму изданию.]

родники *делали* в этом случае *не то, что думали и говорили*.

Они называли себя *бунтарями*. Это значит, что они старались поднимать народ против правительства везде, где это было возможно. Собственно «*бунтов*» [по крайней мере, больших «*бунтов*», о которых мечтали народники] * из этих стараний никаких не вышло, по это не помешало «бунтарям» сослужить нашему движению хорошую службу. Их «бунтарские» стремления сделали из них усердных, неутомимых и очень искусных *агитаторов*. Они агитировали в деревне и в городе, между крестьянами и рабочими, между либералами и раскольниками, между казаками разных «земель» и студентами разных «ведомств». Они энергично, «не щадя своего живота», поддерживали всякое оппозиционное и революционное движение, направлявшееся против существующего порядка, и в этой неутомимой агитационной деятельности, в этой всегдашней готовности немедленно откликнуться на всякое проявление общественного недовольства заключается все значение революционного народничества. Правильный *революционный инстинкт спасал народников семидесятых годов от реакционных выводов, вытекавших из их ошибочных теоретических посылок*.

Но как ни велико значение революционного *инстинкта*, он не может заменить собой революционную *теорию*. Теоретические ошибки народников не остались без вредного влияния на их агитационную практику.

Как уже сказано мною выше, в их программе не было места для борьбы за политическую свободу. Им оставалось, поэтому, направить все свои силы в сторону *агитации на экономической почве*. И, действительно, агитация этого рода составляет самую выдающуюся черту их революционной деятельности. Но в ней была своя неумолимая логика. Агитация на экономической почве, во имя ближайших требований крестьян и рабочих, велась *не в государстве вообще, а в русском полицейском государстве*. Агитаторам, равно как и волнующейся массе, приходилось сталкиваться не с правительством вообще, а с правительством русского самодержца. Столкновения с этим правительством вызывали в умах массы известные *политические вопросы*, на которые *не могли не отвечать*

---

* [Слова в скобках внесены во второе издание.]

агитаторы. Таким образом *экономическая* агитация естественным и неотвратимым ходом вещей превращалась в *политическую*. Но так как она превращалась в нее вопреки *народнической теории*, то превращение оставалось незаконченным, и народники сами старались задержать начинавшееся в рабочей среде политическое движение. Если читатель даст себе труд ознакомиться с моей брошюрой: «*Русский рабочий в революционном движении*», то он увидит из нее, как искусно вели народники (например, во время стачек на Новой Бумагопрядильне) дело первоначального политического воспитания массы. Но эта же брошюра напомнит ему о том, что когда «*Северно-Русский Рабочий Союз*»⁷⁴ выставил в своей программе конституционные требования, то те же народники осудили их как не совместимые с социализмом.

А когда народникам приходилось агитировать в так называемом *обществе*, тогда противоречия между их *мнениями и их действиями* обнаружили с еще большей ясностью. «Ближайшими требованиями», дававшими поводы для агитации, являлись здесь требования, имевшие самый несомненный политический характер. Удовлетворение этих требований (например, требование неприкосновенности личности и подсудности присяжным дел по «политическим преступлениям») предполагало установление того конституционного порядка, который пугал народников своими «буржуазными» последствиями. Много умственных сил потратили народники на борьбу с этим противоречием, но так как побороть, т. е. разрешить, его можно было, лишь отказавшись от народничества, то их усилия приводили к мало убедительным софизмам или к таким странным заявлениям, которые способны были только уменьшить престиж революционеров в глазах либерального общества. Чтобы подтвердить мою мысль примером, достаточно напомнить о брошюре «*Смерть за смерть*», которая издана была обществом «*Земля и Воля*» тотчас после удачного покушения на жизнь шефа жандармов Мезенцева и в которой говорилось, что революционеры вовсе не считают нужным нападать на правительство и очень охотно оставили бы его в покое, если бы только оно с своей стороны не вмешивалось в их смертельную борьбу с буржуазией. Такое заявление могло бы быть признано уместным только в том случае, если бы «землевольты» задались целью совершенно ис-

портить чрезвычайно сильное впечатление, произведенное на общество отчаянно-смелым поступком С. М. Кравчинского*.

II

Так называемая террористическая борьба означала в действительности полный разрыв со старой пароднической программой. Но, как это бывает сплошь и рядом, *мысль* отстала от *жизни*, и те самые люди, действия которых нанесли смертельный удар старому образу мыслей, продолжали держаться за него обеими руками. «*Народовольцы*» называли себя *народниками* и подобно своим предшественникам — «землевольцам» — были убеждены в том, что конституционный порядок, расшатав старые «устои», нанесет существенный ущерб интересам народной массы. Чтобы устранить вызываемые этим сомнения и опасения, публицисты «Народной Воли» сначала старались убедить себя и других, что депутаты, которых наш народ пошлет в Учредительное Собрание, окажутся, в огромном большинстве своем, социалистами; впоследствии те же публицисты остановились на *теории захвата власти*.

С помощью захвата власти они надеялись одним зарядом убить двух зайцев: свергнуть царское правительство и устранить буржуазию от влияния на общественно-экономическую жизнь России. Им казалось, что раз политическая власть попадет в руки революционеров, то социалистическая организация общества не представит больших трудностей ввиду существования у нас общинного землевладения и неразвитого состояния нашего капитализма. Излишне критиковать здесь эту теорию. Ее критика сделана мною уже в первых изданиях группы «Освобождение Труда», т. е. в такое время, когда жизнь еще не произнесла над нею своего приговора «в окончательной форме» и когда еще очень немногим приходило на мысль сомневаться в ее основательности.

Изо всего сказанного вытекает следующий ответ на поставленный выше вопрос о том, как и кем заколдовано «место», относящееся к политическим задачам наших

---

* Интересно, что автором упомянутой брошюры был сам же С. М. Кравчинский. [Примечание ко второму изданию.]

социалистов: социалисты второй половины семидесятых и первой половины восьмидесятых годов неправильно понимали эти задачи отчасти потому, что они усвоили от анархистов противоположение социализма политике, а отчасти потому, что они держались ошибочного взгляда на так называемые «устои» нашей старой экономической жизни.

Когда в 1883 году возникла группа «Освобождение Труда», она поставила своей ближайшей целью именно критику этих двух вредных предрассудков. Она стала доказывать, во-первых, что развитие капитализма в России не отдалит торжество нашего социалистического идеала, а, напротив, впервые создаст для него экономическую основу, и, во-вторых, что противопоставление социализма политике лишено смысла, так как *всякая классовая борьба есть борьба политическая*. В то время эти, чрезвычайно простые, мысли встречены были в нашей социалистической среде как опасная ересь. Группе «Освобождение Труда» пришлось выслушать не мало упреков за ее будто бы вредные новшества. Теперь в нашей революционной среде господствует *социал-демократическое* направление, а между социал-демократами днем с огнем не найдешь такого чудака, который боялся бы капитализма или находил бы, что политическая борьба несогласима с социализмом. Теперь огромное большинство русских революционеров окончательно разорвало с *теоретическими* предрассудками народничества. Поэтому можно было бы думать, что и в нашей *практике* стали невозможны прежние народнические ошибки. К сожалению, на деле вышло иначе. Так называемое *экономическое* направление воспроизводит их иногда с поразительной точностью. Каким же путем пришли к этим народническим ошибкам люди, придерживающиеся социал-демократического образа мыслей?

Как известно, экономическое направление с наибольшей яркостью выразилось у нас в «Рабочей Мысли»⁷⁵, не раз высказывавшей совершенно «несуразные» суждения по политическим вопросам. Но я не стану говорить о «Рабочей Мысли» именно потому, что суждения ее публицистов часто бывают совершенно «несуразны». Мне хочется заглянуть «в корень вещей» и решить, не были ли эти публицисты введены во искушение некоторыми взглядами, еще недавно очень распространенными у нас

и высказанными впервые серьезными и основательными людьми. С этой целью я останавлиюсь на известной брошюре «Об агитации»⁷⁶.

III

В этой брошюре говорится, что «как бы широко ни было рабочее движение, успех его не обеспечен до тех пор, пока рабочий класс не станет твердо на почву политической борьбы» и что «достижение политической власти является главной задачей борющегося пролетариата»*. Это именно та элементарная, неоспоримая политическая истина, признание которой составляет огромный шаг вперед в развитии нашего политического мирозерцания. Далее автор брошюры утверждает, что, «как социал-демократы, мы ставим своей задачей привести пролетариат к сознанию необходимости политической свободы, как предварительного условия для возможности его широкого развития»**. Это опять вполне справедливо. Задача поставлена автором правильно: весь вопрос в том, как приходит он к ее решению.

Послушаем опять его самого.

«Как ни проста и очевидна идея политической свободы, проникнуться ею, притом еще в стране политически отсталой, рабочий класс не может до тех пор, пока он не станет задыхаться в данной политической атмосфере, пока удовлетворение ставших для него необходимыми потребностей не будет (не сделается?) невозможным в пределах существующих политических условий. Как для сознания противоположности интересов недостаточно только возникновения этой противоположности, а необходима постоянная борьба, так и для сознания политического бесправия недостаточно самого факта этого бесправия до тех пор, пока оно не столкнется с стремлениями рабочей массы к улучшению своего положения»***.

Автор и тут прав. Действительно, никогда, нигде и ни один класс не начинал политической борьбы до тех пор, пока его стремления (экономические и другие) не наталкивались на серьезное препятствие, на существующий политический порядок. Но эта верная мысль сопровож-

* «Об агитации», Женева, 1896, стр. 7.

** Там же, та же страница.

*** Там же, стр. 7—8.

дается у нашего автора следующим положением: «Народная масса вовлекается в борьбу не рассуждениями, но объективной логикой вещей, самим ходом событий, наталкивающих ее на борьбу». Это положение можно признать справедливым только с очень большими оговорками, которых мы напрасно стали бы искать в брошюре «Об агитации».

Для того, чтобы повлиять на поступки людей, а следовательно, и на их борьбу, «объективная логика вещей» должна отразиться в их сознании, т. е. повлиять и на их рассуждения. Когда рабочие данной фабрики объявляют предпринимателю, что они несогласны работать на данных условиях, это значит, что их «объективное» положение вызвало в них ряд «рассуждений», в результате которых явилось решение начать забастовку. Противопоставление «объективной логики вещей» человеческим «рассуждениям» может быть допущено лишь в известном, точно определенном смысле. В действительности объективная логика вещей (точнее — общественных отношений) не только не отрицает рассуждений, а, напротив, вызывает и определяет их, т. е. наполняет известным содержанием и направляет их в известную сторону. В этом не могут сомневаться, по крайней мере, все те, которые держатся материалистического понимания истории. Понимание это указало и объяснило причинную связь, существующую между развитием общественных отношений, с одной стороны, и ходом человеческих рассуждений — с другой. Но оно признало и объяснило также и тот, давно уже подмеченный факт, что рассуждения людей, — особенно массы, — очень часто, чтобы не сказать всегда, отстают от хода развития общественных отношений. Признав и объяснив этот факт, материалистическое понимание истории тем самым разрешило и знаменитый, вызвавший у нас так много устных и печатных споров, вопрос о «роли личности в истории». Там, где общественные отношения не стоят на одном месте, задача *передовых личностей*, — а следовательно, и *передовых партий* — заключается прежде всего в содействии тому чрезвычайно важному по своим практическим последствиям процессу, благодаря которому сознание массы приходит в соответствие с ее *положением*, и субъективная логика ее «рассуждений» перестает противоречить объективной логике «вещей». Революционеры обя-

заны содействовать росту революционного сознания в массе, обязаны стать акушерами ее революционной мысли. Но само собой разумеется, что этого никак невозможно сделать, не повлияв на ее *«рассуждения»*.

По всему видно, что автор брошюры *«Об агитации»* стоит на точке зрения материалистического понимания истории. Поэтому он и сам знает, конечно, как неосновательно ходячее противопоставление *«рассуждений» «объективной логике вещей»*. Ему известно, что этому противопоставлению мы обязаны всей *нелогичностью субъективизма*. Но он, по-видимому, не заметил, к каким ошибочным выводам может подать повод его собственное замечание о том, что не рассуждениями вовлекается в борьбу трудящаяся масса. От этого замечания, взятого в его буквальном смысле, до практической программы *«Рабочей Мысли»* совсем не так далеко, как это, наверно, думает наш автор.

В самом деле, если рассуждения не играют никакой роли при вовлечении массы в борьбу, то они совсем не нужны. Мы должны говорить рабочим только о том, что понятно и доступно им и без наших рассуждений. Но без наших рассуждений понятны и доступны массе именно ее ближайшие экономические интересы: нет такого рабочего, который не понимал бы, что высокая заработная плата лучше низкой. Стало быть, нам следует сосредоточить свои усилия именно на *экономической агитации*. Нашим девизом должна стать прибавка нескольких копеек на рубль; все прочее или приложится само собою, или не заслуживает ни малейшего внимания, как пустая *«идеология»*. Если же интеллигенции не понравится такая программа, то для нас это не важно. Интеллигенция нас не интересуется; ее мнения нам не импонируют. Она заражена идеализмом и испорчена рассуждениями, не имеющими в глазах рабочих ни малейшего смысла.

Что такие рассуждения не раз проскальзывали даже в нашу социал-демократическую печать, это, разумеется, прекрасно знает автор брошюры *«Об агитации»*. Он скажет, может быть, что он никогда не сочувствовал им. Я охотно поверю этому. Но я утверждаю, что в его брошюре есть места,— например, только что рассмотренное мною место о *«рассуждениях»*,— которые дают повод и теоретическое основание для таких рассуждений. Мне

самому очень жаль, что у него есть такие места. Но что они существуют, это неоспоримо...

«Роль партии, взявшей на себя политическое воспитание и организацию народа,— читаем мы далее,— в этом отношении ограничивается тем, чтобы верно определить момент, когда борьба назрела настолько, чтобы перейти в борьбу политическую и подготовить в самой массе элементы, необходимые для того, чтобы этот переход совершился с наименьшей тратой сил» *.

Если роль нашей партии ограничивается тем, чтобы определить тот момент, когда экономическая борьба рабочих должна перейти в политическую, то ясно, что этому моменту будет предшествовать период чисто экономической агитации, до окончания которого всякая мысль о политической борьбе *останется преждевременной, а потому и вредной*. Но всякий общественный деятель обязан всеми честными средствами *препятствовать распространению вредных для его дела мыслей*. Следовательно, в продолжение первого периода нашего рабочего движения *мы обязаны всеми честными средствами препятствовать распространению мысли о политической борьбе*. Мы можем, конечно, обнаружить при этом больший или меньший талант, больший или меньший такт, большее или меньшее остроумие. Но если кто-нибудь из нас,— например, какой-нибудь публицист *«Рабочей Мысли»*,— и выкажет в этой борьбе некоторый недостаток таланта, такта или остроумия, то ему надо великодушно простить его погрешность, помня, что он нападает на *мысль, действительно заслуживающую осуждения* и что, по французской пословице, самый красивый офицер не может быть красивее самого себя.

Обратим внимание еще вот на какое место: «Таким образом, задачей социал-демократов является постоянная агитация среди фабричных рабочих на почве существующих мелких нужд и требований. Вызванная такой агитацией борьба приучит рабочих отстаивать свои интересы, поднимет их мужество, даст им уверенность в своих силах, сознание необходимости единения и, в конце концов, поставит перед ними более важные вопросы, требующие разрешения. Подготовленный таким образом к более серьезной борьбе, рабочий класс приступает к

---

* «Об агитации», Женева, 1896, стр. 9.

решению своих насущных вопросов, и агитация на почве этих вопросов должна иметь целью выработку классового самосознания. Классовая борьба в этом, более сознательном, виде создаст почву для политической агитации, целью которой будет изменение существующих политических условий в пользу рабочего класса»*.

Отсюда опять видно, что, по мнению нашего автора, мысль о политической борьбе была бы преждевременна в первых «фазисах» воспитания рабочего класса. Поэтому я опять скажу: то, что преждевременно — вредно, а то, что вредно, должно быть устраняемо и побиваемо. Зачем же мы станем нападать на *«Рабочую Мысль»*, прославившуюся своим усердием в деле такого устранения и побивания? Положим, она *«немножко дерет»*, но зато уж *«в рот хмельного не берет»* и не проповедует ничего *преждевременного*. Она стоит за систематическое проведение пролетариата через все «фазисы» и не находит, что еще рано «рассуждать» с ним о политике. И если мы примем в соображение, как много в Петербурге рабочих, еще не окончивших первого класса... — я хочу сказать, не вышедших из первого «фазиса», — то выйдет, пожалуй, что *«Рабочая Мысль»* совсем права, и что совсем неправы ее порицатели. Что скажет на это автор брошюры? По-моему, такое «рассуждение» грешит против *«объективной логики»* нашей общественной жизни, но не против *«субъективной логики»* его брошюры.

Логика этой брошюры ясна и недвусмысленна: *«Чисто экономическая агитация не только возможна, но прямо обязательна в течение целых двух «фазисов» нашего рабочего движения. И пока не кончились эти «фазисы», существование у нас чисто экономического направления не только возможно, но вполне законно и очень желательно»*.

Окончены ли у нас эти «фазисы»? На этот счет могут спорить между собой даже те, которые разделяют основные положения брошюры *«Об агитации»*. Одни из них скажут, может быть, что пора уже чистым экономистам уходить со сцены, так как уже пришел «момент» политической агитации, а другие возразят, что если иметь в виду весь наш рабочий класс в его целом, то надо признать, что нам рано еще толковать не только о полити-

---

* «Об агитации», стр. 16.

ческой борьбе, но и о постановке перед рабочими тех «более важных вопросов», которые, — по словам брошюры «Об агитации», — потребуют их решения во втором фазисе воспитания. Мне сдается, что субъективная логика брошюры будет в этом случае не на стороне защитников политической агитации.

IV

Говоря все это, я вовсе не желаю хулить брошюру «Об агитации». Я знаю, что она принесла большую пользу нашему движению, нанеся сильный удар той «кружковщине», которая процветала у нас прежде и которая могла создавать очень образованных людей из отдельных рабочих, но решительно была неспособна повлиять на массу. Брошюра «Об агитации» дала нам многих агитаторов. Но автор ее боролся с кружковщиной такими доводами, которые скоро подали повод к печальным недоразумениям и к ошибочным «рассуждениям». В этом — слабая сторона брошюры, та самая сторона, благодаря которой она в течение некоторого времени была евангелием «чистых экономистов» и оказывала вредное влияние на дальнейшее развитие нашего движения.

Эта слабая сторона характеризуется смешением понятия «класс» с понятием «партия». А это смешение и служит теперь источником тех заблуждений, которые препятствуют известной части русских социал-демократов не только верно решить, но даже правильно формулировать нашу политическую задачу. Именно оно приводит некоторых из нас к повторению старых народных ошибок.

Чтобы обнаружить указанное смешение, достаточно вдуматься в ту мысль нашего автора, что рабочая масса (т. е. рабочий класс?) отзывается только на вопросы, поставленные перед нею самой жизнью. Мысль эта, сама по себе, конечно, неоспорима. Но возьмите хоть переживаемый нами «момент» и скажите — какие же вопросы ставит жизнь перед нашим рабочим классом? Я думаю, что перед различными слоями этого класса она ставит различные вопросы. Промышленный рабочий значительно развитее сельскохозяйственного, и потому наши общественные отношения представляются шуйскому прядильщику не в том свете, в каком видит их тамбовский

батрак. Это не требует доказательств. Не требует их и то, что и в среде промышленных рабочих существуют слои, довольно значительно отличающиеся один от другого своим умственным развитием, а следовательно, и не одинаково отвечающие на вопросы жизни. Известно, наконец, что даже рабочие одной и той же отрасли промышленности не одинаковы по своему умственному развитию в различных районах. Выходит, что, например, перед слесарями южного промышленного района жизнь ставит иные вопросы, чем перед петербургскими. В каком же «фазисе» движения находится вся русская рабочая масса? По-моему, она находится в *нескольких «фазисах» сразу*. А если это так, то нелегко определить наступление того, искомого нашим автором, «момента», когда *экономическая* борьба должна будет перейти в *политическую*. По-видимому, он для разных слоев рабочего класса наступит в разные «моменты». Как же нам быть? По словам автора, агитатор всегда должен идти на один шаг впереди массы. Пусть будет так. Но впереди какого же именно слоя пойдем мы, *как партия?* Какой именно слой опередим мы на один шаг? Если — самых передовых, то момент перехода к политической борьбе, вероятно, уже наступил. Если — самых отсталых, то он, вероятно, никогда не наступит, потому что даже в самых передовых странах до сих пор существуют и будут существовать вплоть до окончательной победы социализма такие рабочие, которые слепы и глухи по отношению к вопросам жизни *. Если же мы будем иметь в виду рабочих среднего уровня развития, то, — не говоря уже о трудности определения этого уровня, — спрашивается, как же поступим мы с наиболее развитыми рабочими? Неужели оставить на второй год в том же классе, осудив их на повторение того, что уже пройдено ими в среднем «фазисе»? Автор скажет, вероятно, что партия должна идти впереди каждого из этих слоев, применяясь в своей агитации к достигнутой им степени умственного разви-

---

* «So wird,— замечает Каутский,— die moderne Gesellschaft reif werden für den Sozialismus... bevor das ganze Proletariat politisch reif und ökonomisch organisirt ist». («Die Agrarfrage», S. 322.) [«Точно так же,— замечает Каутский,— и современное общество созреет для социализма гораздо раньше, чем весь пролетариат политически созреет и экономически организуется». («Аграрный вопрос», стр. 322.)]

тия. Я спорить и прекословить не стану; я только спрошу: как же нам быть с «моментом» перехода экономической борьбы в политическую? С одной стороны, *он уже наступил*, потому что *у нас уже есть слои, созревшие для политической борьбы*. А с другой стороны, *он еще не пришел*, так как у нас *есть слои, для нее неготовые*. Ввиду этого невольно возникает сомнение в том, что он может быть найден.

Все эти затруднения исчезают, как только мы вспоминаем, что иное дело *весь рабочий класс*, а иное дело *соц.-демократическая партия*, представляющая собой лишь передовой — и в начале очень малочисленный — отряд рабочего класса. Если рабочий класс данной страны, взятый в его целом (т. е., точнее, в *большинстве своих членов*), еще не созрел для перехода к политической борьбе, то из этого вовсе не следует, что «момент» такой борьбы еще не настал *для партии*, задавшей целью политического воспитания этого класса. Для партии момент *политической борьбы* наступает каждый раз, когда она встречает повод для *политической агитации*. А у нас в России поводы для такой агитации встречаются никак не реже, чем поводы для *агитации на экономической почве*.

V

Экономическая агитация — политическая агитация! Как легко произнести эти всем известные термины, как легко из-за них перессориться, и как трудно в то же время русскому агитатору разграничить связанные с ними понятия! Как трудно отделить в нашей русской агитационной практике экономию от политики! Мы уже видели, что народники семидесятых годов, осуждавшие борьбу за политическую свободу, как грешную сделку с дьяволом оппортунизма, вынуждены были вести ее всюду, где агитация на почве ближайших экономических требований народа приводила их и волпуемую ими массу к столкновениям с правительством. Но именно потому, что они вели ее *вопреки собственному теоретическому убеждению*, они не доводили ее до конца и, восставая против политической части программы «Северно-Русского Рабочего Союза», они старались разрушать то течение, возникновение которого они сами содействовали. Наши социал-демократические «экономисты» окажут-

ся — и, вероятно, уже оказывались много раз — в таком же двойственном положении. Полицейское правительство заставит их — и, вероятно, уже заставило не однажды — заговаривать о *политике* там, где они собирались ограничиться «пока» одной *экономией*; но, заговорив о политике наперекор собственной программе, т. е. задолго до того «момента», когда *весь рабочий класс созреет* для политической *борьбы*, они, по необходимости, будут противоречить самим себе, не скажут и десятой доли того, что могло бы быть сказано ими, и вообще невольно будут ослаблять действие своих собственных усилий. Не лучше ли раз навсегда отказаться от вредного предрассудка? Не пора ли ясно сознать, что там, где рабочие лишены всех способов законной защиты своих интересов, почти всякое столкновение их с предпринимателями является в то же самое время столкновением с полицейским государством, и потому делает политическую агитацию не только возможной, но совершенно неизбежной для всякого серьезного агитатора.

Для нас, социал-демократов, в высшей степени важно выяснить рабочим, что в полицейском государстве они всегда будут осуждены на более или менее полное бесправие. Когда они поймут это, полицейское государство затрещит по всем швам. Автор брошюры «*Об агитации*», разумеется, прекрасно знает это. Но он почему-то думает, что такое выяснение может начаться лишь во втором «*фазисе*» рабочего движения, лишь тогда, когда рабочие выдвинут «то или иное требование значительного изменения в существующих на данной фабрике или в данной отрасли промышленности порядках» *. Это слишком схематично. На самом деле, указанное выяснение может и должно иметь место даже и тогда, когда требования рабочих, сами по себе, не принадлежат к числу «значительных», и когда движение, вызванное ими, еще далеко не охватывает целой отрасли промышленности. Такое выяснение должно быть начинаемо всегда и везде, когда и где полицейский произвол поддерживает хозяйскую прижимку. А где же и когда же он не поддерживает ее? Всякий, кому приходилось действовать в рабочей среде, легко воскресит в своей памяти не мало таких случаев борьбы рабочих «с отдельными предпринимателями»

---

* «Об агитации», стр. 15.

(первый «фазис», по схеме нашего автора), которые могли бы дать хороший повод для наглядного выяснения рабочим некоторых сторон нынешнего нашего полицейского порядка. Я сошлюсь на самого автора. Вот какими чертами изображает он психологический процесс, совершающийся в душе борющихся с фабрикантом рабочих.

«В сознании всей правоты своего требования, рабочие сначала держатся спокойно, уверенные в том, что все должны быть на их стороне, все должны им сочувствовать. Ведь все это так просто, требование их так ясно, притеснение так несправедливо! Они отправляют депутацию к фабричному инспектору. Он, наверное, им поможет, ведь он защитник, он знает все законы, а законы, наверное, говорят в их пользу... Точно ушатом холодной воды обливают их инспектор... В законах ничего об этом нет; фабрикант стоит на вполне законной почве, — ничего не могу сделать... Дверь закрывается перед носом... Как! чтобы законы за нас не заступались! Быть этого не может, чтобы нас не защищал наш батюшка! Инспектор подкуплен фабрикантом, он врет, нахально врет!.. Рабочие пробуют другие пути, — везде отказ, кое-где с угрозой, которая скоро принимает реальные формы: в помощь фабрикантам посылаются войска. Рабочие получают первый урок политической науки, гласящей, что право на стороне сильного, что против организованной силы капитала должна выступить организованная же сила труда» *.

Здесь предполагаемое умозаключение не вполне соответствует тому практическому опыту, на основании которого оно строится. Если *правительство* становится на сторону *предпринимателей*, то из этого следует прежде всего тот вывод, что борьба против капитала должна сопровождаться *борьбой с правительством*, а не тот, что организации капиталистов надо противопоставить организацию рабочих. Легко было бы показать, что эта логическая ошибка вызвана уже знакомым нам схематизмом автора. Но мне теперь нет нужды в этом. Теперь я хочу только спросить читателя: неужели же в первом «фазисе» движения, т. е. когда рабочие борются «с отдельными предпринимателями», им не представляется случая получить изображенные автором впечатления и убедитьсяся

---

* «Об агитации», стр. 15—16.

не только в том, что «право на стороне сильного», но также и в том, что сила экономически сильного заключается нередко в политическом бесправии экономически слабого? Конечно, да. Можно даже сказать, что изображаемый автором психологический процесс *совершается преимущественно в первом «фазисе»*. Там, где столкновения учащаются и охватывают целые отрасли промышленности, рабочие уже имеют обыкновенно много предварительного опыта и вряд ли отличаются тою наивностью, какую приписывает им наш автор, — едва ли они могут думать, что «все (т. е., главным образом, все *власти*) будут на их стороне».

Но если «уроки политической науки» доступны рабочим уже в первой поре их движения, то зачем мы будем откладывать политическую агитацию в долгий ящик, зачем мы будем ждать момента ее наступления? Он не *наступит*, потому что он *уже наступил*.

Выше я сказал, что рабочие (и, конечно, не одни только рабочие, а все человеческие существа без различия возраста, пола и общественного положения) *никогда не вовлекаются в борьбу иначе, как путем рассуждений*. Теперь пора прибавить, что характер этих рассуждений зависит от умственного развития борющихся и что степень этого развития должны определяться *агитационные приемы* тех людей, которые хотят повлиять на ход борьбы в том или другом смысле. В применении к интересующему нас вопросу это означает, что в *разных слоях рабочего класса политическая агитация непременно должна принимать различный вид*. Но необходимое разнообразие ее приемов не может и не должно изменить ее содержание, заключающееся в *выяснении враждебности и непримиримой противоположности интересов рабочих с интересами царизма*. Эта противоположность не может быть выяснена сразу; ее понимание будет лишь понемногу, лишь малыми дозами усваиваться рабочим классом. Но что ж из этого? И какая же великая общественная истина *сразу* усваивается теми, которые заинтересованы в ее усвоении? Невозможно усвоить рабочему сразу и ту мысль, что интересы наемного труда противоположны интересам капитала. Но разве кто-нибудь умозаключит отсюда когда-либо, что мы не можем приступить к выяснению этой мысли уже в самом первом фазисе рабочего движения?

У рабочих возникает недоверие к *царским чиновникам*,— мы углубляем и расширяем его как можно больше, не упуская ни одного случая довести его до недоверия к *самому царю*.

У рабочих рождается *сомнение* в выгодности для них нынешнего политического порядка,— мы поддерживаем это сомнение всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении; мы старательно выставляем на вид все те факты, которые способны дать ему новую пищу; мы растим его и заботливо охраняем до тех пор, пока оно не уступит места непримиримой *ненависти* к царизму.

Рабочих начинает тяготить *рабское ярмо*,— мы принимаем все меры к тому, чтобы они узнали «*свободы гордой вдохновенье*».

Мы лишь постепенно подвигаемся к этой великой цели; но мы ни на минуту не выпускаем ее из виду. Дело не в том, можем или не можем мы высказать в данном частном случае нашу политическую мысль *во всей ее полноте*, а в том, что в каждом данном случае мы передаем рабочей массе возможно большую часть того запаса политических понятий, которым мы обладаем. Поскольку мы передаем ей эти понятия, мы *боремся с царским правительством*, и *всякий новый успех наш в этом деле будет новым поражением абсолютизма*.

VI

Я знаю, что многих удивят эти слова. В наших оппозиционных и революционных кругах до сих пор очень распространено то представление о политической борьбе, согласно которому необходимыми ее атрибутами являются заговоры, кинжалы, взрывчатые вещества, или, по меньшей мере, баррикады и манифестации. Но это одно из тех ошибочных представлений, которые унаследованы нами от анархизма и которые очень сильно мешают распространению у нас правильного взгляда на нашу политическую задачу. Заговоры, кинжалы, взрывчатые вещества, баррикады и манифестации,— все это не более, как *приемы* политической борьбы, очень полезные и даже вполне неизбежные при известных обстоятельствах, но вовсе не исключающие возможности, пользы и даже полной неизбежности *других приемов при других обстоятельствах*. *Сущность политической*,— как и всякой дру-

гой, — борьбы заключается в том, что каждая из борющихся сторон старается разрушить или хотя бы только ослабить силы, поддерживающие существование другой стороны. Тот или другой прием хорош лишь постольку, поскольку он служит для достижения этой цели. Спрашивается теперь — ослабляются ли силы правительства тем, что мы распространяем недоверие и ненависть к нему в среде рабочего класса? На этот вопрос, разумеется, нельзя ответить иначе, как утвердительно. И само правительство отвечает на него так своими действиями. Оно всеми силами старается поддержать и упрочить вековые политические предрассудки нашего народа. Оно понимает, что каждая удача его на этом мрачном поприще означает поражение *«революционной гидры»*. Оно понимает также, что и, наоборот, всякий успех *«революционной гидры»* в борьбе с этими предрассудками приближает время его падения. И можно утверждать, немало не рискуя ошибиться, что самый страшный теперь для него и самый действительный прием борьбы с ним состоит именно в развитии политического сознания пролетариата, посредством устной и печатной пропаганды и агитации.

«Критика посредством оружия, — справедливо говорит Маркс, — не может быть заменена оружием критики; материальная сила должна быть свергнута материальной силой, но теория тоже делается материальной силой, когда увлекает за собой массу»⁷⁷. Нам именно нужно теперь создавать и увеличивать материальную силу революции, распространяя в массе — посредством пропаганды и агитации — «теорию» противоположности интересов самодержавия с ее собственными насущнейшими интересами*. Успешное распространение этой «теории» обещает нам теперь самые блестящие успехи: *именно оно даст нам возможность добиться от правительства некоторых уступок.*

Это тоже может показаться сомнительным, но это тоже несомненно. Доказательство налицо. Наши польские товарищи твердо и решительно выступили на путь

---

* Революционеры классической эпохи нашего «терроризма» прекрасно понимали значение «теории». Большинство террористических действий предпринято было для того, чтобы *произвести известное впечатление «на общество»*, т. е. другими словами, для того, чтобы *изменить отношение общественных сил посредством влияния на умы известной части обывателей.*

политической агитации. Чисто экономическая программа давно уже внушает им презрительное сожаление. И что же? Русское правительство уже задумывается об уступках польским рабочим. В записке, поданной царю в январе 1898 года, варшавский генерал-губернатор, князь Имеретинский, требует пересмотра законодательства о рабочих, ссылаясь на то, что стеснения, налагаемые на рабочий класс отсталыми законами, могут усилить влияние на них «социально-революционной пропаганды». Рассудительный князь так и говорит: законодатель, в своих собственных интересах, должен делать различие между Польшей и «другими, более спокойными районами внутри России» *.

Это чрезвычайно интересный и поучительный пример диалектики общественной борьбы. Энергичная политическая агитация, предпринятая нашими польскими товарищами, сделала польский край менее спокойным, чем «другие районы», и правительство заявляет, что «удовлетворение материальных нужд» польского рабочего класса «приобретает» значение «государственной важности» **. Если экономические столкновения рабочих с предпринимателями могут порождать политическое недовольство рабочих, то политическое недовольство рабочих может, — как видим, — с своей стороны, повести к улучшению позиции рабочих в их экономической борьбе с капиталистами. Экономия переходит в политику, политика в экономию.

Да нужно ли было нам ходить в Польшу за подтверждением этой истины? Ее, как нельзя лучше, подтверждает история закона 2 июня 1897 года. Хотите знать, почему правительство нашло нужным уступить требованиям рабочих насчет сокращения рабочего дня? Послушайте одного из членов комиссии для составления проекта названного закона. Во время поднявшихся в комиссии прений о том, должен ли тот же закон регулировать заработок рабочих, вице-директор хозяйственного департамента министерства внутренних дел, Щегловитов, высказал основные побуждения правительства следующим недвусмысленным образом: «Если рабочие убедятся, что

---

* «Тайны нашей государственной политики в Польше», сборник секретных документов, Лондон, 1898, стр. 36. (Курсив в цитате мой.)

** Там же, стр. 33.

правительство, издав закон, достигло благоприятных результатов для рабочих, то они будут смотреть на него как на своего защитника и покровителя, а если такого впечатления новый закон иметь не будет (г. Щегловитов хочет сказать: если *рабочие* не получают такого впечатления *от закона*), то рабочие будут более склонны к противоправительственной пропаганде» *. Кажется, ясно: кажется, *политическая* цель правительства не может подлежать сомнению? А если — да, то ведь из этого прямо следует, что, чем настойчивее и энергичнее станут наши политические «внушения» рабочему классу, тем чаще будет уступать ему правительство в интересах самосохранения. Конечно, эти уступки не могут идти дальше известного предела: в противном случае мы были бы неправы, утверждая, что интересы рабочих непримиримы с интересами самодержавия. Но пока еще не наступил этот предел, оно непременно будет уступать, в надежде пересилить этим наше влияние на рабочих.

Интересно, что сами предприниматели, — и при том даже и районов сравнительно очень «спокойных», — начинают сознавать теперь, что русское законодательство о рабочих устарело и нуждается в пересмотре. Горный инженер В. В. Жуковский, который был командирован совещательной конторой железозаводчиков в Австрию для изучения там отношений между предпринимателями и рабочими, издал по своем возвращении в Россию брошюру, где высказывает, между прочим, ту мысль, что *лет через 20 у нас нужно будет легализовать рабочие союзы*. Само собою разумеется, что мы, социал-демократы, относимся к вопросу о правах рабочих не так *терпеливо*, как г. Жуковский. *Мы постараемся завоевать многие из них гораздо раньше назначенного им срока*. Но я уверен, что к этому завоеванию нас приведет *только путь политической агитации*.

Пусть, однако, не считают меня исключительным сторонником политической борьбы посредством живого и печатного слова. Я безусловно настаиваю *только на необходимости политической борьбы, а вопрос об ее приемах всегда был и останется для меня вопросом целесообразности*. Приемы эти определяются общим состоянием

---

* См. «Тайные документы, относящиеся к закону 2 июня 1897 г.», Женева, 1899 г., стр. 21; см. также стр. 19 и 28.

страны, соотношением существующих в ней общественных сил и, — главное, — степенью политического развития рабочих. Чем дальше уйдет это развитие, тем разнообразнее будут становиться приемы нашей политической борьбы с правительством. Теперь мы боремся преимущественно посредством живого и печатного слова. Но именно потому, что эти приемы борьбы в высшей степени целесообразны; именно потому, что они хорошо влияют на политическое развитие рабочих, у нас становится возможным употребление в дело нового, могучего приема: *демонстрации*. События, имевшие место в Харькове весной нынешнего года, может быть, знаменуют собою начало новой эпохи в истории нашей борьбы. В течение этой эпохи еще более разовьется политическое сознание рабочего класса, — т. е., следовательно, еще более возрастут наши силы, и тогда... Но зачем забегать вперед: *довлеет дни злоба его!*

После всего сказанного ясно, надеюсь, отличительная черта той тактики, которую я отстаиваю. Автор брошюры «*Об агитации*» излагал дело так, как будто в первых двух «*фазах*» рабочего движения политическая агитация неуместна; по-моему, она становится у нас уместной всюду, где показываются признаки такого движения. Автор брошюры «*Об агитации*» рассуждает так, как будто политическая борьба может быть только делом *пролетариата*, как *целого класса*, достигшего известной высоты развития; я же думаю, что политическая борьба должна быть немедленно начата *нашей партией*, которая представляет собою *передовой отряд* пролетариата, — его наиболее сознательный и революционный *слой*, — и что политическая борьба нашей *партии* явится одним из самых могучих факторов дальнейшего развития рабочего класса. Автор брошюры «*Об агитации*» склоняется, по-видимому, к той мысли, что политическая борьба с царизмом начинается только тогда, когда борющиеся предъявляют правительству определенные политические требования, т. е. где заходит речь о той или другой законодательной реформе; а мне эта мысль кажется ошибкой, сильно затрудняющей нам исполнение нашей политической задачи; в моих глазах первой реформой, которую мы должны иметь в виду, является *реформа политического сознания рабочего класса*, и я полагаю, что, начав дело этой реформы, мы тем самым начинаем политическую борьбу с правитель-

ством, великую революционную борьбу за влияние на умы рабочих, которая естественным и логическим ходом своим приведет и к известным требованиям со стороны пролетариата, и к известным уступкам со стороны правительства. Автор брошюры «Об агитации» смешивает понятие «класс» с понятием «партия» и, сосредоточив свое внимание на предполагаемом ходе развития нашего рабочего движения, он забывает о политической инициативе нашей партии; а я считаю, что указанное смешение служит главным источником всех тех заблуждений, которые вызвали в последние годы так много споров и разногласий в нашей партии, и что устранение этого смешения необходимо для того, чтобы мы могли определить политическую обязанность социал-демократической партии по отношению к рабочему классу.

В самом деле, автор брошюры «Об агитации» не сторонник «экономического» направления. Но мы уже видели, что на некоторые его доводы, с полным основанием, могут опираться «чистые экономисты». И поскольку он смешивает класс с партией, он бессознательно и невольно вносит каплю своего меда в тот улей, в котором работают теперь авторы известного «Credo»⁷⁸ и их единомышленники. Если о политической борьбе с царизмом можно будет заговорить только тогда, когда для нее созреет весь русский рабочий класс, то позволительно ли вести речь о социализме раньше, чем весь пролетариат в его целом не «потребуется» устранения капиталистического хозяйства? Но пролетариат в его целом еще не «требует» этого даже в самых передовых странах. Поэтому существование социал-демократии не имеет теперь смысла. Как представители рабочего класса, мы имеем право говорить теперь лишь о некоторых второстепенных реформах рабочего законодательства, а для этого нет надобности в особой социал-демократической партии. Мы были социал-демократами; мы должны перестать быть ими. Таков ход мыслей, приведший к появлению «Credo». В своем окончательном результате он очень далек от того, с которым мы встречаемся в брошюре «Об агитации». Но в своем «начале» он совпадает с ним, и этим объясняется тот общеизвестный факт, что единомышленники авторов «Credo» очень часто и охотно ссылались на брошюру «Об агитации» и противопоставляли ее программе группы «Освобождение Труда».

Я указывал на стачки, как на явление, дающее повод для политического воздействия социал-демократов на рабочую массу. Но кто знаком с условиями русской жизни, тот понимает, что подобные поводы далеко не исчерпываются стачками. Они встречаются всюду, где на русского работника давит тяжелая лапа русского администратора. Рабочий страдает от своего политического бесправия не только как продавец рабочей силы, но и как обыватель, которого начальство *«тащит»* туда, откуда ему хотелось бы вырваться, и *«не пускает»* туда, куда ему хотелось бы пробраться. Эта милая распорядительность начальства вызывает в рабочих чувства неудовольствия и протеста, а там, где зародились эти чувства, готово место и для политического воздействия на них социал-демократической партии.

В первой половине девяностых годов ходил слух о том, что одесский градоначальник, Зеленый, — о котором вообще рассказывали множество курьезов, достойных изложения пером Щедрина, — издал постановление, воспрещавшее «простонародью» ходить по тротуарам, которые предоставлялись таким образом в исключительное распоряжение «чистой публики». Это постановление не относилось непосредственно к условиям продажи рабочими своей рабочей силы; оно было чуждо каких-нибудь экономических соображений: оно явилось одним из проявлений до сих пор сильного у нас *сословного предрассудка и крепостнического самодурства*. Но это не мешало ему быть возмутительным, и многие одесские рабочие, наверное, приняли его, как *жестокое оскорбление*. Социал-демократия должна была *высказать*, что *чувствовали* эти рабочие; она должна была поставить частные случаи административного произвола в связь со всей правительственной системой и, бичуя одесского *сатрапа*, зацепить петербургского *самодержца*. Тактично составленное и широко распространенное в массе воззвание непременно заронило бы семя политического сознания во многие рабочие головы.

Я не ручаюсь за то, что Зеленый действительно издал указанное постановление. Может быть, слух о нем был неверен. Но для меня это не важно. Мне нужен был только пример для пояснения моей мысли, и если чита-

тель ее понял, то он сам иллюстрирует ее другими, совершенно достоверными, примерами. Затруднение может представиться ему разве лишь вследствие крайнего избытка таких примеров.

Я позволю себе указать ему случаи, освещающие обязанность нашей партии при совершенно исключительных обстоятельствах. Именно, я укажу на антиеврейские беспорядки. Каких действий требуют они от нашей партии? Скажет ли нам кто-нибудь, что мы должны подстрекать бунтующую толпу и поддерживать буянов? Этого не скажет никто, кроме антисемитов. Почему не скажет? По тысяче соображений, ясно показывающих, что национальный антагонизм крайне вреден для рабочего движения и что антисемитизм полезен *только* его противникам. Но если эти соображения ясны и убедительны, то почему же не довести их до сведения рабочих? Почему не высказать их кратко, но решительно, в то смутное и печальное время, когда масса не слышит ничего, кроме бессмысленных науськиваний? Если наше воззвание и не остановит толпы, то оно все-таки не пройдет бесследно, оно все-таки запесет луч света в темное царство и будет содействовать развитию политического сознания массы.

Далее. В первые часы или даже дни антиеврейских беспорядков полиция обыкновенно потворствует буянам и смотрит на их подвиги сквозь пальцы. Она сама не прочь потормозить «*жидов*». Но она любит «порядок» и потому решается, наконец, действовать. Начинаются «*внушения*» и «*успокоения*», которые по своим приемам сами составляют вопиющее преступление против человеческой личности. Достаточно сказать, что *розги* играют очень видную роль в этих «внушениях», расточаемых без суда и следствия, по усмотрению пьяных приставов и по указаниям бессовестных сыщиков. Русский народ уже вышел из того варварства, в котором он мог равнодушно переносить такие расправы. Теперь они оскорбляют его нравственное чувство, и мы можем посеять много благородной ненависти на почве, подготовленной таким оскорблением.

Еще пример. Студенческие беспорядки ни прямо, ни косвенно не касаются условий найма рабочих капиталистами. Но они вызывают толки, доходящие до слуха рабочего класса: о них пишут в газетах, о них говорят лавочники, о них лжет полиция. В трупящемся населении

больших городов найдется не мало лиц, интересующихся такого рода явлениями, и наша партия обязана, в интересах своей борьбы за политическую свободу, выяснить им истинный смысл студенческих «бунтов». Она должна показать им, что действия «бунтовщиков» направляются против того самого порядка, от которого больше всего достается именно рабочему народу, и что, поэтому, рабочий народ должен видеть в бунтовщиках не врагов, а союзников. Чем шире распространится такой взгляд в народной массе, тем более ослабеет влияние на нее охотничьих элементов, составляющих самый надежный оплот политической реакции, и тем более усилится влияние на нее революционной социал-демократии*.

А народные школы? А народное чтение? А разнообразные просветительные попытки интеллигенции, которые отвечают *серьезной и вполне сознанный рабочим классом духовной потребности* и которые встречают со стороны правительства такое множество препятствий? Трудящаяся масса настойчиво просит умственной пищи, правительство осуждает ее на умственный голод и неотступно преследует всех тех, которые хотели бы прийти к ней на помощь, а мы будем молчать, успокаивая свою совесть революционеров тем соображением, что все это не имеет непосредственного отношения к фабричным порядкам и прямой связи с вопросом о расценках? Нет, нет и тысячу раз нет! Если бы мы поступали таким образом, мы сделались бы смешными доктринерами, жалкими педантами, неспособными приобрести широкое влияние на общественную жизнь и недостойными выступать в качестве носителей великой освободительной *идеи рабочего сословия*.

Так называемые культурники с любовью к делу и с самоотвержением несут знание в пробуждающуюся от многовекового сна народную массу, но, натолкнувшись на цензурные решетки и полицейские рогатки, они останавливаются в нерешительности и *не смеют* сообщить народу

---

* Сюда же надо отнести и распространение в рабочей среде агитационных воззваний по поводу жестоких расправ правительства с отдельными представителями свободомыслящей интеллигенции, например, с Ветровой. Зачем станем мы молчать о том, что этих людей пытаются и терзают те самые слуги царя, которые готовы запытать и растерзать всякого пролетария, в голову которого проникает мысль о борьбе за лучшее будущее?

самое лучшее из того, что они могли бы сообщить ему. Иногда им удается преподать своим слушателям некоторые элементарные сведения по естествознанию, истории и географии, но они не дерзают затронуть перед ними *важнейший вопрос* народного образования, не решаются указать на царя и на царских опричников, как на сильнейшее теперь препятствие этому образованию. Социал-демократия и здесь, — *как везде*, — пойдет гораздо дальше других направлений; она выскажет то, о чем молчат другие, произнесет то слово, которое обходят «культурники» в своем преподавании. Она объяснит народу, *кто и зачем* заслоняет от него свет знания; она разоблачит политику «народного просвещения», она будет в своих воззваниях беспощадно клеймить проделки наших обскурантов. И это будет новым видом политической *агитации*; это явится одним из самых действительных средств *борьбы за политическую свободу!*

Еще один пример, на этот раз — последний. Неурожай сделали у нас постоянным явлением, несущим множество несказанных бедствий населению пострадавших местностей. В таких случаях прямая обязанность правительства оказать серьезную помощь голодающим. Но наше правительство не только не оказывает крестьянам серьезной помощи, но всячески стесняет тех частных лиц, которые хотели бы послужить пароду в тяжелую для него годину. Русская социал-демократия обязана разоблачать перед трудящейся массой эти тиранические и постыдные действия русского правительства. Промышленные рабочие, наверно, выслушают ее со вниманием; ведь для многих из них неурожай означает разорение оставшейся в деревне родной семьи, нищету родителей и братьев. Иные из этих рабочих принесли, может быть, с собой из деревни наивное убеждение в том, что всякая помощь голодным оказывается по царскому почину и распоряжению. Каково же будет их негодование, когда мы обнаружим их ошибку, когда мы покажем им, как ведет себя в таких случаях их любимый «*надежда-государь!*» Мы не можем ограничиваться более или менее длинными статьями в предназначенных для рабочих периодических изданиях. Мы должны во множестве распространять летучие листки и воззвания, доступные пониманию самых неразвитых рабочих. Тут недостаточно *пропаганды*; тут необходима *агитация*.

Замечу кстати, что в листках и воззваниях нам следует обращаться при этом не только к рабочим, но также и к *крестьянам*, которых этот вопрос касается всего ближе. Я уже сказал, что многие промышленные рабочие имеют в деревне отцов и братьев. Но ведь кроме *промышленных* рабочих есть еще и *сельскохозяйственные*. Такими являются те из крестьян, которые по незначительности своего земельного надела живут *продажей своей рабочей силы*. Эти крестьяне — те же пролетарии, и горе нам, если мы позабудем об этом! Правда, промышленные рабочие восприимчивее сельскохозяйственных, и потому *первые* наши усилия естественно направляются на промышленные центры. Но чем большим успехом увенчаются эти наши усилия, т. е. чем более возрастет наше влияние на *промышленных* рабочих, тем возможнее и необходимее станет для нас революционное *воздействие на деревню*. Зная это, мы уже теперь должны прокладывать себе дорогу в нее всякий раз, когда к этому представляется удобный повод. А между такими поводами едва ли не первое место принадлежит хроническим голодовкам и сопровождающим их стеснительным распоряжениям нашего попечительного начальства.

VIII

«Располагая фактами и сообщениями из разных мест, сотрудники «Рабочей Мысли» должны делать сводки и указывать, как слагается общее насилие царской власти от этих частных, чиновничьих и хозяйских притеснений, причем нужна простота, ясность и воодушевленность».

Так говорит в письме, напечатанном в номере восьмом «Рабочей Мысли», «*практик-рабочий*», очевидно, мало опытный в программных спорах, но хорошо понимающий требования жизни и положение своего класса в нашем полицейском государстве. Редакция «Рабочей Мысли» в особом примечании обратила внимание читателей лишь на непоследовательность автора письма, который осуждает употребление иностранных слов в статьях, предназначенных для рабочих, и сам во множестве употребляет их в своем письме. Оставляя открытым вопрос об иностранных словах, я замечу, в свою очередь, что цитированное мною место письма, «практика-рабочего» пре-

красно определяет общую агитационную задачу нашей партии: «*ставить мелкие притеснения, испытываемые рабочими со стороны хозяина и чиновников в связь с общим насиллием царской власти*». Это как раз та задача, на которую я указываю и от сильного решения которой мы не имеем права уклоняться даже в самом первом «*фазисе*» рабочего движения. Но если это так, если «*практик-рабочий*» верно определяет нам нашу практическую задачу, то стремиться к чисто экономической агитации значит делать огромную и непростительную тактическую ошибку.

«Рабочий знает, кто сидит на его загорбке, ох, как знает! — говорится еще в письме, — нужно только, чтобы с первого же слова сердце его забилося сильнее, и он не удержался, чтобы не сходить к соседу и... не передать ему, как клокочет его кровь и разрывается его сердце при виде такой тьмы человеческих насиллий». Это опять то самое, что говорю я: в своей агитации наша партия не может ограничиться указанием рабочему факта экономической его эксплуатации; она непременно должна касаться той «*тьмы насиллий*», которая окружает рабочего со всех сторон и от которой рождается сомнение в его голове и накапливается горечь в его сердце. Если мы сумеем дать надлежащее направление этим сомнениям и найти яркое выражение этой горечи, то и в самом деле от наших воззваний будет сильнее биться сердце в груди пролетария и быстрее обращаться кровь в его жилах. «*Дайте простор агитации и публицистике, — прекрасно говорит «практик-рабочий», — и вы увидите, как заискрятся тысячи глаз наших рабочих, как воодушевятся лица и как быстро полетит весть о дружном сдинении...*» О какой же публицистике говорит он? Ясно, что о *политической*, т. е. о той самой, которая, по моему мнению, должна быть неразрывно связана с агитацией на *экономической почве*. Это письмо рабочего есть *первое* (а может быть, уже и не первое?) *предостережение* гг. «экономистам», идущее из среды нашего пролетариата. Надо надеяться, что за ним скоро последуют другие.

В письме «*практика-рабочего*» есть еще одно, очень замечательное место. Привожу его целиком.

«*Может быть, вам покажется смешным, что рабочие зачитывали до дыр народофильскую брошюру «Подпольная Россия» и жили вместе с ее героями, забывая*

всякие опасности и трудности настоящего. Я не сторонник разных заговоров и терроров, но для меня нисколько не смешно видеть человека, переименовавшего Бову Королевича на Желябова и Спящую красавицу на Веру Перовскую. Я указываю только на психологию рабочего и не хочу сказать о каком-нибудь новом направлении или воскрешении народофильских утопий».

Указываемая здесь «психология» — увлечение «народофильской» брошюрой «Подпольная Россия» и биографиями Желябова и «Веры» Перовской, — делает большую честь русским рабочим и доказывает лишним раз то, что мне часто приходилось высказывать устно и в печати (навлекая на себя злые насмешки «интеллигентных» скептиков) *, что русский пролетариат отомстит русскому правительству за многократные поражения, нанесенные им русской революционной интеллигенции. Но почему же автор письма думает, что такая психология русских рабочих может вызвать насмешки со стороны людей, называющих себя друзьями пролетариата? Вероятно, он имеет к тому свои основания; вероятно, он встречал людей, осмеивавших сочувствие рабочих героям «Подпольной России». Если это так, если такие люди действительно существуют, то да будет им очень стыдно! Они могут искренне считать себя друзьями рабочего класса; но в действительности они *не друзья рабочих, а их враги, не просветители, а усыпители.*

«Заговоры и терроры» теперь совершенно неуместны. Но память о заговорщиках и террористах, преследовавших святую цель экономического и политического освобождения русского народа, должна быть так же дорога всем сознательным рабочим, как дорога всем искренним христианам память их мучеников. Желябовы и Перовские составляют славу нашей родины.

IX

Тактика, предлагаемая «рабочим-практиком», нуждается в одном только дополнении: наша партия в своей агитации должна указывать рабочим *не только на ту «тьму насилий», от которой страдают они сами, но, как я указывал выше, также и на ту, которая тяготеет надо*

---

* [Слова в скобках вставлены во втором издании.]

всей трудящейся и надо всей свободомыслящей Россией. Такие указания будут расширять политический кругозор пролетариата и в то же время приобретать новых, многочисленных друзей его передовому отряду, т. е. нашей партии. Они распространят наше политическое влияние далеко за пределы рабочего класса в собственном смысле этого слова.

Наша агитация и теперь уже в значительной степени имеет политический характер. Нам необходимо еще ярче и решительнее оттенить этот характер, раз навсегда разорвав со всякими «экономическими» предрассудками. Приемы нашей политической агитации должны стать гораздо разнообразнее, область ее распространения — много шире, чем прежде. Я понимаю, что все это предполагает, может быть, такую организацию, какой у нас пока еще нет, и такие материальные средства, какими мы пока еще не располагаем. Но многое можно сделать в указанном направлении уже и в настоящее время. А каждый шаг, сделанный нами в этом направлении, будет укреплять нашу организацию и увеличивать наши материальные средства, по той простой причине, что будет увеличивать и укреплять сочувствие к нам всех демократических элементов нашего отечества. Эти элементы окажут нам незаменимую поддержку в политической борьбе с царизмом.

На основании этих последних слов меня обвинят, пожалуй, — как обвиняли недавно П. Аксельрода, — в намерении покинуть точку зрения классово-борьбы и содействовать сближению пролетариата с буржуазией. Но я не боюсь таких обвинений. Более того, я убежден, что пора уже *обратить их против обвинителей*. И я сделаю это немедленно.

Русский рабочий класс страдает не только от капитализма, но и от недостаточного развития капитализма. Самым тяжелым для пролетариата последствием *неразвитости* нашей экономики является их *политическое бесправие*, делающее из них рабов первой встречной кокарды и чрезвычайно затрудняющее их *борьбу с капиталистами*. Завоевание политических прав, разрушение абсолютизма составляет, поэтому, необходимое условие правильного развития этой борьбы. Русский социал-демократ обязан выяснять рабочему не только ту враждебную противоположность, которая отделяет его интересы от интересов

предпринимателей, но также и ту, которая существует между его интересами, с одной стороны, и интересами самодержавия — с другой. Но интересы самодержавия враждебны интересам не одних только рабочих. Поэтому в борьбе с самодержавием заинтересованы не одни только рабочие. Русская социал-демократия сделала бы непростительную ошибку, если бы она упустила из виду это важное обстоятельство и не сумела воспользоваться им в интересах освободительного движения пролетариата. Она не может игнорировать и те слои русского населения, в которых живет дух оппозиции. Маркс и Энгельс высказали в «Манифесте Коммунистической партии» ту мысль, что коммунисты обязаны поддерживать всякое революционное движение, направленное против существующего порядка. Эта мысль сохранила все свое великое значение и для нашего времени. Она должна руководить нами в наших отношениях к «обществу». Мы не только не имеем права игнорировать существующие в его среде оппозиционные течения, но обязаны старательно и постоянно выставлять на вид сторонникам этих течений те наши политические стремления, которые делают из нас *самых решительных и самых непримиримых врагов абсолютизма*. Нам нечего бояться *сближения* с оппозиционными слоями нашего общества; нам надо позаботиться только о том, *чтобы они не подчиняли нас своему влиянию и руководству*. А такое подчинение сделалось бы возможным, — и даже *неминуемым*, — только в том случае, если бы у нас восторжествовало *экономическое направление*.

Сторонники этого направления не хотят политической борьбы по крайней мере для настоящего «момента». Но мы уже знаем, что у нас в России эта борьба — та же природа: если вы гоните ее в дверь, она возвращается через окно. Но, возвращаясь таким необычайным образом, она производит вреднейшую путаницу там, где нельзя обойтись без самого строгого порядка. Благодаря этой путанице люди, идущие в одну комнату, против собственного вклада и желания попадают в другую. Этот неприятный пассаж уже случился с некоторой, — заметьте: *с наиболее верной себе, наиболее последовательной*, — частью наших «экономистов».

Оставаясь верным себе, т. е. последовательно, логически развивая свои основные положения, «экономист» не-

избежно приходит к программе, изложенной в не раз уже упомянутом мною «Средо». Авторы этого произведения считают излишним существование социал-демократии *как особой политической рабочей партии*. Но они уже не высказываются против политической борьбы. Они только хотят, чтобы ее инициатива принадлежала не рабочим, а именно тем оппозиционным элементам нашего общества, о которых я говорил выше. К чему же привела бы такая борьба при участии в ней социал-демократов, но при отсутствии особой социал-демократической партии? Понятно, к чему: к чрезвычайному ослаблению влияния *социал-демократов*, которые, растворясь в массе других антиправительственных элементов, *на деле* превратились бы в простых демократов. Но превращение социал-демократов в простых демократов именно и означало бы *забвение* *классовой борьбы и сближение пролетариата с буржуазией*. Выходит, стало быть, что к этому результату ведет не та тактика, которую мы рекомендуем, а та, которая поддается логикой *«экономического» направления*.

Но такой результат совсем для нас нежелателен. Если в той борьбе, которая не может не начаться у нас в России,— в борьбе за политическую свободу,— наши рабочие, в среде которых уже пробуждается классовое самосознание, выступают вассалами других, чуждых им партий, то от этого не выиграет никто, кроме буржуазии. Пусть же идеологи буржуазии и стараются направить рабочих на этот путь. Мы, социал-демократы, постараемся повести их по другому.

Наша партия, не имеющая решительно никакой склонности к самоубийству, возьмет на себя почин борьбы с абсолютизмом, а следовательно, и *гегемонию* в этой борьбе; чем более многочисленны и разносторонни станут ее приемы, тем яснее сделается для всех искренних врагов существующего политического порядка,— для всех тех, в душе которых любовь к политической свободе не перевешивается стремлением к эксплуатации рабочих,— что они должны поддержать нашу партию в интересах своего собственного дела. Мало-помалу они привыкнут смотреть на ее победы и на ее поражения, как на свои собственные победы и поражения. И наша партия сделается таким образом *освободительницей* *par excellence*, центром, к которому будут тяготеть все демократические симпатии и из

которого будут исходить все наиболее крупные революционные протесты. Тогда в ее распоряжении окажутся такие силы и такие материальные средства, о каких безумно было бы и мечтать при нынешних условиях. Но ни одна единица этих сил и ни одна копейка из этих средств не будет затрачена на подчинение пролетариата какому-нибудь чуждому влиянию и на достижение каких-нибудь вредных для него целей. Напротив, все эти силы и все эти средства будут служить достижению его собственных целей и упрочивать его собственное влияние на другие общественные элементы, потому что направлять и распределять их будет *его собственный передовой отряд: социал-демократическая партия.*

Торжество «экономического» направления привело бы к политической эксплуатации русского рабочего класса демократической и либеральной буржуазией.

Тактика, защищаемая мной в этой статье, столь же неизбежно дала бы русской социал-демократии — этому передовому отряду русского рабочего класса — политическую гегемонию в освободительной борьбе с царизмом.

Сколько застарелой близорукости нужно для того, чтобы поколебаться в выборе хотя бы на одну минуту!

*Печатается по тексту книги:
Г. В. Плеханов, Сочинения,
2 изд., т. XII, стр. 67—102*

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Работа *«Социализм и политическая борьба»*, в которой Плеханов впервые в России подверг марксистской критике народническую идеологию, названная Лениным первым «profession de foi [исповеданием веры] русского социализма» (*В. И. Ленин. Соч.*, т. 4, стр. 264), была первым печатным выступлением группы «Освобождение труда».

Брошюра была задумана и написана Плехановым летом 1883 г., в тот период, когда назрел разрыв Плеханова с народо-вольцами.

Первоначально это произведение предназначалось для первого номера журнала «Вестник Народной воли», но переписка того времени, хранящаяся в Доме Плеханова в Ленинграде, а также письма, опубликованные в журнале «Дела и дни» (1921 г., № 2), показывают, что переговоры Плеханова с редакцией «Вестника Народной воли» ни к чему не привели.

Редакторы «Вестника Народной воли» Лавров и Тихомиров отказались печатать эту работу, характеризующую народо-вольчество как «наиболее беспринципное направление» (см. письмо Л. Тихомирова к П. Лаврову от 3 августа 1883 г.— «Группа «Освобождение труда»», сб. I, 1924, стр. 245). Группа «Освобождение труда» издала ее в октябре 1883 г. отдельной брошюрой — первым выпуском «Библиотеки современного социализма».

Лавров опубликовал рецензию на брошюру «Социализм и политическая борьба» («Вестник Народной воли» № 2, отд. 2, 1884 г., стр. 64—67), в которой с крайним неодобрением высказывался о ее полемической части. Эта рецензия подробно изложена в письме Плеханова к Лаврову, помещенном в виде предисловия к брошюре «Наши разногласия».

Статья «Социализм и политическая борьба» в 1905 г. была перепечатана в сборнике статей Плеханова «На два фронта», в том же году — в т. I (единственном, который вышел в свет) женевского издания Сочинений Плеханова, где была снабжена новыми примечаниями, а в 1906 г. вновь вышла отдельной брошюрой. В 90-х годах брошюра «Социализм и политическая борьба» была переведена на польский и болгарский языки.— 14.

² «Земля и воля» — журнал революционных народников, издававшийся в Петербурге с ноября 1878 по апрель 1879 г. организацией «Земля и воля». Всего вышло 5 номеров: первые четыре номера вышли под редакцией С. Кравчинского и Н. Морозова, с пятого номера в редакцию вошел и Плеханов.— 14.

³ «Черный передел» — журнал, издававшийся с начала 1880 до конца 1881 г. одноименной революционно-народнической организацией. Первоначально в редакцию «Черного передела» входили Г. Плеханов, П. Аксельрод, Я. Стефанович и Л. Дейч. Типография «Черного передела» в Петербурге была захвачена при печатании первого номера журнала, который все же удалось издать за границей, где вышел и № 2. Остальные номера, 3—5, вышли в Минске.— 14.

⁴ Речь идет о биографии Желябова, написанной Л. Тихомировым и вышедшей в Лондоне в 1882 г. анонимно под заглавием «Андрей Иванович Желябов».— 15.

⁵ Эпиграф взят из «Манифеста Коммунистической партии».— 16.

⁶ Международный социалистический конгресс в городе Хуре (Швейцария) состоялся в начале октября 1881 г. «Русский гость» — П. Б. Аксельрод.— 17.

⁷ Плеханов имеет в виду статью Л. Тихомирова, помещенную в качестве передовицы в № 7 газеты «Народная воля», от 23 декабря 1881 г., в которой содержалась резкая критика речи П. Б. Аксельрода («русского гостя») на Хурском конгрессе.— 17.

⁸ Слова Валленштейна из трагедии Шиллера «Смерть Валленштейна» (Ф. Шиллер. Избранные произведения, Гослитиздат, 1954, стр. 384).— 18.

⁹ Первый том «Капитала» К. Маркса вышел в Гамбурге в 1867 г.— 19.

¹⁰ См. Ф. Энгельс. «Развитие социализма от утопии к науке», Госполитиздат, 1952, стр. 47.— 19.

¹¹ «Впередовцы» — последователи П. Л. Лаврова в революционно-народническом движении. Получили название от издававшихся Лавровым в 1873—1877 гг. в Цюрихе и Лондоне журнала и газеты «Вперед!». Всего вышло 5 номеров. П. Лавров находился в переписке с К. Марксом и Ф. Энгельсом; он и его последователи стремились установить связи с европейским, в частности с немецким, социал-демократическим движением.

Бакунисты — последователи народника-анархиста М. А. Бакунина — считали крестьян прирожденными бунтарями, проповедовали авантюристическую тактику немедленных бунтов, за что получили название «бунтарей».— 19.

¹² Бакунин являлся руководителем тайной анархистской организации внутри I Интернационала. Он вел ожесточенную борьбу

против Маркса и в 1872 г., на Гаагском конгрессе, был исключен из Интернационала.— 19.

¹³ «*La Voix du peuple*» («Голос народа») — газета Прудона, выходящая в Париже с 1849 г.— 20.

¹⁴ «*Les confessions d'un révolutionnaire*» («Исповедь революционера») — книга Прудона, содержащая изложение его мирозерцания; напечатана в 1849 г. Наиболее полно его мелкобуржуазно-анархистские взгляды изложены в другой книге, ниже упоминаемой Плехановым, — «*Idée générale de la révolution au XIX siècle*» («Общая идея революции в XIX веке»), вышедшей в 1851 г.— 20.

¹⁵ Автор «Системы экономических противоречий» — Прудон.— 21.

¹⁶ См. К. Маркс. «Капитал», т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 592.— 22.

¹⁷ Полемика Энгельса с одним из идеологов народничества, П. Н. Ткачевым, происходила в 1874—1875 гг. В 1874 г. Ткачев опубликовал на немецком языке «*Offener Brief an Herrn Fr. Engels, Zürich 1874*». «Открытое письмо господину Фридриху Энгельсу, Цюрих 1874» (см. П. Н. Ткачев. Избранные сочинения, т. 3, 1933, стр. 88—98). Энгельс ответил на это письмо статьей «*Soziales aus Russland*» в газете «*Volksstaat*», 1875 г., № 36 и сл. Переиздавая свой ответ в 1894 г., Энгельс снабдил его пояснительным примечанием, в котором говорит о письме Ткачева, что оно и по форме и по содержанию носило «обычный бакунистский отпечаток» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 251). Энгельс высмеял заговорщические иллюзии Ткачева. «Более легкой и приятной революции нельзя себе и представить, — пишет он. — Стоит только в трех-четыре места одновременно начать восстание, а там уж «революционер по инстинкту», «практическая необходимость», «инстинкт самосохранения» сделают все остальное «уже сами собою». Просто понять нельзя, как же это при такой неимоверной легкости революция давно уж не произведена, народ не освобожден и Россия не превращена в образцовую социалистическую страну» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 262).— 24.

¹⁸ «*Набат*» — народнический журнал, издававшийся под редакцией П. Н. Ткачева с конца 1875 по 1881 г. сначала в Женева, потом в Лондоне. Журнал выдвигал задачу создания боевой организации заговорщиков-революционеров с целью захвата власти и социального переустройства России.— 24.

¹⁹ *Бланкизм* (по имени французского революционера-утописта О. Бланки) «ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства» (В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 360).— 24.

²⁰ См. Ф. Шиллер. Избранные произведения, Гослитиздат, 1954, стр. 633.— 25.

²¹ См. прим. 11.— 27.

²² В период 1879—1882 гг. Плеханов принадлежал к революционной народнической организации «Черный передел», отрицавшей необходимость террора в целях политической борьбы, тогда как организация «Народная воля» выдвигала требование террора на первый план.— 28.

²³ «Земля и воля» распалась на две организации — «Народную волю» и «Черный передел» — на Воронежском съезде 1879 г.— 28.

²⁴ Взрыв в Зимнем дворце был произведен 5 февраля 1880 г. известным революционером, рабочим Степаном Халтуриним, активным членом «Северного союза русских рабочих», которого народолюбцы вовлекли в террористическую деятельность.— 30.

²⁵ В первом издании брошюры было сказано: «периоду свободной торговли на Западе».— 30.

²⁶ Цитата взята из передовицы первого номера газеты «Народная воля», от 1 октября 1879 г., где говорится: «Возьмем ли мы на себя инициативу противоправительственного похода и политического переворота — или будем по-старому игнорировать политическую деятельность, тратя все силы на то, чтобы биться около народа, как рыба об лед?».— 32.

²⁷ См. Хаум «Hegel und seine Zeit», Berlin, 1857. (В сокр. русск. перев. Гайм «Гегель и его время», Спб., 1861.)— 33.

²⁸ См. К. Маркс. «К критике политической экономии», Госполитиздат, 1953, стр. 7—8.— 34.

²⁹ «Истинный социализм» — одно из направлений мелкобуржуазного социализма, получившее распространение в середине 40-х годов XIX в. в Германии. Маркс и Энгельс подвергли взгляды «истинных социалистов» резкой критике в «Немецкой идеологии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2 изд., т. 3, 1955, стр. 457—544), в статье Энгельса «Истинные социалисты» (там же, стр. 545—586) и в «Манифесте Коммунистической партии» (Госполитиздат, 1955, стр. 60—64).— 35.

³⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии», стр. 62.— 35.

³¹ См. А. И. Герцен. «Былое и думы», Гослитиздат, 1946, стр. 219.— 35.

³² Это выражение употреблено Марксом и Энгельсом в их предисловии к первому русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», датированному 21 января 1882 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии», стр. 8).— 36.

³³ «Манифест Коммунистической партии» в переводе Плеханова вышел в 1882 г. в Женеве в издании «Русской социально-революционной библиотеки». Этот перевод явился первым правильным переводом «Манифеста» на русский язык, так как до него существовал лишь неудачный перевод Бакунина, напечатанный в 1869 г. в Женеве, в типографии «Колокола».— 36.

³⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. «Манифест Коммунистической партии», стр. 64—65.— 38.

³⁵ Плеханов имеет в виду книгу русского буржуазного экономиста И. Иванюкова «Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени» (М. 1880), в которой Иванюков пытался, между прочим, доказать, что Маркс является противником революции в России.— 38.

³⁶ Речь идет о книге Прудона (см. прим. 14.) — 39.

³⁷ См. *Ф. Энгельс*. «Анти-Дюринг», Госполитиздат, 1957, стр. 22.— 41.

³⁸ *Лига борьбы против хлебных законов*, во главе которой стоял Ричард Кобден, в 30-х годах XIX в. вела борьбу за отмену пошлин на хлеб, выражая интересы капиталистов, стремившихся к удешевлению рабочих рук и снижению заработной платы.— 43.

³⁹ *Чартистское движение* — первое массовое политическое движение английского рабочего класса в первой половине XIX в.— 44.

⁴⁰ Представитель буржуазно-апологетической школы в политэкономии, Brentano, проповедовал «социальный мир» в капиталистическом обществе. Он восхвалял английские тред-юнионы как оплот против революционных увлечений. В книге, упомянутой в тексте, — «Ueber das Verhältniß von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung», Leipzig, 1876 («Об отношении заработной платы и рабочего времени к производительности труда», Лейпциг, 1876) — Brentano утверждает, что повышение заработной платы и сокращение рабочего дня выгодны не только для рабочих, но и для капиталистов, так как повышают производительность труда.— 44.

⁴¹ *Демократическая федерация* (с 1884 г. социал-демократическая федерация), основанная в Англии в 1881 г., проповедовала взгляды, в которых плохо усвоенный марксизм сочетался с требованиями буржуазно-демократических реформ.

Манифест, упоминаемый Плехановым, — это брошюра, написанная для демократической федерации ее основателем Гайндманом «Англия для всех» (*H. M. Hyndmann*. «England for all», London, 1881). См. статью В. И. Ленина «Гайндман о Марксе». Соч., т. 17, стр. 275.— 44.

⁴² «Северный союз русских рабочих» возник в конце 1878 г. в Петербурге из рабочих кружков. Он насчитывал более 200 членов и просуществовал до 1880 г. В программе Союза было сказано, что по своим задачам он примыкает к социал-демократическим партиям Запада, что своей конечной целью он ставит проведение социалистической революции, а своей ближайшей задачей — завоевание политической свободы и политических прав для народа.

Эта программа вызвала немалую тревогу среди русских народников (см. *Г. В. Плеханов*. «Русский рабочий в революционном движении», Соч., т. III, стр. 184).— 50.

⁴³ «Зерно» — газета для рабочих, выпускавшаяся нелегально группой «Черный передел» в 1880—1881 гг. Всего вышло 6 номеров: № 1—25 октября 1880 г. в Женеве, №№ 2—6 в России. Особое внимание газета уделяла народнической пропаганде среди городского пролетариата.— 50.

⁴⁴ Члены «Северного союза русских рабочих» ответили землевольцам «Письмом в редакцию», помещенным в № 5 «Земли и Воли» от 8 апреля 1879 г., в котором доказывали, что все их «требования так и останутся требованиями», если они не будут бороться с самодержавием. «...Мы знаем также,—говорится в «Письме»,— что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильное развитие свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды...».— 51.

⁴⁵ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. «Манифест Коммунистической партии», стр. 45—46.— 51.

⁴⁶ Это утверждение заимствовано Плехановым из книги «Briefe und sozialpolitische Aufsätze von Dr. Rodbertus-Jagetzow», herausgeg. von Rud. Meyer, Berlin, 1882 («Письма и социально-политические статьи д-ра Родбертуса-Ягецова», изданные Руд. Мейером, Берлин, 1882).— 52.

⁴⁷ Плеханов имеет здесь в виду исследование английского буржуазного экономиста-историка Торолда Роджерса, в частности его книгу «Six centuries of work and wages», Oxford, 1884 («Шесть столетий труда и заработной платы», Оксфорд, 1884), и работы французского журналиста и государственного деятеля мальтузианца Шарля Дюшателя, автора произведения «Traité de la charité dans ses rapports avec l'état moral et le bien-être matériel des classes inférieures de la société», 2-me éd., 1836 («Трактат о благотворительности в связи с моральным состоянием и материальным положением низших классов общества», изд. 2, 1836).— 52.

⁴⁸ См. *Г. В. Плеханов*. «Г-н П. Струве в роли критика марксовской теории общественного развития».— 52.

⁴⁹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. «Манифест Коммунистической партии», стр. 44.— 54.

⁵⁰ *Естественное право* — в буржуазных политических учениях понятие о праве, возникающем из природы человека, из его разума.

Сторонники естественного права рассматривают государство и право как продукт некоторых постоянных свойств, якобы неизменно присущих человеку независимо от его классовой принадлежности и уровня развития общества.

В XVIII в. Руссо, Гельвеций, Гольбах и др. разделяли идею естественного права и использовали ее для борьбы против феодализма. Феодальный строй они объявили противным «естественному» порядку вещей, несовместимым с требованиями природы и разума человека. При всей ограниченности и метафизичности представлений о естественном праве французские философы-про-

светители делали из принципов естественного права критические и революционные выводы.— 55.

⁵¹ *Катедер-социалисты* (от нем. Katheder — кафедра) — представители буржуазно-либерального течения, возникшего во второй половине XIX в. и объединившего группу германских буржуазных профессоров, проповедовавших с университетских кафедр реформистские «теории» превращения капитализма в социализм.— 56.

⁵² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., 2 изд., т. 1, 1955, стр. 428.— 58.

⁵³ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. «Манифест Коммунистической партии», стр. 43—44.— 59.

⁵⁴ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. «Манифест Коммунистической партии», стр. 62.— 61.

⁵⁵ «*Народное дело*» — орган, основанный в Женеве русскими революционерами-народниками. За исключением первого номера, подготовленного М. Бакуниным, журнал выходил под редакцией Н. И. Утина, бывшего землевольца, секретаря русской секции I Интернационала. «Народное дело» активно содействовало Марксу и Энгельсу в отстаивании их тактической линии в Интернационале, в разоблачении анархистов-бакунистов. Но «Народное дело» в основном оставалось на народнических позициях, идеализировало русскую крестьянскую общину, не понимало исторической необходимости диктатуры пролетариата.— 61.

⁵⁶ Плеханов имеет в виду книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышедшую под псевдонимом «Бельтов».— 63.

⁵⁷ В передовице № 2 газеты «Народная воля» от 15 ноября 1879 г., говорится об Учредительном собрании: «В этом собрании 90% депутатов от крестьян и, если предположить, что наша партия действует с достаточной ловкостью,— от партии. Что может постановить такое собрание? В высшей степени вероятно, что оно дало бы нам полный переворот всех наших экономических и государственных отношений...».— 66.

⁵⁸ Вопрос о захвате власти революционной организацией трактуется в передовой статье № 8—9 газеты «Народная воля», от 5 февраля 1882 г.— 66.

⁵⁹ Статья «*Подготовительная работа партии*», которую здесь и дальше цитирует Плеханов, представляет собой программную статью, помещенную на стр. 122—134 «Календаря Народной воли на 1883 год», вышедшего в Женеве.— 66.

⁶⁰ Программа Исполнительного комитета «Народной воли» опубликована в № 3 газеты «Народная воля». Приведенное Плехановым положение находится в разделе В, п. 2 (стр. 6).— 67.

⁶¹ Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» к императору Александру III вышло листовкой тотчас же после убийства Александра II, 10 марта 1881 г. Оно было перепечатано в «Календаре Народной воли на 1883 год», стр. 9—14.— 68.

⁶² Исполнительный комитет «Народной воли» предлагал Александру III ввести перечисленные свободы «в виде временной меры, впредь до решения народного собрания».— 68.

⁶³ «Железным канцлером» называли канцлера Германской империи Бисмарка.— 71.

⁶⁴ Все цитаты в этом абзаце взяты из передовицы № 8—9 газеты «Народная воля», от 5 февраля 1882 г., стр. 3.— 71.

⁶⁵ В первом издании «сословиям».— 72.

⁶⁶ «Рабочая газета» — нелегальная газета, издававшаяся с декабря 1880 по декабрь 1881 г. группой рабочих — членов партии «Народная воля» — в Петербурге, под редакцией А. И. Желябова. Всего вышло три номера. Издание прекратилось из-за разгрома народовольческой организации.— 80.

⁶⁷ «Работник» — нелегальная газета бакунистского направления, издавалась в Женеве в 1875—1876 гг. Всего вышло 15 номеров. Газета обращалась к русским «работным людям» — фабричным рабочим и крестьянам — с призывом к бунту.— 80.

⁶⁸ См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Манифест Коммунистической партии», стр. 70.— 81.

⁶⁹ «Неделя» — еженедельная газета, выходившая в Петербурге с 1866 по 1901 г. С 1876 г. перешла в руки либеральных народников и выступила с проповедью теории «малых дел», т. е. призвала интеллигенцию отказаться от революционной борьбы и заняться «культурничеством».— 82.

⁷⁰ Объявление об издании «Вестника Народной воли» напечатано в № 1 этого журнала, вышедшем в 1883 г. Первые строки этого «Объявления» гласят: ««Вестник Народной воли» имеет в виду быть заграничным органом русского социализма, как он выразился в партии Народной воли, борющейся за совершенно определенные цели при совершенно определенных условиях».— 83.

⁷¹ Работа Г. В. Плеханова «Еще раз социализм и политическая борьба» была опубликована в 1901 г.— 84.

⁷² *В. В.* (псевдоним *В. П. Воронцова*) — один из идеологов либерального народничества 80—90-х годов XIX в.— 85.

⁷³ См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Манифест Коммунистической партии», стр. 62.— 86.

⁷⁴ См. прим. 42.— 88.

⁷⁵ «Рабочая мысль» — газета «экономистов», выходила с октября 1897 по декабрь 1902 г. Вышло 16 номеров. Редактировалась К. М. Тахтаревым.— 90.

⁷⁶ Автором брошюры «Об агитации», вышедшей в 1896 г. в Женеве в издании «Союза русских социал-демократов», был Кремер А. И. (р. в 1865 г.), один из организаторов Бунда, националистической и сепаратистской организации, противопоставлявшей интересы еврейских рабочих интересам рабочих других национальностей.

Предлагая социал-демократам вести работу среди рабочих главным образом «на почве существующих мелких нужд и требований», Кремер, тем самым, игнорировал политические задачи, стоявшие перед социал-демократией и рабочим классом. Его брошюра «Об агитации» легла в основу обоснования хвостистской тактики сторонниками экононизма.

В статье «Еще раз социализм и политическая борьба» Плеханов подверг брошюру резкой критике.— 91.

⁷⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2 изд., т. 1, стр. 422.— 103.

⁷⁸ «Credo» (символ веры, программа, миросозерцание) — манифест группы «экономистов» (С. Н. Прокоповича, Е. Д. Кусковой и других, ставших впоследствии кадетами).— 107.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	5
СОЦИАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА	14
<i>Предисловие</i>	14
I	18
II	32
III	60
ЕЩЕ РАЗ СОЦИАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА	84
I	85
II	89
III	91
IV	96
V	98
VI	102
VII	108
VIII	112
IX	114
<i>Примечания</i>	119

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЦИАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

ВЫПУСК 24

Редактор *А. П. Поляков*

Оформление художника *И. К. Байтодорова*

Технический редактор *Е. М. Сербин*

Ответственные корректоры *Е. Э. Ковалевская* и *В. Л. Фокина*

Сдано в набор 24 марта 1959 г. Подписано к печати 30 июня 1959 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 4. Условн. печ. л. 6,56. Уч.-изд. л. 6,78.
Тираж 70 тыс. экз. Заказ № 299. Цена 1 р. 60 к.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства
культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

ЗАМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
43	1 снизу	Амеркие (в части тиража)	Америке

